

*Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
Социологический институт РАН*

**В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ:
ВОСПОМИНАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ**

-

2017

Р е ц е н з е н т ы :

Доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и философии
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения *Л.Ю. Гусман*
Кандидат исторических наук, доцент Высшей школы общественных наук
Гуманитарного института Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого *И.В. Сидорчук*

В.О. Ключевский: воспоминания и исследования / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017 – 265 с.

В сборник вошли воспоминания учеников выдающего русского историка Василия Осиповича Ключевского (1841–1911), раскрывающие особенности его личности и преподавательского таланта. Вторая часть – исследования современных авторов, посвященные В.О. Ключевскому.

Для всех интересующихся историей отечественной науки и русской историографией.

Сборник подготовлен в рамках гранта РГНФ (№ 15-03-00488).

*Печатается по решению
Ученого совета Социологического института РАН*

© _____, 2017
© _____ - _____, 2017
© _____ - _____

ISBN 978-5-7422-5667-0

- _____, 2017

*А. В. Малинов
Санкт-Петербургский
государственный университет
Социологический институт РАН*

К ЮБИЛЕЮ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО¹

Изучение наследия крупнейшего русского историка последней трети XIX – начала XX в. Василия Осиповича Ключевского (1841–1911) продолжается уже более столетия. Воспоминания учеников сохранили черты личности историка, особенности его быта, общения с учениками, передают атмосферу его неподражаемых лекций. Ученые следующих поколений сосредоточились уже на исследовании его исторической концепции, его «научной школы» и т. п. Отклики и воспоминания современников и учеников историка содержат, в том числе, и критические оценки творчества Ключевского. Они заложили основы почитания ученого, способствовали сохранению памяти о нем. Публикуются работы М.Н. Покровского, С.А. Котляревского, а также непосредственных учеников Ключевского: А.А. Кизеветтера, М.М. Богословского, Ю.В. Готье, А.П. Яковлева, принадлежащих «школе Ключевского».

Ключевые слова: В.О. Ключевский, юбилей, русская история, историография, научная школа.

В 2016 г. исполнилось 175 лет со дня рождения Василия Осиповича Ключевского. Юбилей стал очередным поводом вспомнить великого русского историка. Помяная Ключевского, признавая его значение в исторической науке и видное место в профессиональной иерархии историков, надо учитывать, что он счастливо избежал стирающего смысла забвения, не был обделен вниманием современников и потомков. При этом казалось, что Ключевский никогда не заботился о своем почитании; он весь был в прошлом, погружен в исторические занятия. Но занимаясь своим делом, живаясь в изучаемое прошлое, он обеспечил и свое будущее. Ключевский остался в том символическом инобытии, в котором продол-

жает жить всякий крупный ученый: книгах, идеях, учении, памяти учеников и почитателей.

Проблемы коллективной, социальной, исторической памяти стали модной темой в современной гуманитаристике¹. И хотя о памяти не редко пишут философы² и социологи, историку тема памяти ближе. Это стихия его сознательного бытия, материя его профессионального самоопределения. Прошлое доступно историку в форме знания и воспоминания. Можно, наверное, сказать, что история – это особая форма знания, порождаемая памятью. Память, актуализируя смысла, делает прошлое настоящим, т. е. не только современным нам, но и подлинным в своем со-присутствии. Воспоминание – это настоящее прошлого. Все кто пишут о памяти сталкиваются с парадоксом: каким образом отсутствующее, то чего уже нет облекается смыслом, как прошлое присутствует в этом смысле? Смысл как настоящее (здесь и сейчас присутствующее и само себя удостоверяющее, т. е. подлинное) различим лишь на фоне иного. Таким инобытием настоящего и выступает прошлое. Однако инобытие смысла и настоящего – это область отрицания, лжи и обмана. В сумеречной сфере воспоминаний историк имеет дело лишь с тенями смыслов, отголосками переживаний, следами событий.

В исторической памяти Ключевский принадлежит сразу двум эпохам: формирование его мировоззрения и научных взглядов пришлось на период «великих реформ» императора

¹ ... XIX – ... , 2011. 448 ;
... .. , 2013. 592 ;
... .. :
... .. , 2013. 24 ;
... XIX – XXI :
... : 07.00.02. .. , 2015. 344 ;
... ..
// 2. -
.. 2014. 2. . 106–126.
² ..
.. , 2016. – 44 .

Александра II, а высшие творческие достижения принадлежат Серебряному веку русской культуры. Аскетизм облика и быта Ключевского, казалось бы, мало соответствует противоречивому духу русского религиозно-философского ренессанса. Однако с культурой Серебряного века его роднит литературный дар. Мало кто из современников мог соперничать с Ключевским в мастерстве владения русским словом. Этим во многом определяется значение Ключевского не только в русской историографии, но и русской культуре. Благодаря этому Ключевский вошел в содержание культурной памяти, а не остался только предметом коммеморативных практик профессиональных историков. Литературоцентризм и, шире, логосоцентризм русской культуры, преобладание смысла над образом и, соответственно, логосных искусств и практик над экранными, задали приоритетное положение писателя в русской культуре. Ключевский же, не будучи литератором, поднял историописание на уровень высших достижений русской литературы. Не случайно, в Академию наук второй раз он был избран по разряду изящной словесности. С культурой Серебряного века его роднит и артистизм, усиленный интеллектуальным обаянием, столь ярко проявлявшийся во время лекций. По артистизму публичных выступлений с Ключевским едва ли может сравниться кто-либо из отечественных историков. Это был сознательно культивируемый артистизм, блистающий афоризмами, парадоксами и заготовленными экспромтами.

Конечно, культивирование памяти Ключевского – это заслуга в первую очередь самих историков, причем не только его учеников, но и представителей других научных центров, чье критическое восприятие способствовало более объективной оценке историка¹. Можно даже указать даты, с которыми связано формирование этого культа. Прежде всего, это отклики на смерть Ключевского в 1911 г., полное всего пред-

¹ *Ростовцев Е.А.* В.О. Ключевский и историки петербургской школы (С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков) // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. Кн. 1. С. 340–370.

ставленные двумя сборниками¹. В 1946 г. состоялось чествование Ключевского в Московском государственном историко-архивном институте, а также была опубликована статья А.И. Яковлева², важная для понимания личности и творчества Ключевского, вызвавшая не однозначную реакцию еще на стадии подготовки. Изучение наследия Ключевского активизировалось в 1960-е гг. во многом благодаря стараниям А.А. Зимины и М.В. Нечкиной, когда были опубликованы работы самого Ключевского, а также исследования о нем, в том числе монография Р.А. Киреевой³. В 1970-е гг. вышли книги Э.Г. Чумаченко⁴, А.И. Карагодина⁵ и фундаментальная монография М.В. Нечкиной, над которой она работала более полувека⁶. Исследования 1960-х – 1970-х гг. способствовали формированию позитивного образа дореволюционной историографии. 150-летие со дня рождения историка вновь оживило интерес к его наследию, с тех пор уже не затухающий. В Пензе был открыт музей Ключевского (1991), установлены памятники на его родине в с. Воскресеновка (1991) и Пензе (2008), регулярно стали проводиться научные конференции, посвященные историку. Малой планете № 4560 было дано имя «Ключевский». За прошедшее столетие сложилась

¹ В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. – 217 с.; Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1914. Кн. 1 (248). – 943 с.

² Яковлев А.И. В.О. Ключевский // Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 6. История и археология. Саранск, 1946. С. 94–131.

³ Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М.: Наука, 1966. – 230 с.

⁴ Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский – источниковед. М., 1970. – 224 с.

⁵ Карагодина А.И. Философия истории В.О. Ключевского. Саратов, 1976. – 73 с.

⁶ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. – 640 с.; Базанов М.А., Богомазова О.В. Замыслы осуществленные и неосуществленные: А. А. Зимин и М. В. Нечкина в работе над монографиями о В. О. Ключевском // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23. С. 26–37.

богатая историография о Ключевском¹, а также разнообразные практики чествования историка и формирования памяти о нем².

За эти годы в отечественной науке сформировался богатый историографический нарратив о Ключевском, частично представленный в антологии «В.О. Ключевский: pro et contra»³. Однако по вине издателя из этого толстого тома выпал ряд текстов, некоторые из которых републикуются ниже.

¹ Богомазова О.В., Гришина Н.В. Юбилейные и мемориальные публикации о В. О. Ключевском: библиография (1897–2007 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011 № 23. С. 38–44.

² Богомазова О.В. Частная жизнь известного историка (по материалам воспоминаний о В. О. Ключевском) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23. С. 151–159; Богомазова О.В. Память о В. О. Ключевском в геокультурном пространстве Москвы в конце XIX–XX веке // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 9. С. 137–143; Богомазова О.В. Ключевский: актуализация памяти об историке в коммеморативных практиках научного сообщества XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков. Челябинск, 2011. С. 303–314; Богомазова О.В. «Страничка» о В.О. Ключевском: современные интернет-энциклопедии как средство обучения и формирования представлений об историке // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история. Пенза, 2015. С. 287–291; Богомазова О.В. Повезло попасть в энциклопедию: формирование образа историка В.О. Ключевского в советских научно-популярных изданиях // Мир историка. Историографический сборник. Омск, 2015. С. 208–224; Алеврас Н.Н., Богомазова О.В., Норихин И.М. Открывая неизвестного Ключевского: историк как творец национальной идеи // Диалог со временем. 2016. № 55. С. 41–61.

³ В.О. Ключевский: pro et contra, антология. СПб.: НП «Апостольский город – Невская перспектива», 2013. – 952 с.

Литература

Алеврас Н.Н., Богомазова О.В., Норихин П.М. Открывая неизвестного Ключевского: историк как творец национальной идеи // Диалог со временем. 2016. № 55. С. 41–61.

Базанов М.А., Богомазова О.В. Замыслы осуществленные и неосуществленные: А.А. Зимин и М.В. Нечкина в работе над монографиями о В. О. Ключевском // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23. С. 26–37.

Богомазова О.В. Частная жизнь известного историка (по материалам воспоминаний о В. О. Ключевском) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23. С. 151–159.

Богомазова О.В., Гришнина Н.В. Юбилейные и мемориальные публикации о В. О. Ключевском: библиография (1897–2007 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23. С. 38–44.

Богомазова О.В. Память о В. О. Ключевском в геокультурном пространстве Москвы в конце XIX–XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 9. С. 137–143.

Богомазова О.В. Ключевский: актуализация памяти об историке в коммеморативных практиках научного сообщества XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков. Сборник статей / Н. Н. Алеврас (главный редактор), Н. В. Гришнина, Ю. В. Краснова. Челябинск, 2011. С. 303–314.

Богомазова О.В. В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 24 с.

Богомазова О.В. «Страничка» о В. О. Ключевском: современные интернет-энциклопедии как средство обучения и формирования представлений об историке // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история. Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции / под ред. Т.В. Стрыгиной. Пенза, 2015. С. 287–291.

Богомазова О.В. Повезло попасть в энциклопедию: формирование образа историка В.О. Ключевского в советских научно-популярных изданиях // Мир историка. Историографический сборник. Омск, 2015. С. 208–224.

В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М.: Научное слово, 1912. 217 с.

В.О. Ключевский: pro et contra, антология. СПб.: НП «Апостольский город – Невская перспектива», 2013. 952 с.

Карагодин А.П. Философия истории В.О. Ключевского. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1976. 73 с.

Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М.: Наука, 1966. 230 с.

Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.

Святославский А.В. История России в зеркале памяти. М.: Древлехранилище, 2013. 592 с.

Сосницкий Д.А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2015. 344 с.

Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 640 с.

Ростовцев Е.А. В.О. Ключевский и историки петербургской школы (С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е.Пресняков) // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2005. Кн. 1. С. 340–370.

Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2014. № 2. С. 106–126.

Шевцов К.П. Основные парадигмы концептуализации памяти в философии. Автореф. дис. ... доктора филос. наук. СПб., 2016. 44 с.

Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1914. Кн. 1 (248). 943 с.

Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский – источниковед. М.: Наука, 1970. 224 с.

Яковлев А.П. В.О. Ключевский // Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 6. История и археология. Саранск: Мордовский государственный университет, 1946. С. 94–131.

ВОСПОМИНАНИЯ

I. **. 1904**

. . .
 ,
 ,
 ,
 ,
 .
 : ,
 .
 « »
 ,
 ,
 , —
 ,
 ,
 , —
 ,
 ,
 ,
 25 .
 , —
 ,
 « »,
 ,
 , 1894 1884 . 1904 .
 ,

1904 .. ,

« » .
 ,
 ,
 ,
 ...
 , — ,
 , — ,
 , — ,
 .
 ,
 .
 , — , — .
 « » . 2-3?
 « » , — .
 « » .
 « » , « » ,
 » . « » ,
 ?
 » « » . , ,
 « » ,
 , — . 2.
 « » , — « »
 »? . « »
 ,
 » (. 3).
 (« ... »),
 ? « »
 — , .. « »

, « ? » , -
 ? , -
 , « » « » ? -
 , -
 , -
 , -
 , -
 . 2 3. -
 -
 -
 ! , -
 2 , -
 (. 4 6-7: « ... -
 »). , ... (. 29: -
 « — , -
 ») — « -
 » 3 (. 2: « -
 , -
 , -
 , — , -
 »). -
 , , , -
 , -
 , -
 . -
 , — , -
 , -
 . , -
 , -
 « -
 » , -
 .

, -
 , -
 , , -
 . -
 , , -
 , , -
 , , -
 « , : -
 » (. 202). ,
 « »
 , . 35-36 — -
 . XI .,
 XIX. ,
 . 202, -
 , -
 « » (. -
 29 .). , -
 , « », -
 « ». -
 « — , -
 ». -
 . « » « -
 , , -
 , -
 ». « » « -
 », « -
 , » (. 32; -
 . 30 « -
 , , -
 »). , -
 , , -
 , — , -

34). «...»

* «...» «...»
4.

», 1903,

— , — :

», — , -

, — , -

, , 1/10 (. 1-42). -

, (« » -

XIV . « -

»), -

« », , -

, . : , -

, « », -

, XI- , . -

« -

». . « » -

« » , — -

, , . -

, , , -

, — , -

5, , -

, (« -

I » 6). « -

« » — -

, — -

, — -

.

—

,

,

, « »

,

« »,

,

,

« »,

?

1904. . . 211–215. (1868–1932) –

1891 . . . 1905 . . . 1908 1917 . –

(1918–1932), (1920),

(1921),

(1925),

« 1 - », « ».

(1798–1857) –

2 (1770–1831) –

3

(1820–1903), . . . (1808–1881) .

(1869–1926).

4 . . . «

(. . .)» (. . .

. 1903. V (70). – . . . 902–

927.), . 902.

5 (1820–1879) – ,
 (1848–1879), -
 (1871–1877), (1872).
 6 (1832–1911) – ,
 (1857), -
 1871 . -
 (1888–1897), - , (1897–
 1899), (1907). «
 . . » 1893 .

• •

«

»

• •

,

-

-

,

-

,

.

-

,

-

.

-

,

«

»

-

,

-

.

-

,

.

-

.

,

,

-

, —

,

-

—

.

-

,

,

-

,

,

-

,

-

1

«Die Lehre von den Staatenverbindungen»,

-

,

.

-

,

-

—

.

,

.

-

,

. ?
 ? , -
 ,
 . -
 - ,
 .
 - ,
 , ,
 , ,
 ,
 —
 . ,
 , ,
 ,
 , —
 — , —
 2 ,
 . ,
 ,
 .
 ,
 — — .

«
»
3
?
: φ μ ε μ ί , ξ φ ή υ ò ù ώ
α ς ά ?⁴

« — »⁵

«

, , -
-
, , ;
-
— , -
-
, .
-
8 , - ,
-
,
; -
-
.
-
,
-
: , , , -
,
-
, . ,
-
-
, , -
-
, ,
» (. 2-3).
—
, —
-
-
, -
-
?
-
.
-
: « ;
»

1550 .⁶:

parliament»⁷ : «King in
«King in council»⁸.

9

10

(442).

» (456–457).

1510 ∴ «
;

III

11

12

13

;

».

?

III;

«

» (261–262).

: «

».

».

XVI

» (305–306).

. «

» (456). «

» (458).

14

XVI

XVII

· , -
-
— · -
-
· -
· , -
-
15 .
-
· « »
-
, -
« , , ·
, , ,
, ,
,
, -
, -
» (309).
, -
, -
· , -
· , -
-
· -
· ,
16 .
· ,
· ,
· ,

- . «
 ,
 ,
 ,
 ,
 ;
 ,
 ,
 ,
 — ,
 ,
 . « »
 ,
 . . .
 ,
 .
 XII ., XI
 :
 ,
 - ,
 ,
 ;
 :
 ,
 XV .
 :
 ,
 -

; , , -
 , , -
 « » « -
 »,
 17 , ,
 XVI XVII . , -
 , -
 , ,
 . , , XVII . -
 , ,
 « » — ,
 , ; -
 18 1711 . , -
 , -
 . — -
 — , , -
 , , -
 — -
 , , -
 . , -
 — , -
 , , -
 , - , -
 , -

«exemplo quam verbo»¹⁹ ...

« »

«plus
«exemplum»

20

:
 . ., 1909. . 244–253.
 (1873–1939) –
 , , (1894),
 1899 . (1904) , (1909),
 I , «
 », , 1939 .
 1 (1851–1911) –
 «
 2 » (1882). (1853–1904) –
 , -
 , (1874),
 (1895–1897). . . « , » (
 2 . 3 ., 1892–1893). (63 . . . – 14 . . .) –
 ,
 4 φ μ è μ ί , έ φ ή ύ ò ù ώ ά ς à
 (.) –
 5 « » –
 . . 6 1500 . – 1882 .
 1549 . 1551 .
 7 «King in parliament» (.) –
 8 «King in council» (.) –
 9 – 1565 1572 .
 10 – 1598 1613 .,
 ,
 11 « » –
 XVI .,
 .

¹² (1528–1583) – , 1564 .
 , -
 « , ».
¹³ III (1479–1533) – -
 (1505–1533); IV () (1530–1584) – -
 (1533),
 (1547).
¹⁴ (1596–1645) – -
 1613 .
¹⁵ III , (1661–1682) – (1676),
 (1682).
¹⁶ 1649 . – -
¹⁷ , 1649 .
 - ,
 . 1664 .
 , - « -
 ».
 1667 .
¹⁸ - (1711–
 1917), I .
¹⁹ plus exemplo quam verbo (.) – , .
²⁰ (1561–1626) – , .

• •

• •

,

. 12

—

-

-

.

-

,

-

-

,

,

,

-

-

-

-

-

,

,

-

-

,

.

-

,

,

.

,

,

«
»¹.

à vol d'oiseau²

XVII .»³,

— «

4,

, -
 , -
 , -
 , -
 5 , -
 , -
 , -
 » , — « -
 , -
 « , » -
 « »⁶ , -
 , -
 , -
 , -
 « » -
 , -
 , -
 , -
 « » -

» , -
, -
. -
, -
, . -
, -
», -
40- -
, -
, -
», -
, -
, -
», -
», -
- -
», -
», -
« » , -
— , -
, -
60- .
. . ?
, -
, -
— ,
, -
, -
, -
; ,
, -
, -
, -
», -
»,

. 1911. 6. . 135-140. (1866-1933) -
 ,
 1 «
 », « (1847. . 1. .
 1. . 2. . 1-52.),
 « »
 (1818-1885) -
 ,
 1844-1848 . , 1857
 1861 .
 2 à vol d'oiseau (.) -
 3 (1828-1904) -
 ,
 (1861-1867). «
 XVII .»
 1857 .
 4 (1810-1873) -
 ,
 (1852-1873).
 5 (1820-1879) -
 (1848-1879),
 (1871-1877), (1872).
 «
 » 1845 ., «
 » - 1847 .
 6 «
 » 1851 1879 .
 7 «
 » 1882 .

• •

*

• •

,

I

• •

,

;

,

,

,

,

.

-

,

,

-

,

,

,

,

-

,

,

-

.

,

,

.

,

-

.

,

-

—

,

-

,

.

,

,

,

,

,

,

,

-

,

-

-

.

,

.

,

,

?

-

?

,

,

.

*

,

• • • •

• •

,30

-

1911 .

“... «...» *» .

... ** ... ***

* ... // ... 1888. . 4.

. 383. ... 409. «

... ».

... // ... 1886. . 5.

1,
;
« »
»
—

XIX

«

* »

*

1877. II. 176.

, - , -
.
. . .
, ,
,
-
, ,
,
80- , ,
- , -
: « ;
; — ;
, ,
, » ,
.
, -
, ,
, -
, -
, — ,
, .
;
«
»⁸.
?
, -
, , -
, -
— , -
, ,
; ,
.
-
.

, 11 , 12 , -
 , 13 , -
 .
 — ;
 ,
 ,
 ,
 « - , ,
 » .
 , . , , ;
 ? -
 , -
 , ; -
 , ; -
 : - , ; -
 , . -
 , , -
 , . -
 , ; -
 , - , -
 . -
 , -
 , . -

XIX ..

16

14

17

15

»¹⁸

«
»¹⁹

20

XVIII

1861

19

, -
, -
, . , -
, . -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
1566 1598 . -
« » -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -
, -

?

-

， ，

，

，

，

-

，

，

·

，

，

，

-

，

?

，

，

-

，

，

-

，

-

·

，

-

，

·

-

·

，

-

；

-

，

-

，

-

...

-

，

，

，

-

，

，

，

-

，

，

，

·

-

，

-

，

-

，

-

，

-

XVIII XIX

..

-

，

，

，

，

21 .

-

，

XIX .,

22

23

« ; ; , , , , ; ; ».

1912. .26-44. (1867-1929) -

(1921). « » (

1915. .325-356). (1820-1879) -

(1848-1879), (1872).

(1871-1877), (1772-1839) -

(1766-1826) -

» (1803-1826). « (1807-1879) -

(1828-1904) -

(1861-1867). (1822-1874) -

(1856).

XVII .» 1857 ., « » -

1859 .

«

» . .

1899 .

9 (1800–1875) – ,
 1844), (1841). (1835–
 10 (1770–1831) –
 , (1775–1854) –
 11 (1817–1860) – , ,
 12 (1818 – 1885) – -
 1844 – 1848 , 1857 1861
 13 (1842–1886) – -
 14 (1806–1855) –
 , -
 15 (1832–1911) – ,
 (1888–1897), -
 16 (1897–1899). (1841–1889) – ,
 17 (1847–1892) – , -
 (1889–1890) (1878–1887)
 18 « -
)» (. 1890. 1; 1891. 1; 1892. 1.) -
 « » (., 1882). -
 19 « -
 » -
 1868. 7.). « » (1867–
 20 « XVI–XVIII .
 » « -
 21 » (1884. . 1). -
 « » -
 1 1887 .
 « » (1887. . 2).
 22 (1844–1930) –
 23 (1828–1910) – .

. . .

. . .

()

-

,

,

,

,

,

90-

.

.

-

;

,

,

,

-

,

.

,

-

,

,

,

-

,

.

,

,

,

,

-

,

,

,

,

,

.

,

-

.

,

,—

,

, ; , , , , , -
 , , 3 4 , , -
 , ; 6-
 . ;
 , -
 , () , -
 , -
 - 1 -
 .
 , , .
 , , .
 , . « — -
 , — , -
 , » , , -
 ,
 , , : ,
 , , , -
 ,

. :
 , -
 , , « »
 , , -
 , , -
 , , -
 , , -
 , « » , -
 . :
 . -
 ; -
 , « » . -
 ; -
 , , -
 , ; , -
 , - - -
 , - -
 . , -
 , — -
 , -
 , — -

, , ,
 . , -
 , -
 , -
 , -
 , -
 , -
 . 3 ; -
 , ; -
 , -
 , -
 ; « -
 » 4 , -
 , 5 . -
 ; , -
 , , -
 - , -
 . -
 , , -
 . -
 ; , -
 ; « » , -
 ; , -
 ; , -
 , ,

, — -
 , -
 , -
 , , , , , -
 , , , , , , , , -
 , , , , , , , , , -
 - , -
 , -
 , -
 , -
 , ; -
 , -
 , -
 , -
 , -
 , -

.
 , 1912 . . 177-182. -
 (1873-1943) - ,
 1895 . -
 , -
 1903 . - -
 , -
 , -
 . 1906 -
 XVII « -
 , , -
 , 1913 . - « -

I II». 1915 . -
 , 1917 .
 , (. . . .) . 1922 .
 - , 1939 . - .
 1930 . « » . -
 1933 . -
 1
 (1871–1899) 1893 .
 2 1894 . 1894 1895 .
 (1830–1894) –
 , «
 (1859–1880)» (. 1–9. ., 1861–1883); «
 . 1764–1864» (., 1865); «
 1865–1876 .» (. 1–8. ., 1882–1890); « -
 . 1800–1854
 . » (. 1–3. ., 1892–1893) .
 3 (1735–1809) –
 1761 1767 . , -
 « -
 » .
 4 « .
 » (., 1808)
 (13 1878 .) . .
 « » (. . -
) . ∴ « (. -
 5)» (1878. . IX. . 1.) .
 (1595–1657) –
 , ,
 ,
 .

• •

[• •]

-

.

,

.

,

,

-

-

.

.

,

-

,

,

-

.

-

,

,

:

-

.

,

.

,

,

.

,

,

,

.

,

,

—

.

-

;

—

II,

,

-

-

XIX

.

1884 .,

, • •

-

-

,

.

?

XVIII

«

»

,
 -
 .
 ,
 1,
 -
 ,
 -
 ,
 -
 ,
 -
 .
 .
 : «
 ,
 ».
 ,
 « »
 ,
 -
 ,
 :
 ,
 ,
 ,
 -
 .
 ,
 -
 -
 .
 ,
 ,
 ,
 -
 .
 ,
 -
 .

. -
 -
 ,
 ,
 . -
 . -
 ,
 ,
 -
 ,
 -
 . -
 ,
 «
 », -
 -
 ? -
 1861 . -
 -
 , -
 « -
 » -
 -
 . -
 . -
 -
 -
 -
 2 -
 3 , -
 4 , -
 « -
 5 , -
 », -
 .
 ,
 . -

60-

， ， -
 -
 . « ， » -
 .
 ， ， -
 -
 ， ， ， -
 « ， ， »⁶ .
 ， ，
 ， « ， » -
 ， -
 1861 .，
 ， -
 ， -
 -
 -
 ， -
 -
 ， — -
 -
 . « : « -
 »
 »⁷ . -
 ， « ， »， -
 -
 . (« ，

»), -

. -

,- -

, -

,-

,-

, -

- -

- -

,- -

,- -

,- -

,- -

- -

- -

,- -

,- -

,- -

,- -

,- -

,- -

III,

II —

«

:

»

».

9

8 (

(« »),

: «

«

II,

:« —

II».

III

III.

«

».

10

«

».

- 1 1881–1914. ., 1996. . 46–54.
(1823–1867) –
- 1821–1866). (
- 2 (1810–1873) –
- 3 (1810–1881) –
- 4 » « ».
(1820–1879) –
(1848–1879),
(1871–1877), (1872).
(1828–1904) –
- 5 (1861–1867).
- 6 « » « »
- 7 « 1882 .
- 8 (1844–1914) –
- 9 (1829–1912) –
- 10 « ».
(1850–1877) –

. . .

(1841–1911)

. . .

I

1895/6 . . . ,

(

)

8

,

,

,

.

(

),

,

-

.

2

3

.

. . .

,

. . .

.

—

«...

?» —

. — «

, —

, —

,

,

?

,

,

,

,

,

,

,

,

,

,

,

.

,

.

,

' , (-
, ,) , -
, , , , -
, , , , -
, , , , -
, , , , -
, , , , -
, , , , -
, , , , -
6 , , , , -
, , , , -
, , , , -
, , , , -
- , 1861 , , -
, , , , -
, , , , -
500 , , , , -
, , , , -
; , , , , 500 , , -
- , , , , -
, , , , , , -
, , , , , , -
, , , , , , -
, , , , , , -
, , , , , , -

1861 .
50

III

60-70, -

15

7-

(),

-
 : «
 ».
 —
 1863
 15
 7,
 II,
 8,
 60-
 !
 »,
 9,
 10
 11,
 —

,		,	-
	.		
		,	-
	.	,	-
	.		
	.		
12	,	,	
		.	-
		.	-
		.	-
	,		
,		.	-
,			
	,		
,			
	,		
	.	,	-
	,		
	,		
		,	-
,			
,	:		
«		,	-
», —			
	.	:	
,			
	,		
		,	
	,		
		,	-
	,	.	
		«	
		»,	

“ ” !»

« » ,

1-

1- -

, , -

. , -

, -

, , -

. -

, -

, , -

. , -

, , -

, , -

- , . -

, , . . . 15 -

, , -

. , -

. -

- -

16 4- « » -

, , -

. -

17, , -

, -

. « !» -

. -

, -

!», — « -

, !», — -

. -

, , . . . -

. -

, -

, « -

» « », , 30 -

», - « -

: « , »

().

(), ,

... .

,

,

,

,

:

—

... .

,

,

18 , ,

().

- ,

,

,

:

! » , ,

... .

,

. « ».

« »,

1861 . . . 19,

« »), (

IV

1871 . . .

« ».

« »:

20

. . . , , -
, - , -
()
. . . 2000 . ,
,
, , ,
, .
,
,
, . . .
, . . . -
, -
, . . . -
, -
. . . ,
,
, -
,
,
, -
, -
,
,
,
,
,
, -
, -
, . . .
, -
,
6 , 5-

,
 .
 (1870-1880), . .
 ,
 ,
 — ,
 — ,
 ,
 ,
 . .
 ,
 . .
 1879 .
 : . . ,
 ,
 ,
 . .
 ,
 . .
 ,
 . .
 1880- ,
 , 1910 . ,
 ,
 ,
 . . ,
 ,
 ,
 ,
 ,
 . . ,
 ,
 ,
 . . ,
 ,
 ,

«...»

V

XVII 472 XVIII XIII

()

IX-X .

« » , . . .

(« »)

IX-XII .

XII .

XIII .

XIII-XV

,
 , , .
 , , -
 , , -
 , -
 .
 , , , .
 , -
 .
 « , »,
 XV-XVI .
 XIV XVI .
 , , -
 , , -
 , . , -
 () -
 . XVII . -
 , , -
 , : -
 , XIV-XV ., -
 , XV
 XVI ., « » (-
 : (-
 , , .), -
 , -
 XIV-XV . (— -
). -

XIV-XV .

-

,

-

,

.

-

,

.

«

,

,

,

,

XVI-XVII .

,

,

,

,

»²⁴.

,

XVI .

,

,

.

XVI ,,

.

IV

,

XV XVI .

(,) XVI —

XVI ,,

. XVII .

« »

»²⁵)

， ，
， ，
： «
»²⁶ .
，
，
，
，
（ ）
« »
« »，
XVI .
，
« »
— —
，
XVI-XVII .
，
，

XVII .

» XVII .

, XV XVI . () ,

1550 .. IV

: XIV .

27

1566 .

» () «

1566 ».

1566 . , , , -
, , , -
. , -
1598 . (-
), , -
1566 . . . , , -
, « » . . . -
, 1598 . -
, -
. , -
, -
-
1598 . , -
, -
, -
: -
49 , (, -
²⁸, 512 ²⁹, ³⁰) -
456-474 *).

*

XVI .

IV

«

»

»³²,

«

XVIII .
XVIII
) XIX .,

(1861

»³³.

XIII XV ,,3)

VIII XIII ,, 2)

XV XVIII ,, 4)

1911 ,, 5-
1905 .

XVIII ,,

5-

II,

*
— 1918 . 1936 .

1- , -

, -

, -

.

-

:

- , -

, -

,

,

-

,

« » —

.

,

—

,

-

, X .

.

,

,

,

,

,

,

,

:

,

:

.

,

,

— -

.

-

XII .,

,

, « », -

XIII-XIV

XV

XVI .

IV

(XVII .)

XVIII

XIX .

XVIII .,

19 1861 .

- , -

, , -

, -

.

.

, -

:

, , , , -

, : « -

, , « » , « -

», « », « -

», « -

», « » (), « II»,

« »³⁴.

:

,

,

,

,

,

,

- . -

,

, -

, -

, -

. . (-

) -

.

,

,

XIV ..

VI

3-
()
1870 .. 50

35

() -

， -

，

， -

， -

， -

5- -

： -

，

， -

， -

36 ， -

1901 .. -

， -

() -

， -

， -

， -

， -

， -

， -

， -

， -

， -

， -

， -

， -

， -

， -

， -

， -

, . . . , -
 , , -
 , -
 — . -
 , -
 . (1902 .), -
 , -
 , -
 . . . -
 . . . -
 * , , -
 , -
 , -
 , -
 « » -
 20 -
 , 1880- 1890- -
 , -
 , -
 , -
 , . . . -

* «
 ».

, . . . , I, -
 , -
 , -
 , '38 39 , -
 .
 : - . 6. -
 , 1946. . 94–131. -
 (1878–1951) – ,
 (1900), -
 (1906 .), -
 (1917–1920, 1927–1929, 1943–1951).
 1920–1922 .
 , -
 (1922–1930), ()
 (1924–1930). 1930 . « -
 ». 1934–1937 . -
 ,
 1951). 2- (1942) « (1938–
 XVII .». -
 (1929). -
 1 (1854–1925) – -
 (1884–1902)
 (1903 – 1925) , . . . (1914).
 2 (1837–1919) – -
 ,
 (1868–1904), -
 3 (1902), (1852–1899) – ,
 . . . , . . . ,
 (1875), -
 (1883–1886), -

(1886),
 (1888), « -
 4 » (1889–1896).
 5 (1816–1850).
 () (1821–1866) –
 6 (1823–1867) – -
 (1826–1866)
 7
 1865–1866 ,, , II 4 -
 1866 « ».
 36 .
 8 (1840–1879) – -
 ,
 « » « », II. -
 9 (1822–1874) – -
 (1856).
 10 (. 50- – 120 . . .) – -
 11 (1818–1897) – ,
 (1860), -
 (1859).
 12 « : » – -
 (1769–1859), (1845, 1847, 1852, 1857).
 13 (1828–1889) –
 « » (. 1860. 6, 7).
 14 (1820–1879) – ,
 (1848–1879), -
 (1871–1877), (1872).
 15 (1833–1891) – ,
 , -

(1883).
¹⁶ « (1817–1903) – 1902 .
 » (1854–1885), « .
 » .
¹⁷ (1787–1874) – .
 , (1830), (1832–1836), -
 (1847–1848).
¹⁸ (1800–1875) – (1825–1844), -
 (1841).
¹⁹ (1817–1872) – .
 . 1866 . 1861 .
²⁰ (1812–1875) – .
²¹ , (1864–1875).
 «
 »
²² 1871 . (. 1320–1392) – .
 ,
²³ «
 »
 » (1880. . I, III, IV, X, XI; 1881. . III, VI, VIII, IX, X, XI).
 1882 .
²⁴ XI « »
 (. , 1902. . 243).
²⁵ «
²⁶ » (. 1885. . VIII, X.).
 «
 » (. 9 .
 . VIII. . , 1990. . 128.).
²⁷ «
 (.
)» (. 1890. . I; 1891. . I; 1892. . I).
²⁸ (1810–1873) – .
 , , , .
 « » (. , 1867).

29 (1851–1912) – ,
 « , : . 1: .
 » (, 1877) « 1648–1649 » (,
 1879).
 30 (1858–1927) – ,
 « -
 » (., 1885).
 31 (1828–1904) – ,
 (1861–1867), « -
 » (., 1866).
 32 « » . . .
 1904 1910 . -
 1921, 1937 1958 . -
 33 « » (-
 . . . 9 . . I ., 1990. . 51.).
 34 : «
 » (. 1887. . II), «
 » (. 1892. 1), «
 » (.
 1892. 11), « (-
)» (. 1896. 1), « (-
 , 15 1841 .)» (. 1891.
 7), « II (1729–1796)» (.
 1896. . 11), « » (.
 . 1901. 1).
 35 (.) (1837–
 1909)– . . . (1832–1897) – -
 36 , . . . -
 1894 .
 37 «
 » (9 (22) 1906 .) I -
 II. -
 38 (. , 1870–1924) – -
 -
 1917 .
 39 (. ,
 1879–1953) – .

ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ЗАБВЕНИЕМ: ПРАКТИКИ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО В КУЛЬТУРЕ РОССИИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА¹

Исследовательское внимание в данной статье сосредоточено на отдельных видах и этапах формирования и развития коммеморативных практик научного и культурного сообщества, посвященных В.О. Ключевскому, как площадке «места памяти». Подобный подход позволил выявить особенности его существования в меняющейся социокультурной среде. Сконструированный в начале XX в. образ историка оказался наделен свойствами, которые стали востребованы в более позднее время – в 1960-е – начале 2000-х гг. Делается вывод, что изменения затрагивают, прежде всего, способы трансляции коммеморативного феномена: при сохранении традиционных форм, они расширяются за счет использования современных возможностей интернета и телевидения.

Ключевые слова: В.О. Ключевский, научные традиции, историографическая память, коллективная память, коммеморативные практики, формы коммеморации, места памяти, юбилей.

Французский историк П. Нора, изучая динамику коммеморативных практик, приходит к мысли о том, что память, как структура, носителями которой выступают «живые социальные группы», находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, подвластна манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления². Эти наблюдения позволяют предпо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), соглашение № 16-03-00264.

² См.: Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 03.11.2015).

ложить, что воссоздание общей повествовательной конструкции юбилейных дат позволит увидеть динамику «вспоминания» и «забвения», выявить причины, по которым научное сообщество сочло необходимым сохранять память о В.О. Ключевском. Концентрация исследовательского внимания в данной работе именно на юбилейных практиках определяется особенностями процесса коммеморации Ключевского: начавшись с 1911 г. – даты смерти историка, со временем он становится все более привязан к «круглым датам». Однако исследователи, характеризуя особенности юбилеев в современной российской культуре, пишут, что, будучи своеобразным «венцом» сложных коммеморативных моделей, они «предстают полноценным выражением интеллектуальных предпочтений их организаторов только по мере сопоставления с иными звеньями мемориальных стратегий, реализуемых в рамках отдельного социума»¹. В связи с этим мы не могли обойти вниманием иные мемориальные практики, которые будут представлены наряду с юбилейными.

В процессе научного отбора и культурного осмысления роли наследия великих историков дореволюционной России, возникает проблема выбора социально-значимой информации о прошлом, проблема использования отобранной информации для нужд настоящего и будущего. Социальная память общества представляет собой совокупность социальных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование некогда актуальной информации в информацию о прошлом, с целью сохранения и использования накопленного общественного опыта и передачи его из поколения в поколение. В результате этого процесса формируются и приобретают относительную устойчивость коммеморативные практики. По словам С.А. Еремеевой, существующая необходимость некоторой «временной дистанции от личной смерти до общественного поминовения» фиксирует очень важный момент в работе механизма памяти². Его отражением стали рас-

¹ Кузнецов А., Маслов А. Диктатура юбилеев. Мемориальный бум как признак иной повседневности // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя. М., 2011. С. 517.

² Еремеева С.А. Каменные гости: монументальные памятники

сма­три­вае­мые здесь исто­ри­ко-науч­ные и со­ци­аль­ные прак­ти­ки уве­ковечивания па­мя­ти о Ключевском.

1. Мемориальный нарратив

Комплек­с мемориальных исто­ч­ни­ков на­чи­на­ет фор­ми­ро­вать­ся не­посред­ствен­но по­сле кон­чи­ны исто­ри­ка, с 1911 г. Он пред­став­лен некроло­га­ми, мемориальными до­кла­да­ми, сбор­ни­ка­ми ста­тей и от­дель­ны­ми ста­ть­я­ми и до­кла­да­ми, по­свя­щен­ны­ми па­мя­ти Ключевского¹. В тек­стах пуб­лич­но вы­ра­жа­лась скор­бь в свя­зи со смер­тью ученого, пуб­ли­ко­ва­лись вос­по­ми­на­ния о нем. Для дан­но­го ком­плек­са до­ку­мен­тов, име­ю­щих вы­ра­жен­ную «по­ми­наль­ную» со­ста­вляю­щую, ха­рак­тер­но при­сут­ствие «кли­ше» в тек­стах, на­ли­чие пер­со­ни­фици­ро­ван­ных цен­ност­ных ори­ен­та­ций и, так на­зы­вае­мая, «прис­ваи­ваю­щая» мо­дель само­иден­ти­фика­ции ав­то­ра².

В и­то­ге об­щес­твен­но­му осоз­на­нию по­те­ри «вели­ко­го ученого», как и соб­ствен­но на­ча­лу про­цес­са фор­ми­ро­вания мемориального обра­за Ключевского (его меморизации), спо­соб­ст­во­ва­ла пуб­лич­но-оформ­лен­ная ре­флексия рус­ских исто­ри­ков, мно­гие из ко­то­рых бы­ли учениками и кол­ле­га­ми исто­ри­ка по уни­вер­си­те­ту, науч­ным об­щес­твам. Примечатель­но, что уже в 1911 г. про­ис­хо­ди­ла актив­ная пере­оцен­ка об­щес­твен­но­го мнени­я о Ключевском имен­но бла­го­даря со­дер­жа­нию мемориальных пуб­ли­ка­ций³. Бук­валь­но в пер­вые

ком­ме­мо­ра­ции // Исто­ри­че­ская куль­ту­ра им­пе­ра­тор­ской Рос­сии: фор­ми­ро­вание пред­став­ле­ний о про­шлом. М., 2012. С. 519.

¹ См.: Мель­ни­ков А. Па­мя­ти проф. В.О. Ключевского // 13 мая 1911. Ниж­ний Нов­го­род. Ниж­е­го­род­ская губ­ер­нская учено­я ком­ис­сия. 1911; Смир­нов П.П. В.О. Ключевский. Док­лад, прочи­тан­ный 12 но­яб­ря 1911 г. в за­се­да­нии Исто­ри­че­ско­го Об­щес­тва Не­сто­ра-Ле­то­пис­ца, по­свя­щен­но­го па­мя­ти В.О. Ключевского; Яков­лев А.И. В.О. Ключевский // За­пис­ки Науч­но-ис­сле­до­ва­тель­ско­го ин­сти­ту­та при Со­вете Ми­ни­ст­ров Мор­дов­ской АССР. Вып. 6. Са­ран­ск, 1946; и др.

² См.: Кор­зун В.П., Ко­ле­ва­тов Д.М. Мемориальные и ю­би­лей­ные со­бы­тия в жизни науч­но­го со­об­щес­тва как куль­тур­ные прак­ти­ки само­иден­ти­фика­ции // Куль­ту­ра и ин­тел­ли­ген­ция Рос­сии: Ин­но­ва­ци­он­ные прак­ти­ки, обра­зы го­ро­да, ю­би­лей­ные со­бы­тия. Исто­ри­че­ская па­мять го­ро­жан. Омск, 2009. С. 197, 199.

³ См., на­при­мер: В.О. Ключевский. Ха­рак­те­ри­сти­ки и вос­по­ми­

дни после кончины Ключевского были обозначены его общественно-научная значимость и его роль как ученого-историка, учителя-просветителя, гениального «художника слова» и духовного лидера своей эпохи, обогатившего русскую культуру. Практически сразу произошел запуск процесса меморизации через осознание «невозместимой потери» для российской науки с уходом этого человека. Таким образом, начало формироваться новое «место памяти» в университетской корпоративной культуре.

Новое актуальное звучание общественно-научная рефлексия о Ключевском приобрела на закате советского общества, в период поисков новых научных, нравственных, социальных ориентиров и выстраивания конструкций «прошлого ради будущего», появляющихся не только в историко-политической публицистике, но и в научно-исторической литературе. Период конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. в формировании историографической памяти можно назвать особым, так как в новом социокультурном контексте координаты образа Ключевского как «места памяти» значительно расширяются, наделяясь актуальными социально-значимыми смыслами, обретенными в поисках новой (или старой – дореволюционной) культурной и профессиональной идентичности. В новых условиях стали возвращаться к жизни символы прошлого, хранимые культурной памятью. Именно она берет на себя функции не только по реконструкции прошлого, но и организует переживание настоящего и осмысление будущего¹. Этот период принес реорганизацию исторической памяти, происходившую на фоне «гласности», рассекречивания архивных документов, публикации научных и публицистиче-

нения. М., 1912; Политическая роль В.О. Ключевского // Утро (Харьков). 28 мая. 1911; *Киевский вестник* А.А. Памяти В.О. Ключевского // Русская мысль. Книга VI. М., 1911. С. 131–135, 139, 140; *Платонов С.Ф.* В.О. Ключевский (некролог) // Журнал министерства народного просвещения. 1911. Ноябрь. С. 31–36.

¹ *Мальгина И.В.* От «помнящей культуры» к «культуре забвения»: дискурсы и исторические формы репрезентации культурной памяти // Вестник МГУКИ. 2007. № 3. С. 70–71.

ских работ, по-новому освещавших страницы отечественной истории.

В 1960-е – 2000-е гг. под юбилейные даты нередко подвели публикации воспоминаний о Ключевском, оставленные его современниками и издание архивных материалов историка¹. Эта работа, длившаяся десятилетиями, несомненно, обогащает историографический источниковый базис и является полезной для исследователей биографии ученого. Приведем фрагмент из статьи А.В. Малинова, где ярко представлена коммеморативная составляющая: «Столетие, прошедшее после смерти Василия Осиповича Ключевского, – достаточный срок не только по мерке человеческой жизни, но и самой историографии, чтобы осознать то значение, которое историк занимает в русской науке и культуре <...> Наверное, нет другого историка, труды которого переиздавались бы в России столь часто за последние сто лет. Признание, известность и почитание Ключевского не были поколеблены даже марксистской историографией»². Кроме акцента на «мемориальную» направленность текстов в «юбилейной историографии» Ключевского, в годы «круглых дат» мы наблюдаем и количественный рост научных работ, посвященных историку³.

2. «Место памяти»

историко-научной корпоративной среды

В дореволюционный период в университетах сложились стойкие корпоративные традиции, включающие в себя зна-

¹ См., например: Неоконченная статья В.О. Ключевского о Н.В. Гоголе (Из неопубликованных материалов) [Публикация и предисловие Э.Г. Чумаченко] // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 24. 1961. Октябрь. С. 409–414; Историки об историках. «Биография ученого – его книги, остальное неинтересно» / Публикация Р. Киреевой и А. Дубровского // Родина. 1991. № 1. С. 59–62.

² Малинов А.В. Академический В.О. Ключевский (К публикации писем В.О. Ключевского в Академию наук) // Клио. 2011. № 7 (58). С. 39–40.

³ По подсчетам автора в неюбилейные годы количество публикаций о В.О. Ключевском в соотношении к юбилейным годам варьируется от 1:7 до 1:11.

чительную мемориальную составляющую. И, в частности, у представителей «школы Ключевского» эти традиции приобрели устойчивость через актуализацию значимости памяти об учителе в период 1911–1940-х гг., как важнейшего фактора научной самоидентификации этих ученых¹. Они не раз задумывались о продолжении существования «школы», беря на себя функции «поколения-посредника»².

Важной составляющей процесса увековечивания памяти об историке стало издание, переиздание и введение в научный оборот его историко-научного наследия в 1920–1930-е гг. Особое место заняли курс лекций по русской истории и диссертационные исследования Ключевского. Высокий потенциал новизны содержания и методологии магистерской и докторской диссертаций Ключевского predetermined не только их востребованность у новых поколений историков³, но и придал этим работам статус «классических». Для того, что бы наследие дореволюционного историка не кануло в лету в первой половине XX в. – в период, когда опыт «буржуазных» историков был не востребован советским обществом и проходил через стадию марксистской методологической критики, – последователям идей Ключевского приходилось прикладывать большие усилия по сохранению и пропаганде его научных достижений. Важным условием в научно-исследовательской и образовательной практике признается процесс «перечитывания и переоценки» трудов классиков. Ученики Ключевского оставшиеся на научно-педагогическом поприще, в частности А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, активно внедряли в свои учебные курсы методологические и источниковедческие идеи своего учителя. Одним из способов трансляции историографической памяти они избрали знакомство своих студентов с диссертациями (магистерской

¹ См., например: *Готье Ю.В.* Мои записки // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 126.

² См.: *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 26.

³ Стенограмма заседания Ученого совета Института истории АН СССР от 21.10.1946 // Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1577. Оп. 2. Д. 129. Л. 28.

«Древнерусские жития святых как исторический источник» и докторской «Боярская дума древней Руси») и «Курсом русской истории» Ключевского посредством включения этих изданий в списки обязательной учебной литературы¹. Профессора Московского университета академики Н.М. Дружинин, В.И. Пичета и М.Н. Тихомиров, обращаясь к студентам, подчеркивали значение семинариев профессора Богословского – ученика Ключевского, в становлении их творческих навыков и напоминали о дорогом для них учителе².

Ученики и коллеги историка продемонстрировали «коммеморативную солидарность», стараясь передать уважительное отношение к наследию Ключевского новым поколениям, теперь уже советских историков. Это привело к тому, что позднее многие из их учеников причисляли себя к продолжателям научных традиций или «внукам» Ключевского³ и, чувствуя своих учителей, сопровождали поздравления словами «достойный преемник Ключевского»⁴.

Обратимся далее ко второй половине XX в. – к периоду, когда представители первого поколения «сообщества вспоминающих» уходят из жизни. И тут возникает проблема: кому продолжать коммеморации и есть ли в этом необходимость?

1950-е – 1960-е гг. стали временем зарождения новой волны интереса к научному наследию Ключевского. Стимулом для актуализации темы Ключевского в историографии

¹ Обзорение преподавания факультета общественных наук 1-го МГУ на 1922/23 ак. год. М., 1923; План лекционного курса и программы просеминариев по истории СССР на I курсе исторического факультета в 1934–1936 годах // Очерки по истории советской науки и культуры. Приложение. М., 1968.

² Шмидт С.О. Дневник московского историка // Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 6.

³ См., например: Кузнецов А.А. Жизнь и научная деятельность Надежды Ивановны Приваловой. URL: http://www.unn.ru/rus/f3/h_priv.htm (дата обращения: 26.02.2011); Троицкий Н.А. Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006. С. 29–30, 59–61.

⁴ См., например: Письмо А.А. Зимина С.В. Бахрушину в день юбилея (1945) // АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Ед. хр. 86. Л.1.

зачастую служили юбилейные даты историка (особенно 120, 125, 130, 140, 150, 160, 170-летия) в результате чего со временем был создан обширный «юбилейный комплекс»¹. Этот процесс в начале был, прежде всего, связан с обретением подлинников из личного архива историка. Тон работы, в коммеморативном плане, был задан А.А. Зиминным, который специально запланировал выход своей монографии «Творческий путь В.О. Ключевского (1841–1911)» к юбилейным датам: 110-летию со дня рождения и 40-й годовщине смерти знаменитого ученого². Различные обстоятельства помешали воплощению этой идеи³ но факт того, что А.А. Зимин хотел отметить годовщину историка выходом первого научного исследования о нем, свидетельствует, прежде всего, об определенной важности мемориальной составляющей в профессиональной деятельности историков его круга. Поясним, что А.А. Зимин являлся учеником Б.Д. Грекова, который в свое время учился под руководством А.А. Кизеветтера и М.К. Любавского – ближайших учеников Ключевского.

Кроме того, эстафета мемориальных традиций была активно подхвачена в среде профессиональных историков и историографов, непосредственно не связанных с группой учеников Ключевского. В дальнейшем, в период с 1960-х по 1990-е гг. историографическое изучение Ключевского, публикации и переоценка его научных трудов набирали обороты. Отдельного внимания в этом ключе заслуживает тема рефлексии советских ученых по поводу значения диссертаций дореволюционного историка. В частности, историографические прения возникли вокруг магистерской диссертации

¹ См.: *Богомазова О.В., Гришина Н.В.* Юбилейные и мемориальные публикации о В.О. Ключевском: библиография (1897–2007 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 47. № 23 (238). 2011. С. 38–44.

² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 934. Оп. 3. Ед. хр. 71. Л. 64–71.

³ См.: *Базанов М.А., Богомазова О.В.* Замыслы осуществленные и неосуществленные: А.А. Зимин и М.В. Нечкина в работе над монографиями о В.О. Ключевском // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 47. № 23 (238). 2011. С. 26–37.

«Жития святых как исторический источник». Ее для церковной истории высоко оценил в историографической мемориальной статье 1911 г. С.И. Смирнов, профессор Московской духовной академии, причислявший себя к когорте учеников Ключевского. Обозначив востребованность этого «главного труда по русской агиологии» даже спустя 40 лет после его защиты, С.И. Смирнов задал тему «длительной памяти» в отношении историографической судьбы «Житий святых...»¹ Но только полвека спустя тема историографической судьбы магистерской диссертации будет продолжена в монографии М.В. Нечкиной². Ее подход был сосредоточен на рассмотрении драматической ситуации между учеником В.О. Ключевским и учителем С.М. Соловьевым, сложившейся в процессе исследовательского поиска. От одной научной задачи – изучения роли монастырей в процессе колонизации Северо-восточной Руси – Ключевский, в процессе углубления в архивные материалы, переходит к другому пониманию проблемы – источниковедческому, и ставит новую задачу по изучению текста житий как исторического источника. Нечкина расценила эту ситуацию как очевидный промах, исследовательскую неудачу, что, на ее взгляд, снизило ценность данного труда³. По мнению Н.Н. Алеврас, Нечкина все же сделает попытку поднять авторитет уважаемого ею историка: она оценит, что жития святых в книге Ключевского были представлены как объект научного светского изучения, а не как средство религиозной пропаганды, что расценивалось как прогрессивное начинание в рамках дореволюционной исторической науки. Это заключение было сопровождено попыткой историографически оценить место и значение «Житий» в развитии общественной мысли⁴.

¹ *Алеврас Н.Н.* Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века // *Диалог со временем.* 50. М., 2015. С. 232–233.

² *Нечкина М.В.* *Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества.* М., 1974. С. 167–173.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же. С. 161.

Показателен тот факт, что в первом современном переиздании магистерской диссертации Ключевского (1988) его авторы-составители заложили в основу историографической оценки этого труда не мнение М.В. Нечкиной, а ее предшественников – С.И. Смирнова, Е.В. Барсова и др. Так на закате советской историографии возобладал историко-агиографический и методологический подход в оценке магистерской диссертации Ключевского, демонстрировавший не только разрыв в советской историографической ситуации, но и возвращение к дореволюционным истокам¹. Данную тенденцию в дальнейшем поддержит О.М. Медушевская в своих методологических работах², обозначив новую коммеморативную составляющую образа Ключевского, как историка-методолога и талантливого источниковеда. В начале XXI в. ему будет отведено место разработчика базовых основ учения о видах исторических источников и, следовательно, обеспечено место среди классиков исторической науки.

Путь к пониманию значимости научного наследия Ключевского не был прямолинейным. Но благодаря закреплению в корпоративном сознании этого понимания стало возможным дальнейшее потенциальное развитие образа Ключевского как «места памяти» и его эволюция в системе символов российской исторической науки и культуры. Отражаясь в мемориальных речах, некрологах, воспоминаниях, память о Ключевском вписывает его в череду университетских «корпоративных героев», чьи имена повторяются вновь и вновь, научные идеи – передаются новому поколению учеников, слова цитируются на лекциях и в процессе мемориальных торжеств, их памяти посвящают научные конференции, чтения, мемориальные сборники. Научная биография и профессиональные приемы Ключевского постепенно обрастали мифами, переходили в разряд корпоративных легенд, распространяемых в сообществе историков. Так постепенно происходил процесс эволюции корпоративной памяти о Ключевском и

¹ См. подр.: *Алеврас Н.Н.* Диссертационная история ученого...

² *Медушевская О.М.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 69; *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008 С. 251–252.

мемориального пространства, связанного с именем историка, в «значимый факт» не только для сообщества вспоминающих первого поколения, представленного в основном его учениками, но и для новых поколений историков. В стремлении преодолеть ощущение «разрыва с прошлым», сообщество историков в кризисные моменты обращается к образам своих предшественников, среди которых значимое место занимает Ключевский. Через повторение коммеморативных «ритуалов» профессиональное сообщество приобретало ощущение непрерывности коллективной памяти и стабильности корпоративных ценностей и традиций.

3. Премии и стипендии имени В.О. Ключевского

В продолжение предыдущего раздела, отметим, что одной из специфических корпоративных форм увековечения памяти о Ключевском стало учреждение именных стипендий и премий. Преподавательская деятельность и принадлежность к профессорской среде не могла не отразиться на формах коммеморации ученого. Примечательно, что принятие подобных решений происходило не только «во имя», но и «вопреки». Например, в одном из любимых учебных заведений Василия Осиповича – Училище живописи ваяния и зодчества, – у преподавателей возникла идея вместо венка, возложение которого на могилу противоречило бы воле покойного, «почтить память В.О. учреждением при училище стипендии его имени»¹. Так коллеги, в своем стремлении почтить память Ключевского, находят новую форму выражения своей признательности. Первое учреждение стипендии в Московском университете было инициировано Московской Городской Думой в декабре 1911 г.² Стипендия размером в 360 руб. в год должна была выдаваться из средств «городской расходной сметы» и назначаться Городским головой «для студентов исторического отделения названного факультета, пре-

¹ Отголоски кончины. В Москве. В Петербурге // Русское слово. 1911. № 101. 14 (27) мая. С. 10.

² См.: Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 242. Д. 61. Л. 1; Ф. 418. Оп. 243, д. 66. Л. 1–5; Ф. 634. Оп. 1. Д. 47. Л. 16–20.

имущественно из числа лиц, окончивших одно из Московских городских училищ»¹. Выплачиваемая сумма была эквивалентна Ломоносовской стипендии в Московском университете. Этот жест памяти свидетельствовал о высокой оценке среди москвичей вклада Ключевского в развитие культуры и науки их города. Со стороны представителей научного сообщества историков Московского университета также было принято решение почтить память Ключевского, как и «его великого учителя С.М. Соловьева»². Было возбуждено ходатайство об учреждении при Московском университете стипендии его имени «для оставленных при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории, а также и премии за лучшие сочинения по русской истории и истории русской церкви»³.

Именная стипендия Ключевского была учреждена и Московскими высшими женскими курсами⁴. Идея по учреждению именной стипендии Ключевского была здесь озвучена еще в 1912 г., но фонд образовался только с 1915 г., а положение о стипендии подписано – в 1916 г. «Стипендиальный капитал памяти профессора В.О. Ключевского» был образован на пожертвования З.А. Фальевой и предназначался для оплаты обучения одной из нуждающихся слушательниц ис-

¹ Правление Императорского Московского Университета. Учреждение стипендии в память В.О. Ключевского на пожертвования от Московской Городской Управы на историко-филологическом факультете. 2 декабря 1911 г. // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 242. Д. 61. Л. 1; Ф. 418. Оп. 243. Д. 66. Л. 1–6.

² Московский Университет. Историко-филологический факультет. Протоколы заседаний факультета. 1911 г. // ЦИАМ Ф. 418. Оп. 476. Д. 38. Примечательно, что именно Ключевский организовал стипендию имени С.М. Соловьева, с которым идет сравнение в приведенной цитате современников.

³ Там же.

⁴ Стипендии разных имен. Положения о стипендиях. 1916 г.; Письмо г. Председателю Попечительского Совета; Положение о стипендии памяти Василия Осиповича Ключевского // ЦИАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 140. Л. 39–45.

торико-филологического факультета; с 1916 г. стипендиатам начали выдавать по 45 руб.¹

За этим «мемориальным бумом» последовал длительный период, когда именные стипендии дореволюционных историков пропадают из университетских мемориальных практик². Корпоративная традиция, сформировавшаяся в начале XX в., обретет вторую жизнь только в начале 1990-х гг., и уже на самом высоком научном уровне. 15 апреля 1993 г., среди прочих наград по Отделению истории Российской академии наук, была утверждена премия «имени выдающегося историка России В.О. Ключевского». В итоге, 9 июня 1994 г. Президиум РАН присудил первую премию имени В.О. Ключевского – «за большой вклад в области отечественной истории и славяноведения». Ее был удостоен ученик А.А. Зимина, С.М. Капганов за серию научных монографий³. Кроме него список награжденных пополнили Е.Л. Рудницкая (1997), Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин (2000), И.Н. Киселев, В.Б. Жиромская и Ю.А. Поляков (2002), А.А. Горский (2006), М.Б. Свердлов (2008) и А.Е. Иванов (2012), Р.А. Киреева (2015)⁴.

В Мордовском государственном педагогическом институте имени М.Е. Евсевьева (Саранск) осенью 2009 г. на заседании Ученого совета, было принято решение об учреждении именной стипендии Ключевского для студентов факультета истории и права⁵.

¹ Для сравнения на тех же МВЖК стипендия имени В.И. Герье составляла 50 руб., а стипендия имени А.А. Шахова – 100 руб. ЦИ-АМ. Ф. 363. Оп. 7. Д. 159. Л. 26.

² Исключением составит лишь именная стипендия М.В. Ломоносова, учрежденная в МГУ в 1962 г.

³ См.: Хроника. Премия Академии наук имени В.О. Ключевского // Ключевский. Сборник материалов. Вып. 1. Пенза, 1995. С. 375.

⁴ Российская Академия Наук. Награды РАН. Именные премии и медали. Премия имени В.О. Ключевского. URL: <http://www.ras.ru/about/awards/awdlist.aspx?awdid=137> (дата обращения: 02.06.2016).

⁵ Положение о стипендиальном обеспечении и других формах материальной поддержки студентов, аспирантов и докторантов ГОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева». Пункт 3.10. С. 8.

В 2011 г. была впервые открыта практика именных стипендий Ключевского в Пензенском государственном педагогическом университете им. В.Г. Белинского. Решение об учреждении стипендии для лучших студентов-историков было принято деканом исторического факультета во время проведения V научной конференции, посвященной 170-летию Ключевского. Идея об учреждении именной стипендии Ключевского вынашивалась в научном сообществе Пензы уже давно, и торжественный момент юбилея ученого стал катализатором этого процесса. 21 октября 2011 г. на историческом факультете с открытой лекцией «Русская история: традиции и современность» выступил академик РАН, директор ИНИОН Ю.С. Пивоваров. Выступление столь маститого ученого привлекло внимание широкой аудитории. В рамках этой встречи и прошло первое торжественное вручение именной «научной стипендии имени Василия Осиповича Ключевского»¹. Вручение именной стипендии осуществлялось и в последующие годы².

4. Конференции и научные чтения

К одной из самых распространенных разновидностей коммеморативных практик в современном научном сообществе относятся конференции и научные чтения, посвященные памяти (юбилею) какого-либо выдающегося ученого. Относительно фигуры Ключевского подобные практики, в рассматриваемый период, берут начало с 1991 г. На родине историка – в Пензе, были организованы первые Всесоюзные чтения «В.О. Ключевский и современность», посвященные 150-летию историка. Научными руководителями на них вы-

¹ На историческом факультете прошла лекция академика РАН Ю.С. Пивоварова. [http://ist.spu-penza.ru/index.php?id=1231&tx_ttnews\[tt_news\]=632&cHash=62c5f1c89993f3c82d13628688dacb94](http://ist.spu-penza.ru/index.php?id=1231&tx_ttnews[tt_news]=632&cHash=62c5f1c89993f3c82d13628688dacb94) (дата обращения: 1.11.2011).

² См., напр.: Исторический факультет. Научная стипендия В.О. Ключевского 2012 г. присуждена студентке ИФ Натальи Селюкиной. URL: <http://ist.spu-penza.ru/novosti/novosti/article/nauchnaja-stipendija-vo-kljuhevskogo-2012-goda-prisuzhdena/> (дата обращения: 20.11.2015).

ступили представители московской научной элиты: академик С.О. Шмидт и доктор исторических наук Р.А. Киреева. На чтениях было принято решение о проведении мемориальных конференций с периодичностью раз в пять лет¹. По мнению современных историографов, пензенская научная конференция и ставший традиционным выпуск сборника научных статей стали «наиболее заметными фактами возрожденческой традиции изучения Ключевского»². Они ознаменовали собой начало разработки культурологического контекста темы Ключевского, вновь вступающей в отечественную науку³.

На пленарном заседании пятой по счету пензенской конференции в 2011 г. прозвучали слова о том, что юбилей Ключевского «позволил объединить и оценить прошлое и настоящее». Методология дореволюционного историка была признана актуальной для современной науки, благодаря «пророческим» мотивам его творчества. Было отмечено, что постепенно происходит отрыв от «прежних» историографических оценок фигуры этого ученого, как реакция на превращение ее в историографический «миф»⁴.

Первые Всероссийские научные чтения в честь Ключевского породили продолжение этой традиции в Пензе. Накопленный научный опыт в 1992 г. вылился в первые ежегодные «Ключевские чтения» по проблеме «история и культура» в Пензенском государственном педагогическом институте им. В.Г. Белинского. Студенты и преподаватели ВУЗа отметили «широту научных интересов Ключевского и его влияние

¹ См.: Сайт Министерства культуры и архивов Пензенской области.

URL: http://www.mk-penza.ru/kluch_konf (дата обращения: 04.02.2015).

² *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* В.О. Ключевский в науке XX века: осмысление творчества // Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда. В двух томах. Т. II. Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда. Омск, 2000. С. 27–28.

³ Там же.

⁴ См.: Творческое наследие В.О. Ключевского в контексте современной модернизации России. Пенза, 2011.

на различные области знаний»¹. В последующие годы состав участников чтений стал расширяться за счет участия сотрудников пензенских музеев, учителей, аспирантов и преподавателей многих российских ВУЗов. Вместе с этим, как отмечает Е.М. Персанова, стало расширяться количество докладов непосредственно посвященных Ключевскому «как феномену русской культуры». По ее словам «Ключевский раздвинул горизонты исторической науки» в Пензе². Местное научное сообщество убеждено, что возникшая традиция ежегодных «ключевских чтений» на историческом факультете ПГПУ «продолжится и сохранится на долгие годы»³.

К освоению научного наследия Ключевского активно привлекается и молодое поколение его земляков. Весной 2008 г. историку была посвящена первая межрегиональная научная конференция учащихся «Поколение NEXT: новый взгляд на историю и культуру». В качестве ее основной цели была обозначена активная популяризация творческого и исторического наследия Ключевского среди учащихся, привлечение внимания подрастающего поколения к актуальным вопросам науки, культуры, духовно-нравственного возрождения общества. Для участия в конференции было отобрано более пятидесяти работ учащихся из Тамбовской, Нижегородской, Самарской, Пензенской областей, Республик Чувашии, Мордовии, Татарстана. В рамках конференции состоялась встреча с учеными, изучающими наследие Ключевского из Москвы и Пензы⁴.

В Московском педагогическом университете с начала 2000-х гг. регулярно проводится межвузовская научная конференция «Ключевские чтения», которая собирает специали-

¹ Персанова Е.М. Ключевские чтения в Пензенском государственном педагогическом институте им. В.Г. Белинского // Ключевский. Сборник материалов. Вып. 1. Пенза, 1995. С. 354.

² Там же. С. 357.

³ Там же.

⁴ Телеканал Культура. Историку Василию Ключевскому посвящена пензенская конференция. URL: <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=221674> (дата обращения 06.02.2012).

стов по отечественной истории¹. Публикуемые материалы конференции представляют большой интерес для исследователей данной темы и историографов, но ограниченный тираж делает их малодоступными для читателей. Появление в стенах данного университета такой коммеморативной практики, как мемориальные чтения можно объяснить: Ключевский долгое время преподавал историю для слушательниц Высших женских курсов В.И. Герье, историческим «наследником» которых является данный ВУЗ. Вклад историка в развитие женского образования в России привел к тому, что его имя до сих пор имеет вес для историко-научной среды данного университета. Значение этого корпоративного «места памяти» возрастает в связи с тем, что в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, никаких коммемораций в честь его бывшего профессора Ключевского не фиксируется.

Таким образом, 1991, 1996, 2001, 2006, 2011 гг. отмечены проведением научных конференций и выпуском сборников научных статей, приуроченных к юбилейным датам Ключевского. Юбилейный 2016 г. не стал исключением, состоялась традиционная конференция в Пензе, вышли несколько юбилейных сборников статей в разных городах России. В течение последнего десятилетия в этом процессе к Пензе, как основному центру коммемораций Ключевского, присоединились научные сообщества историков Москвы, Санкт-Петербурга, Омска и Челябинска. Локусы концентрации корпоративной памяти об этом историке в первое десятилетие 2000-х гг. стали расширяться, выходя за рамки «традиционных» центров поминовения этого ученого – Пензы и Москвы. На наш взгляд этот процесс отражает развитие новых центров изучения истории исторической науки, а так же свидетельствует о трансформации памяти о Ключевском из «коммуникативной» формы в «корпоративную» и «социальную» память, что подтверждает качественное расширение состава «сообщества вспоминающих».

¹ См., например: Василий Осипович Ключевский и познание русской истории. Т. 1. М., 2011.

5. Именованне библиотек, училищ, школ

В начале XX в. имя Ключевского стойко ассоциировалось с процессом образования, высокими достижениями в науке. В связи с этим, в целях его увековечивания, на уровне различных культурно-образовательных локусов стали возникать идеи, связывающие память об ученом с просветительскими учреждениями. В мае 1912 г. на родине Ключевского, в Пензе, предполагалось открытие народной библиотеки его имени¹. 23 мая 1914 г. в «Пензенских ведомостях» была опубликована короткая информация о том, что Санкт-Петербургская городская дума решила назвать именем Ключевского одно из будущих четырехклассных училищ и открыть (его же имени) бесплатную читальню². К сожалению, пока подтвердить реализацию этих идей с помощью архивных данных не удалось. Известно, что после революции, в 1918 г. одной из трудовых школ в Пензе было присвоено имя историка³. Спустя многие десятилетия забвения эта традиция была продолжена на малой родине историка: в 1991 г., имя выдающегося историка вновь было присвоено школе – в селе Воскресеновка Пензенской области, где прошли детские годы будущего ученого. На базе школы в 1991 г. был открыт филиал пензенского Музея В.О. Ключевского.

6. «Памятники» историку

Свое материальное выражение социальная память нередко находит в материальных проявлениях «мест памяти»: в виде памятников, музеев, улиц, носящих имя культурного героя. Условно назовем все эти мемориалы «памятниками», так как долгое время памятника историку как такового не возводилось. Но люди, причастные по роду своей деятельности к

¹ См.: *Селиванов А.Ф.* Петербург // Пензенские ведомости. 1912. 19 мая. № 122.

² Цит. по: *Савин О.М.* В.О. Ключевский в пензенской дореволюционной печати // Ключевский. Сб. материалов. Вып. 1. Пенза, 1995. С. 247.

³ См.: *Гундорова И.В., Плешков А.Н.* История единой трудовой школы им. В.О. Ключевского. К вопросу об увековечивании памяти В. О. Ключевского // Историк и история. Пенза, 2010. С. 242–251.

процессу сохранения памяти о Ключевском, так или иначе, стремились воссоздать утраченную социальную память, придать ей материальное, осязаемое воплощение посредством классических форм, используемых для увековечивания культурных героев.

Первый памятник ученому был воздвигнут на его могиле. Средства на его возведение собирала вся интеллигенция Москвы и Санкт-Петербурга, высоко ценившая вклад историка в культуру России. Ситуация осложнялась тем, что это было время борьбы «с учеными крестами», когда в 1918–1919 гг. было под запретом «украшательство» на кладбищах. Могила известного ученого, как «место памяти», сохранила свое культурное значение и в конце XX в. Например, писатель А.И. Солженицын за пять лет до своей смерти выбрал старинный Донской монастырь местом своего «последнего пристанища» – он завещал похоронить его возле могилы Ключевского¹.

Предложению учеников и почитателей Ключевского по установке ему отдельного памятника в центре Москвы не суждено было осуществиться как в 1930-е г., когда впервые была озвучена эта идея, так и в наши дни. В МГУ, в старом здании историко-филологического факультета на Моховой нет памятных мест, связанных с именем Ключевского: ни памятной доски, ни именной аудитории.

«Места памяти» стали активно формироваться там, где была актуальной и востребованной память о «великом земляке», «воспитателе», «ученом» – на Пензенской земле. По утверждению культуролога Д.Н. Замятина, в контексте «ассоциативно-ландшафтного» и «образно-географического» наследия даже конкретное географическое пространство может восприниматься как наследие, как культурный символ общественной значимости². Таким символом для его земляков становятся места, связанные с пензенским периодом жизни зна-

¹ Солженицын упокоился рядом с Ключевским (06.08.2008). newstube.ru . URL: <http://www.newstube.ru/media/solzhenicyn-uprokoilsya-ryadom-s-klyuchevskim> (дата обращения 5.02.2014).

² См.: *Замытин Д.Н.* Образ наследия в культуре // Человек. № 5. 2008. С. 43.

менитого историка. Ключевский – выходец из бедной семьи священника, уроженец села Воскресеновка Пензенского уезда Пензенской губернии, добившийся благодаря своим стараниям, невероятных успехов, ставший «красой России». В годы учебы в духовном училище и духовной семинарии (1851–1861) он жил в Пензе на улице Поповка дом № 66. Эта улица теперь носит имя историка, а на месте мемориального дома к 150-летию Ключевского, был открыт музей его имени.

Знаковым событием для всего региона стало открытие памятников Ключевскому: бюста – в 1991 г. на родине историка, в с. Воскресеновка, у стен общеобразовательной школы им. В.О. Ключевского¹; и памятника – в Пензе. Инициативы по увековечению памяти Ключевского всегда находили поддержку местных властей. Отметим, что первый проект памятника, который планировалось установить в Пензе, был «забракован»; местные жители с прискорбием вспоминали, как распиленные части памятника долго лежали бесхозные. Готовый памятник пришлось переделать в бюст, который был установлен у стен школы имени В.О. Ключевского в Воскресеновке. Памятник историку в Пензе решено было сделать более монументальным. Но только в 2006 г., благодаря общественной инициативе, удалось начать работы по возведению нового памятника. Еще около года готовый памятник ждал установки. Было принято решение, что его разместят на уже готовом монументе, вместо так и не установленного памятника «Ежику в тумане»². В итоге, 11 октября 2008 г. памятник Ключевскому украсил площадь перед Пензенским колледжем культуры и искусств. «Студентам колледжа культуры и искусств полезно вспоминать о культурном наследии своих великих земляков», – говорилось в репортаже с открытия памятника³.

¹ См.: Память: (В мастерской пензенского скульптора А.С. Кныша идет работа над памятником В.О. Ключевскому) // Пензенская правда. 1991. 26 января.

² См.: Памятник Ключевскому будет установлен в Пензе. ГТРК Пенза. Видео. URL: <http://penza.rfn.ru/video.html?type=r&id=8343> (дата обращения: 5.02.2012).

³ В нашем городе открылся памятник Василию Осиповичу

7. Современные разновидности коммеморативных практик

Новые возможности, открывшиеся в конце XX в., оказали влияние и на формы меморизации историка. Все больше появляется электронных страниц на краеведческих, образовательных, учебных, научно-просветительских сайтах, содержащих информацию об историке Ключевском¹. Как правило, их содержание имеет энциклопедический характер и представлено краткой биографией, научными достижениями, списками научных трудов историка. Встречаются и единичные ресурсы, на которых имеются авторские тексты, с использованием цитат из источников². Однако, при публикации текста источников, нередко отсутствуют какие-либо научные комментарии к тексту. С обилием информации о Ключевском на научно-популярных и энциклопедических сайтах резко контрастирует бедность заполнения страниц об этом ученом на официальных сайтах учебных и академических заведений, связанных с научной карьерой историка. Это своеобразный показатель недооцененности дореволюционных историков в академических кругах, традиционно идущий из советской науки – с одной стороны, и повышенного интереса современного общества к подобным фигурам «культурных героев» прошлого – с другой.

Интересен тот факт, что при наборе в русскоязычных электронных поисковых системах фразы «великий русский

Ключевскому. Телеканал «Экспресс». 11.10.2008 г. URL: http://tv-express.ru/news_info/7704/ (дата обращения: 1.02.2011).

¹ Представим лишь некоторые из имеющихся ресурсов: Ключевский Василий Осипович // Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/KLYUCHEVSKI_VASILI_OSIPOVICH.html (дата обращения: 03.11.2015); Ключевский, Василий Осипович // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Ключевский,_Василий_Осипович (дата обращения: 03.11.2015); Ключевский Василий Осипович // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: http://megabook.ru/article/Ключевский_Василий_Осипович (дата обращения: 03.02.2016).

² См., например, следующие ресурсы: Хронос. Всемирная история в интернете. Биографический справочник; Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная он-лайн энциклопедия.

историю» автоматически выводится имя «В.О. Ключевский». Нередко ему сопутствуют Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев. Это уже заставляет задуматься о высокой степени мифологизации образов дореволюционных историков в интернет-пространстве.

В рамках обозначенной проблематики памяти мы сосредоточили внимание на тех электронных ресурсах, где присутствовала информация, иллюстрирующая моменты увековечения Ключевского. С точки зрения интернет-коммеморации можно наблюдать следующие разновидности практик. На интернет-страницах обозначаются дни рождения историка¹. Есть страницы, информирующие об открытии памятника Ключевскому². На нескольких сайтах, посвященных музейному делу, краеведению и туризму в Пензе имеются упоминания музея историка. Не осталась без внимания и тема, связанная с могилой ученого. На краеведческих сайтах Москвы и в электронных энциклопедиях имеются сведения о захоронении Ключевского на старом кладбище Донского монастыря³. Его имя перечисляется в ряду наиболее знаменитых фигур, упокоенных в этом некрополе.

На сайтах нескольких телеканалов есть видео-репортажи событий, связанных с увековечением Ключевского в последние годы⁴. В них фиксируются юбилейные даты и лица, при-

¹ См., например: 28 января исполняется 172 года со дня рождения великого русского историка Василия Осиповича Ключевского. Музей Ключевского. Музеи Пензенской области. URL: <http://kluchevskiy.museum-penza.ru/> (дата обращения: 30.01.2013).

² Памятник Ключевскому будет установлен в Пензе. ГТРК Пенза. Видео. URL: <http://penza.rfn.ru/video.html?type=r&id=8343> (дата обращения: 5.02.2012); В нашем городе открылся памятник Василию Осиповичу Ключевскому. Телеканал «Экспресс». 11.10.2008 г. URL: http://tv-express.ru/news_info/7704/ (дата обращения: 1.02.2011).

³ Википедия. Донское кладбище. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 5.02.2012); Дивеево. Знаменитый некрополь Донского монастыря теперь всегда открыт. URL: http://avtodeevo.ya.ru/replies.xml?item_no=4051 (дата обращения: 5.02.2013).

⁴ См.: Репортаж о научной конференции, посвященной В.О. Ключевскому. Penzanews. Региональное информационное

нимавшие участие в торжествах. Кроме того, они свидетельствуют о расширении способов трансляции мемориальной информации.

Таким образом, можно утверждать, что обозначается следующая тенденция: интернет-пространство в современной культуре выступает как отдельное поле для развития «мест памяти» о представителях мира науки. Здесь формируются новые репрезентации мемориального образа, складываются «мифы» и целые галереи визуальных материалов.

Традицию увековечения памяти о Ключевском поддерживают и такие издания, как «Календари знаменательных и памятных дат». В наши дни они публикуются как в электронном виде¹, так и входят в состав рубрик печатных периодических изданий². Как правило, содержание мемориальных статей в «Календарях» представлено краткой биографической справкой о юбиляре и описанием его заслуг на профессиональном поприще. Но при этом, тематика печатного издания или электронного ресурса и их направленность на опреде-

агентство. URL: <http://penzanews.ru/content/view/20023/29/> (дата обращения: 04.02.2011); Репортаж: Евгения Белохвостикова, Анастасия Вольникова. Исследователь Раиса Киреева: меня давно манило село Ключи Пензенской области // ГТРК «Пенза». URL: <http://penza.russiaregionpress.ru/archives/16836> (дата обращения: 10.09.2011) и др.

¹ См.: Литературный календарь – 2011 г. 28 января. Василий Осипович Ключевский (1841–1911). Русский историк. 170 лет со дня рождения. Центральная городская библиотека им. Н. Островского (Комсомольск-на-Амуре); Памятные даты. Василий Осипович Ключевский. URL: <http://www.calend.ru/person/1285/> (дата обращения: 15.02.2012); Календарь знаменательных и памятных дат на 2011 год. Централизованная библиотечная система города Иркутска. URL: <http://www.cbs.irkutsk.ru/kzd2011.htm> (дата обращения: 15.02.2012); Календарь знаменательных и памятных дат. 2011 год – в России. Централизованная библиотечная система города Пскова. URL: <http://www.bibliopskov.ru/calendar2011.htm> (дата обращения: 15.02.2012).

² См., например: Ключевский В.О.: К 125-летию со дня рождения // Календарь знаменательных дат Пензенской области на 1966 год. Саратов – Пенза, 1996. С. 12–13.

ленную читательскую аудиторию, практически всегда отражается на содержании аналитической части юбилейной статьи, что свидетельствует о существующем в современной культуре процессе «присвоения» Ключевского. Например, упоминание о 160-летнем юбилее историка попало в «Календарь знаменательных и памятных дат» журнала «Лесное хозяйство»¹. Отмечая богатое и востребованное современным читателем научное наследие историка, автор мемориальной заметки актуализирует значение Ключевского в профессиональном контексте: упоминается, что в «знаменитом» «Курсе русской истории» ученый «раскрыл роль леса в истории России»; его исторические работы оцениваются как имеющие «большое методологическое значение для специалистов лесного хозяйства»².

170-летие историка было отмечено в памятном «Календаре на телеканале Культура». Содержание мемориальной заметки было представлено цитатой одного из афоризмов Ключевского, краткой характеристикой ученого и фрагментом воспоминаний С.Ф. Платонова о Василии Осиповиче, как интересном лекторе, способном увлечь любого слушателя³.

Еще одним примечательным «местом памяти» о Ключевском стал космический объект. Заслуга в этом принадлежит Р.А. Киреевой, отреагировавшей на неожиданное предложение назвать вновь открытую планету (Л.И. Черных в Крымской обсерватории) именем знаменитого русского историка. Соответствующие документы были оперативно подготовлены и отосланы в Международный центр по малым планетам (Смитсоновская астро-физическая лаборатория, США) и к 150-летию юбилею Ключевского его имя было увековечено на небесах. Свидетельство о присвоении малой планете № 4560 имени «Ключевский» хранится в пензенском музее Ключевского.

¹ См.: Календарь знаменательных и памятных дат на 2001 г. // Лесное хозяйство. 2001. № 1. С. 20.

² Там же.

³ Телеканал Культура. Календарь. 28.01.2011. URL: <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=561570> (дата обращения 06.02.2012).

Раиса Александровна Киреева стала и научным консультантом фильма «В.О. Ключевский», подготовленного Останкино-Саратовским телефильмом к 170-летию историка¹.

Подводя итоги, отметим, что увековечивание памяти о Ключевском в последние десятилетия имеет одну отличительную черту: по сравнению с аналогичными процессами первой половины XX в., процесс меморизации со временем становится более привязан к «круглым» юбилейным датам. Качественно меняется и состав «группы вспоминающих» — она уже в большинстве своем не имеет генетической привязки к основателю научной школы, а представлена новыми поколениями профессиональных историков, историографов и краеведов их разных регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Пенза, Челябинск, Омск, Томск, Саранск, Казань).

Актуализация юбилея историка и сохранение памяти о нем проходили в контексте насущных социально-политических проблем второй половины XX — начала XXI в., а его научные труды воспринимались как источник их решения (причем во взаимоисключающих направлениях: как в русле «почвеннической» парадигмы развития России, так и в трактовке «либерального», «прозападного» политического направления). Поиск новых национальных символов велся в рамках исторической науки, направляясь к образам дореволюционных историков. Они становились средоточием тех идеалов, которые могли бы стать опорой при становлении новых ориентиров постсоветской науки и культуры, на рубеже XX–XXI столетий испытывавших острую потребность в критической переоценке своих основ и основателей.

Образ наследия актуализируется там и тогда, когда появляется «онтологическая необходимость» сохранить или продлить «почитаемое и уважаемое прошлое и его видимые, ощущаемые признаки»². Сформированный по общепринятым историографическим канонам, образ «великого историка» стал неотделимым от восприятия его научного наследия.

¹ Институт российской истории РАН. Киреева Раиса Александровна. URL: <http://www.iriran.ru/?q=kireeva> (дата обращения: 1.12.2011).

² *Замятин Д.Н.* Образ наследия в культуре. С. 42.

Память о Ключевском со второй половины XX в. практически перестает быть персонифицированной. Она уже не принадлежит узкой группе ее носителей, лично знавших Василия Осиповича, и обретает общественную значимость, культивируясь в рамках корпоративных традиций историков. Культивирувавшемуся в XX в. в историографической традиции восприятие значения Ключевского в итоге способствовало «оформлению» современной национальной культурной памяти и одновременно повлияло на выстраивание приоритетов в оценке актуальных научных ценностей.

Литература

Алеврас Н.Н. Диссертационная история ученого как событие интеллектуальной биографии российских историков XIX века // Диалог со временем. 50. М.: ИВИ, 2015.

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. В.О. Ключевский в науке XX века: осмысление творчества // Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда / Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции «Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и центр). XX век». 27–28 сентября 2000 года, г. Омск. В двух томах. Т. II. Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда. Омск, 2000.

Базанов М.А., Богомазова О.В. Замыслы осуществленные и неосуществленные: А.А. Зимин и М.В. Нечкина в работе над монографиями о В.О. Ключевском // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 47. № 23 (238).

Богомазова О.В., Гришина Н.В. Юбилейные и мемориальные публикации о В.О. Ключевском: библиография (1897–2007 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. 47. № 23 (238).

Василий Осипович Ключевский и познание русской истории. Ключевские чтения: Материалы всероссийской научной конференции: сборник научных трудов. Т. 1. М., 2011.

Гундорова И.В., Плешков А.Н. История единой трудовой школы им. В.О. Ключевского. К вопросу об увековечивании памяти В.О. Ключевского // Историк и история. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 170-летию В.О. Ключевского / Под ред. Н.П. Берляковой. Пенза, 2010.

Еремеева С.А. Каменные гости: монументальные памятники коммеморации // Историческая культура императорской России:

формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012.

Замятин Д.Н. Образ наследия в культуре // Человек. 2008. № 5.

Историки об историках. «Биография ученого – его книги, остальное неинтересно» / Публикация Р. Киреевой и А. Дубровского // Родина. 1991. № 1.

Корзун В.П., Колеватов Д.М. Мемориальные и юбилейные события в жизни научного сообщества как культурные практики самоидентификации // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан. Материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 35-летию основания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, 20–22 октября 2009 г.). Омск, 2009.

Кузнецов А., Маслов А. Диктатура юбилеев. Мемориальный бум как признак иной повседневности // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под. ред. Г. Бордюгова. М., 2011.

Кузнецов А.А. Жизнь и научная деятельность Надежды Ивановны Приваловой. URL: [http:// www.unn.ru/rus/f3/h_priv.htm](http://www.unn.ru/rus/f3/h_priv.htm) (дата обращения: 26.02.2013).

Малинов А.В. Академический В.О. Ключевский (К публикации писем В.О. Ключевского в Академию наук) // Клио. 2011. № 7 (58).

Малыгина И.В. От «помящей культуры» к «культуре забвения»: дискурсы и исторические формы репрезентации культурной памяти // Вестник МГУКИ. 2007. № 3.

Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30).

Медушевская О.М. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. Учеб. пособие / Ин-т «Открытое о-во», РГГУ. М.: РГГУ, 1998.

Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

Неоконченная статья В.О. Ключевского о Н.В. Гоголе (Из неопубликованных материалов) [Публикация и предисловие Э.Г. Чумаченко] // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 24. 1961. Октябрь.

Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 03.11.2015).

Персанова Е.М. Ключевские чтения в Пензенском государственном педагогическом институте им. В.Г. Беллинского // Ключевский. Сборник материалов. Вып. 1. Пенза, 1995.

Савин О.М. В.О. Ключевский в пензенской дореволюционной печати // Ключевский. Сб. материалов. Вып. 1. Пенза, 1995.

Селиванов А.Ф. Петербург // Пензенские ведомости. 1912. 19 мая. № 122.

Творческое наследие В.О. Ключевского в контексте современной модернизации России. Сборник материалов V Международной научной конференции, посвященной 170-летию В.О. Ключевского. Пенза, 2011.

Троицкий Н.А. Книга о любви (Записки историка). Саратов, 2006.

Ключевский. Сборник материалов. Вып. 1. Пенза, 1995.

Шмидт С.О. Дневник московского историка // Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея / Отв. ред. С.О. Шмидт; вступ. статья С.О. Шмидта; публ. и коммент., биогр. справка Е.В. Неберекутиной и Т.В. Сафроновой. М.: Время, 2011.

ВАСИЛИЙ КЛЮЧЕВСКИЙ И ЕГО НАУЧНЫЕ СВЯЗИ (по рукописным материалам РНБ)¹

В статье приводится обзор рукописного наследия выдающегося историка Василия Осиповича Ключевского, хранящегося в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Анализируется состав собрания, выделяются некоторые документы, особенно важные для изучения жизни и творчества историка. В статье рассматривается переписка В.О. Ключевского с А.Ф. Бычковым, А.А. Котляревским, С.Ф. Платоновым, П.В. Помяловским и др. Кроме того, представлены другие документы, связанные с различными эпизодами научной и общественной жизни историка.

Ключевые слова: В.О. Ключевский, Отдел рукописей РНБ, эпистолярное наследие, юбилей, А.Ф. Бычков, А.А. Котляревский, С.Ф. Платонов, П.В. Помяловский.

В 2016 г. исполнилось 175 лет со дня рождения выдающегося российского историка Василия Осиповича Ключевского (28.01.1841, Воскресеновка, Пензенская губерния – 25.05.1911, Москва) – ученого, сочетавшего активную исследовательскую деятельность с преподаванием в высших учебных заведениях, членством в Императорской академии наук и различных исторических обществах (Императорское общество истории и древностей российских, Московское археологическое общество). Библиография его работ включает исследования по различным аспектам социально-экономической, политической и церковной истории России. Работа Ключев-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс», проект № 16-06-00528. Автор выражает благодарность сотрудникам ОР РНБ О.В. Васильевой, Н.А. Елагиной, Н.Н. Зубковой, Е.В. Крушельницкой, М.Ю. Любимовой, М.А. Шибасеву за помощь в работе над данной статьей.

ского «Курс русской истории» оказала серьезное влияние на формирование представлений о прошлом у нескольких поколений россиян, а ее основные постулаты нашли отражение в трудах многих отечественных исследователей.

Знаменательная дата не была оставлена вниманием общественности, и в 2016 г. состоялось несколько памятных мероприятий, посвященных знаменитому историку. Пожалуй, самым крупным из них можно назвать церемонию освящения гранитного креста, установленного на могиле Ключевского, взамен прежнего, отсутствовавшего с 1930-х годов. В масштабной церемонии, организованной по поручению председателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина, приняли участие руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов, президент исторического факультета МГУ С.П. Карпов, директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров и другие. После освящения креста состоялась панихида по историку в Большом соборе Донского монастыря¹. В день рождения Ключевского, 28 января, на федеральном телеканале «Культура» был показан сюжет, посвященный историку². В «Российской Газете» и газете «Труд» были опубликованы статьи, посвященные его юбилею³. Наконец, на малой родине Ключевского, в Пензе, 28 января

¹ 175 лет со дня рождения Василия Осиповича Ключевского // Российское историческое общество. Режим доступа: <http://rushistory.org/proekty/rossijskaya-gosudarstvennost-istoriya-i-sovremennost/175-let-so-dnya-rozhdeniya-vasiliya-osipovicha-klyuchevskogo.html>. Дата обращения: 12.10.2016.

² Исполняется 175 лет со дня рождения ученого-историка Василия Ключевского // РоссияК. Режим доступа: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/147726/. Дата обращения: 12.10.2016.

³ Борисенок Ю. Читайте Ключевского! // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/01/28/kluchevsky.html>. Дата обращения: 12.10.2016; К 175-летию со дня рождения Василия Осиповича Ключевского // Труд. Режим доступа: <http://www.trud58.ru/news-12-4494.html>. Дата обращения: 12.10.2016.

2016 г. состоялся митинг, посвященный его 175-летию¹. Юбилей историка не проходили незамеченными и ранее. Так, последняя из подобных дат – 170-летие со дня рождения (2011) была отмечена многочисленными сборниками и конференциями, посвященными Ключевскому².

175-летие со дня рождения историка не было оставлено вниманием и библиотечного сообщества. На сайте Российской национальной библиотеки была открыта виртуальная выставка «Рукописи В.О. Ключевского в Российской национальной библиотеке»³, материалы которой и послужили основой для данной статьи.

Рукописное наследие Ключевского давно привлекало внимание исследователей, и части его неоднократно публиковались⁴. Однако комплекс рукописей историка, хранящийся в Российской национальной библиотеке, насколько нам известно, специально не описывался. При этом отдельные рукописи из этого собрания, неоднократно привлекались в качестве источника как в исследованиях по истории жизни и творчества Ключевского, так и в работах по истории науки в целом, уделялось внимание и контактам Ключевского с его

¹ В Пензе прошел митинг, посвященный 175-летию со дня рождения В.О. Ключевского // Управление культуры и архива Пензенской области. Режим доступа: <http://mincult.pnzreg.ru/news/2016/01/28/17092784>. Дата обращения: 12.10.2016.

² См., напр.: В.О. Ключевский и судьбы отечественной исторической науки. Нижневартовск, 2011; Ключевские чтения – 2011. Том 1. Василий Осипович Ключевский и познание русской истории. М., 2011; *Малинов А.В.* «Академический» В.О. Ключевский (к публикации писем В.О. Ключевского в Академию наук) // Клио. 2011. № 7. С. 38–44 и др.

³ Рукописи В.О. Ключевского в Российской национальной библиотеке // Российская национальная библиотека. Режим доступа: http://expositions.nl.ru/ex_manus/Kliuchevsky/index.php. Дата обращения: 12.10.2016.

⁴ См., напр.: *Ключевский В.О.* Сочинения: [в 9 т.]. М., 1987. Т. 9: Материалы разных лет; *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968; *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.

петербургскими коллегами¹. В рамках данной статьи, мы попытались описать состав собрания рукописей Ключевского в фондах Отдела рукописей РНБ и выделить рукописи, представляющие наибольший интерес для исследователей.

Архив Василия Осиповича Ключевского частями представлен в нескольких хранилищах. Наиболее значимые материалы хранятся в Санкт-Петербургском институте истории РАН (838 ед.хр.) и Российской государственной библиотеке (884 ед.хр.), а также Институте истории РАН (120 ед.хр.), Московском отделении архива РАН (7 ед. хр.) и Государственной публичной исторической библиотеке в Москве (26 ед. хр.)². В Отделе рукописей Российской национальной библиотеке находится 14 единиц хранения, в основном – письма Ключевского, адресованные научным и общественным деятелям. Отдельного фонда Ключевского не существует, его рукописи представлены в других собраниях.

Материалы Ключевского начали поступать в Публичную библиотеку еще при его жизни. Первыми в 1906 г.³ были получены два письма к Аполлону Александровичу Майкову, известному ученому-слависту, с поздравлением по поводу пятидесятилетия научной деятельности последнего и прось-

¹ Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и петербургские историки // Ключевский: сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 282–289; Колобков В.А. С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский (За строкой некролога: по материалам архива С.Ф. Платонова) // Ключевский: сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 140–148; Ростовцев Е.А. В.О. Ключевский и историки «петербургской школы» (С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков) // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. С. 340–371; Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. СПб., 1997; Айвазян М.А. Малоизвестное письмо С.Ф. Платонова В.О. Ключевскому // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. № 1. С. 6–8; Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. В 2 т. М., 2003. Т. I. Письма С.Ф. Платонова. 1883–1930 и др.

² Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Том 1. А-М. М., 1963. С. 332–333.

³ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1906 год. СПб., 1913. С. 86.

бой к нему принять на себя временное председательство в Императорском обществе истории и древностей российских. Хронологически самым поздним стало приобретение Библиотекой в 1980 г. книги В.Е. Якушина «Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. Вып. I. XVIII век» (М., 1890) с рукописными замечаниями Ключевского¹.

Документы, хранящиеся в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, являются значимым источником по истории жизни и творчества Ключевского. Рукописные материалы, принадлежащие перу историка или непосредственно ему адресованные, содержатся в фондах Бычковых (ОР РНБ. Ф. 120), Г.Ф. Карпова (ОР РНБ. Ф. 339), Д.Ф. Кобеко (ОР РНБ. Ф. 354), А.А. Котляревского (ОР РНБ. Ф. 386), Майковых (ОР РНБ. Ф. 452), С.Ф. Платонова (ОР РНБ. Ф. 585), И.В. Помяловского (ОР РНБ. Ф. 608), А.Н. Пыпина (ОР РНБ. Ф. 621), И.И. Толстого (ОР РНБ. Ф. 781), С.Н. Шубинского (ОР РНБ. Ф. 874).

В Российской национальной библиотеке хранится 28 писем историка. В наиболее раннем письме Ключевского (25.02.1870 г.) речь идет о приглашении преподавать в Дерптский университет. В ответном письме Александру Александровичу Котляревскому – известному историку и археологу, занимавшему кафедру славянского и русского языковедения в Дерптском университете, Ключевский выражает готовность преподавать там, однако высказывает сомнения в возможности занять предлагаемую должность. Известно, что Ключевский так и не стал преподавателем Дерптского (впоследствии Юрьевского) университета, а продолжил работать в Александровском военном училище, Московской духовной академии и, чуть позже, на Московских высших женских курсах².

Период начала работы в Московской духовной академии и на Московских высших женских курсах отражен в письмах (от 6.02.1872, 10.03.1872, 24.06.1872, 13.09.1872, 14.11.1872,

¹ Новые поступления в отдел рукописей и редких книг ГПБ (1979–1983). Каталог. Л., 1985. С. 74.

² Письмо В.О. Ключевского А.А. Котляревскому. 25 февраля 1870 г. // ОР РНБ. Ф. 386. Д. 54. Л. 1–2.

17.12.1872) к Геннадию Федоровичу Карпову – известному специалисту по истории Украины и церковной истории России, также в те годы преподававшему на Московских высших женских курсах. В письмах отражены обстоятельства чтения курса русской истории и распределения преподаваемого материала между лекторами (курс русской истории Ключевский читал совместно с Г.Ф. Карповым)¹.

Интерес представляют письма, которыми Ключевский оказывает поддержку младшим коллегам. Так, в письме Афанасию Федоровичу Бычкову – директору Императорской Публичной библиотеки, Василий Осипович оговаривает условия оставления студента Гутьяра при университете и просит А.Ф. Бычкова передать ему информацию об условиях поступления².

Ключевский дважды обращается к Ивану Васильевичу Помяловскому – члену-корреспонденту Императорской академии наук (с 1891 г. член комиссии по пересмотру учебных планов в мужских гимназиях), декану историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, члену Ученого комитета Министерства народного просвещения, по вопросу публикации учебника преподавателя 1-й Московской гимназии С. Бородина. Василий Осипович в своем письме передает просьбу С. Бородина по возможности не печатать отрицательный отзыв в Журнале Министерства народного просвещения, а дать время на исправление недостатков учебника³.

Помимо писем, в фондах Отдела рукописей сохранилось несколько любопытных документов, связанных с общественной и научной деятельностью Василия Осиповича Ключевского.

Среди них коллективное письмо, датированное 22 марта 1905 г. и подписанное Ключевским и другими учеными и

¹ Письмо В.О. Ключевского Г.Ф. Карпову. 6 февраля 1872 г. // ОР РНБ. Ф. 339. Д. 36. Л. 1.

² Письмо В.О. Ключевского Г.Ф. Карпову А.Ф. Бычкову. 21 июня 1889 г. // ОР РНБ. Ф. 120. Д. 773. Л. 1.

³ Письмо В.О. Ключевского И.В. Помяловскому. 14 сентября 1894 г. // ОР РНБ. Ф. 608. Д. 858. Л. 2.

общественными деятелями: К.К. Арсеньевым, А.Л. Боровиковским, А.Ф. Кони, В.К. Случевским, М.М. Стасюлевичем, А.С. Сувориным¹. В письме содержится просьба о принятии мер против административного преследования печати. Это коллективное обращение было адресовано Дмитрию Фомичу Кобеко – директору Императорской публичной библиотеки (1902–1918), известному историку и библиографу, назначенному в 1905 г. председателем Особого совещания для составления нового устава о печати.

Достоин внимания еще один любопытный документ – черновик письма С.Ф. Платонова к Ключевскому. В этом черновике Платонов обращается к своему адресату с просьбой провести публичную лекцию, средства от которой пойдут в Комитет Общества вспомоществования слушательницам Высших женских курсов в Санкт-Петербурге. Платонов в этом письме уверяет, что «в СПб. Ваше имя столь же известно, как в Москве, и Ваше чтение не только привлекло громадную и благодарную аудиторию, но и доставило бы высокое удовольствие всем любящим нашу историю, а для нас, русских историков СПб. Университета, было бы прямо праздником»². В ответном письме Ключевский сообщает, что его поездка в Санкт-Петербург откладывается из-за болезни.

В фондах Отдела рукописей содержится весьма небольшое количество автографов знаменитого историка, но его имя упоминается во множестве документов, хранящихся в Российской национальной библиотеке. О Ключевском говорится в переписке С.Ф. Платонова с такими известными учеными как Е.Н. Беркут, К.Н. Бестужев-Рюмин, М.М. Богословский, В.П. Бузескул, П.В. Быков, С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, И.Я. Гулянд, Е.Н. Ефимов, А.И. Кирпичников, Ф.Е. Корш, П.А. Лавров, И.И. Лаппо, В.А. Латышев, М.К. Любавский, П.Н. Милюков, А.З. Мсерианц, В.А. Пузицкий и др. Кроме того, он постоянно упоминается в письмах

¹ Коллективное письмо Д.Ф. Кобеко. 22 марта 1905 г. // ОР РНБ. Ф. 354. Д. 9. Л. 1–2.

² Черновой вариант письма С.Ф. Платонова В.О. Ключевскому // ОР РНБ. Ф. 585. Платонов С.Ф. Оп. I. Ч. 2. Д. 1802. Л. 1 об.

А.А. Танкова и С.Н. Шубинского, А.А. Кизиветтера и П.Б. Струве и др.

Особый интерес представляет печатный экземпляр книги В.Е. Якушкина «Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. Выпуск первый. XVIII век» (М., 1890) с дарственной надписью автора, содержащий девять вкладных листов с подробным комментарием В.О. Ключевского к содержанию исследования.

Кроме того, на полях многих страниц книги присутствуют сделанные им пометки. Ключевский, например, указывает, что «цель заглавия – точнее обозначить границы задачи: не о землевладении вообще, а только о поземельной политике» а также на «неудобства, возникшие от того, что задача в таких пределах, не была поставлена ясно в начале работы и решительно проведена при ее исполнении»¹.

В продолжение комментария содержится критика, как методологических основ исследования, так и конкретных способов его проведения: «В разборе указа основные недостатки всего исследования: 1) неясность границ задачи, 2) неполнота в подборе источников, 3) недостаточное изучение (историческое) учреждений и памятников, 4) струя памфлета»².

Весьма интересен сделанный Ключевским обстоятельный разбор терминов, содержащихся в исследовании, а также ссылки на многочисленные источники, в том числе нормативные акты (с указанием страниц). Этот документ может служить примером того, насколько детально Ключевский изучал и прорабатывал интересующие его исторические исследования.

Подводя итоги этому краткому анализу собрания рукописей Ключевского из фондов ОР РНБ, можно с уверенностью утверждать, что использование этих материалов может дополнить источниковую базу исследований, посвященных изучению научной биографии историка, и осветить малоизвестные страницы жизни и творчества знаменитого ученого.

¹ Замечания В.О. Ключевского на книгу В.Е. Якушкина «Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. Вып. I. XVIII в.» (М., 1890) // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 6. Д. 22. Л. 16.

² Там же. Л. 17 об.

Литература

175 лет со дня рождения Василия Осиповича Ключевского // Российское историческое общество. Режим доступа: <http://rushistory.org/proekty/rossijskaya-gosudarstvennost-istoriya-i-sovremennost/175-let-so-dnya-rozhdeniya-vasiliya-osipovicha-kljuchevskogo.html>. Дата обращения: 12.10.2016.

Айвазян М.А. Малоизвестное письмо С.Ф. Платонова В.О. Ключевскому // Ключевский. Сб. материалов. Пенза. 1995. № 1. С. 6–8.

Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. Т. I. Письма С.Ф. Платонова. 1883–1930 / Сост. В.Г. Бухерт при участии А.В. Мельникова.

Борисенко Ю. Читайте Ключевского! // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/01/28/kljuchevsky.html>. Дата обращения: 12.10.2016.

Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. СПб., 1997.

В Пензе прошел митинг, посвященный 175-летию со дня рождения В.О. Ключевского // Управление культуры и архива Пензенской области. Режим доступа: <http://mincult.pnzreg.ru/news/2016/01/28/17092784>. Дата обращения: 12.10.2016.

В.О. Ключевский и судьбы отечественной исторической науки: Материалы международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 20–21 мая 2011 г.) / Сост. В.В. Митрофанов. Нижневартовск, 2011.

Замечания В.О. Ключевского на книгу В.Е. Якушина «Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIV в. Вып. I. XVIII в.» (М., 1890) // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 6. Д. 22. Л. 16.

Исполняется 175 лет со дня рождения ученого-историка Василия Ключевского // РоссияК. Режим доступа: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/147726/. Дата обращения: 12.10.2016.

К 175-летию со дня рождения Василия Осиповича Ключевского // Труд. Режим доступа: <http://www.trud58.ru/news-12-4494.html>. Дата обращения: 12.10.2016.

Ключевские чтения – 2011. Том 1. Василий Осипович Ключевский и познание русской истории: Материалы Всероссийской научной конференции: Сборник научных трудов. М., 2011.

Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.

Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1968.

Ключевский В.О. Сочинения: [в 9 т.] / Под ред. В.Л. Янина. М., 1987. Т. 9: Материалы разных лет.

Коллективное письмо Д.Ф. Кобеко. 22 марта 1905 г. // ОР РНБ. Ф. 354. Д. 9. Л. 1–2.

Колобков В.А. С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский (За строкой некролога: по материалам архива С.Ф. Платонова) // Ключевский: сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 140–148.

Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Указатель. Том 1. А-М. М., 1963.

Малинов А.В. «Академический» В.О. Ключевский (к публикации писем В.О. Ключевского в Академию наук) // Клио. 2011. № 7. С. 38–44.

Новые поступления в отдел рукописей и редких книг ГПБ (1979–1983). Каталог. Л., 1985.

Отчет Императорской публичной библиотеки за 1906 год. СПб., 1913.

Письмо В.О. Ключевского А.А. Котляревскому. 25 февраля 1870 г. // ОР РНБ. Ф. 386. Д. 54. Л. 1–2.

Письмо В.О. Ключевского Г.Ф. Карпову А.Ф. Бычкову. 21 июня 1889 г. // ОР РНБ. Ф. 120. Д. 773. Л. 1.

Письмо В.О. Ключевского Г.Ф. Карпову. 6 февраля 1872 г. // ОР РНБ. Ф. 339. Д. 36. Л. 1.

Письмо В.О. Ключевского И.В. Помяловскому. 14 сентября 1894 г. // ОР РНБ. Ф. 608. Д. 858. Л. 2.

Ростовцев Е.А. В.О. Ключевский и историки «петербургской школы» (С.Ф. Платонов, А.С. Лапшю-Данилевский, А.Е. Пресняков) // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: материалы научной конференции (Пенза, 25–26 июня 2001 г.): в 2 кн. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2005. С. 340–371.

Рукописи В.О. Ключевского в Российской национальной библиотеке // Российская национальная библиотека. Режим доступа: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Kliuchevsky/index.php. Дата обращения: 12.10.2016.

Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и петербургские историки // Ключевский: сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 282–289.

Черновой вариант письма С.Ф. Платонова В.О. Ключевскому // ОР РНБ. Ф. 585. Платонов С.Ф. Оп. I. Ч. 2. Д. 1802. Л. 1 об.

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В центре внимания статьи – проблемы взаимоотношений В.О. Ключевского (признанного лидера московской исторической школы) и ведущих петербургских историков рубежа XIX–XX вв. В статье делается попытка показать специфику методологии научной работы В.О. Ключевского, ее отличия от традиций петербургской исторической школы. В статье также затрагиваются вопросы профессиональных и личных взаимоотношений В.О. Ключевского с петербургскими коллегами.

Ключевые слова: В.О. Ключевский, петербургская историческая школа, московская историческая школа, А.Е. Пресняков, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов

Проблема петербургской исторической школы, равно как и проблема взаимоотношений крупнейших представителей петербургской исторической науки с В.О. Ключевским – общепризнанным лидером московской школы уже давно поднималась в литературе¹. В целом ряде работ последних лет,

* Настоящая публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Петербургская историческая школа (XVIII–начало XX в.): биографическая база данных и информационный ресурс», проект № 16-06-00528 и является переработанным вариантом нашей старой статьи, вышедшей в свет 2005 г. (Ростовец Е.А. В.О. Ключевский и историки петербургской школы (С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков) // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. Кн. 1. С. 340–370).

¹ См.: Ананьич Б.В., Панях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113; Панях В.М.: 1) Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 21–23, 2) Историографические этюды.

посвященных схолярной проблематике в российской исторической науке, рассматриваются отдельные аспекты нашей темы¹. Ценные наблюдения о характере взаимоотношений петербургских историков с Ключевским принадлежат А.Н. Цамутали², (который, кстати, первый начал исследование этой темы), в этом отношении заслуживают внимания

СПб., 2005. С. 151–165, 187–192; *Ростовцев Е.А.* Дискурс «петербургской исторической школы» в научной литературе // *Фигуры истории или общие места историографии.* СПб., 2005. С. 303–341; *Алексеев А.П.* Санкт-Петербургская и московская школы в исторической науке о русском средневековье // *Региональные школы русской историографии.* Свак Дюла. – Budapest: Russica Pannonicana, 2007. С. 33–44; *Гришина Н.В.* Школа В.О. Ключевского в историографии: научный дискурс и историографическая судьба // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 131–137.

¹ Укажем лишь на некоторые из них: *Чирков С.В.* В.О. Ключевский и развитие отечественной археологии в конце XIX – начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. Кн. 1. С. 100–136; *Можначева М.П.* Межвузовские научные связи российских историков во второй половине XIX в. в контексте истории научно-педагогической школы В.О. Ключевского // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. Кн. 1. С. 282–297; *Бон Т.* Русская историческая наука /1880 г. – 1905 г./ Павел Николаевич Милуков и Московская школа. СПб., 2005. С. 97–114; *Алеврас Н.Н.* 1) В.О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная историография») // *Вестник ЧелГУ. История.* 2005. № 2. С. 102–112; 2007. №11. С. 132–146, № 18. С. 161–171; 2) Петербургская школа историков. К.Н. Бестужев-Рюмин (из лекционного опыта) // *Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования.* С. 171–178; *Гришина Н.В.* Школа В.О. Ключевского в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.

² *Цамутали А.Н.*: 1) Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 146–150; 2) В.О. Ключевский и петербургские историки // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. № 1. С. 282–289 и др.

также труды С.В. Чиркова¹, В.П. Корзун², С.О. Шмидта³, В.С. Брачева⁴, А.С. Попова⁵ и других авторов. Свой вклад в публикацию источникового материала (прежде всего – переписки), посвященного этой проблематике внесли М.В. Нечкина⁶, М.А. Айвазян⁷, В.А. Колобков⁸, В.Г. Бухерт⁹ и другие исследователи. Однако, на наш взгляд, далеко не все аспекты темы остались проясненными, прежде всего, это касается отношений лидера московской исторической школой с корпорацией столичных историков.

Отношение к Ключевскому старшего поколения петербургской школы, к которому принадлежали А.А. Куник, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.Г. Васильевский, Е.Е. Замысловский и другие, всегда было, по крайней мере, настороженным. Характерно, например, скептическое отношение К.Н. Бестуже-

¹ Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 1989 г. М., 1990. С. 19–27.

² Корзун В.П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милокова С.Ф. Платонову // Отечественная история. 1999. № 2. С. 171–182.

³ Шмидт С.О.: 1) Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург–Москва» // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 533–537; 2) Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог (К 150-летию со дня рождения). М., 2010. С. 20–25, 36–38, 48–63.

⁴ Брачев В.С.: 1) «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001. С. 80–83; 2) Служители исторической науки. Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов. СПб., 2010. С. 78–85.

⁵ Попов А.С. А. С. Ключевский и его «школа»: Синтез истории и социологии. М., 2001.

⁶ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1968. С. 165, 196.

⁷ Айвазян М.А. Малоизвестное письмо С.Ф. Платонова В.О. Ключевскому // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. № 1. С. 6–8.

⁸ Колобков В.А. С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский (За строкой некролога. По материалам архива С.Ф. Платонова) // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. № 1. С. 140–148.

⁹ См.: Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. В 2 т. М., 2003. Т. I. Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930.

ва-Рюмина к «Боярской думе Древней Руси»¹ (докторской диссертации В.О. Ключевского)². Петербургского историка раздражал подход московского коллеги, который приводил к тому, что гипотеза, выдвигаемая историком, маскируется аудиторным красноречием, превращаясь, таким образом, в реальность³. Как показал С.Н. Валк, с 40–50 гг. XIX в. для петербуржцев оставались чуждыми «схемы московской школы»⁴. Петербургская школа, не считала русскую науку готовой к всеобъемлющему синтезу, будучи сосредоточенной на анализе исторических источников. По свидетельству П.Н. Милокова, перелом в отношениях между школами наступил в конце 1880-х – начале 1890-х гг. с появлением нового поколения петербуржцев, по-новому относящему к задачам синтеза и, в связи с этим, к «направлению В.О. Ключевского»⁵.

Выбор С.Ф. Платонова (1860–1933), А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919), А.Е. Преснякова (1870–1929) как представителей нового поколения петербургской школы для оценки отношения этой исследовательской корпорации к творчеству и личности Ключевского обусловлен не только их безусловной значимостью в науке рубежа веков, но и тем, что эти ученые представляли разные направления «школы», по-разному относились и к проблемам теории и методологии истории.

Старшим среди перечисленных петербургских историков явился Платонов, взгляды которого на историческую науку,

¹ Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. М., 1882.

² См.: Нецкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. С. 146–148. Ср.: Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и петербургские историки. С. 283.

³ Малинов А.В. К.Н. Бесстужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб., 2005. С. 161.

⁴ Валк С.Н. Историческая наука в Санкт-Петербургском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 3–79.

⁵ Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 161–163. Подробный анализ взглядов П.Н. Милокова относительно «петербургской школы» см.: Трибунский П.А. П.Н. Милоков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: мысль, события, люди. Рязань, 2001. Вып. 1. С. 5–12.

по-видимому, сформировались к середине 1880-х гг., тогда же он обратился и к подробному изучению работ Ключевского¹. Платонов был бесспорным лидером «Кружка русских историков», в который входило большинство молодых историков петербургской школы, среди которых можно назвать имена В.Г. Дружинина, Е.Ф. Шмурло, И.А. Шляпкина, М.А. Дьяконова, Н.Д. Чечулина, С.М. Середонина и других². Первоначально к кружку тяготели также и Лаппо-Данилевский, и Пресняков, однако оба последних историка впоследствии от «Кружка...» отошли, не приняв направление его научной работы³.

Для характеристики теоретических взглядов Платонова, с нашей точки зрения, уместно обратиться к его работе «Обзор источников летописного типа» (1905)⁴ и курсу лекций по русской истории (последняя редакция – 1917 г.)⁵, в которых ученый изложил теоретические основы «исторического ремесла». В «Обзоре источников...» задача систематизации методов исторического исследования, выработанных петербургской научной традицией, была решена С.Ф. Платоновым прагматически, в целях создания прочной основы для исторического построения. Так, С.Ф. Платонов намеренно упрощал понятие «исторический источник», сводя его к «письменному остатку старины»⁶. Источники подразделялись им на летописные и юридические, а критика источника на внешнюю и

¹ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело. 1929–1931. СПб., 1993. Вып. 1. С. 262.

² Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов и «кружок русских историков» // АЕ за 1999 г. М., 2000. С. 126–143.

³ Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов и «кружок русских историков». С. 136–137; А.Е. Пресняков – матери, 11 октября 1899 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 4. Л. 68–71 об. Ср.: Сverdlov M.B. О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа, и рецензии В.С. Брачева. СПб., 1995. С. 18–20.

⁴ Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа. СПб., 1905.

⁵ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917. Переиздание см.: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории // Платонов С.Ф. Сочинения в 2-х томах. СПб., 1993. Т. I. С. 35–720.

⁶ Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа. Ср.: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. С. 55–56.

внутреннюю. Внешняя критика предусматривала рассмотрение внешней формы источника и отвечала на вопрос о «подделке», понятие которой, естественным образом, противопоставлялось понятию «подлинности». Внутренняя критика включала в себя «критику текста» и «критику факта». Критика факта имела целью установление истинности показания источника. Эта задача решалась путем выявления «угла зрения», с которого данный источник был создан¹. Из понимания Платоновым задач «внешней критики» источника и «критики текста» вытекало и требование детального археографического описания источника.

Примечательно, что методика исторического источниковедения Платонова по ряду ключевых положений была близка к системе источниковедения Ключевского², Платонов фактически повторял в своей работе (не только эмпирическую методику своего учителя К.Н. Бестужева-Рюмина³), но и положения известного курса Ключевского (составленного в конце 1880-х – начале 1890-х гг.) «Источники по русской истории»⁴. Так же, как Платонов, Ключевский в своей характеристике исторических источников, в прагматических целях, фактически уходил от анализа «вещественных» источников, ориентируясь исключительно на «письменные», даже используя схожую терминологию: согласно Ключевскому, историческая критика включала в себя «критику текста» и «критику факта». Критика факта, также как у Платонова, имела целью установление истинности показания источника. Правда, эта задача решалась не путем выявления, как у Платонова, «угла зрения», с которого данный источник был создан, а установ-

¹ Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа. Об этой работе С.Ф. Платонова см. также: Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 99.

² Ср.: Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский – источниковед. М., 1970. С. 151.

³ См.: Бестужев-Рюмин К.Н.: 1) Лекции по русской истории. Литография. СПб., 1884. С. 7–10; 2) Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 10–18.

⁴ Ключевский В.О. Источники русской истории // Ключевский В.О. Собрание соч. в 9 тт. М., 1989. Т. VII. С. 5–83.

лении «степени уклона авторской мысли от действительности»¹. Однако, на этом сходство теоретических воззрений заканчивается – дело в том, что методологические задачи эмпирического направления петербургской школы не выходили за пределы методических указаний и выработки правил работы с источниковым материалом. В своих «Лекциях по русской истории» Платонов допускал «построение общей схемы» того или иного исторического процесса, но только там, где «факты уже собраны и освещены»² и категорически отказывался понимать историю как «науку о законах исторической жизни человеческих обществ»³. В представлении лидера петербургской исторической школы «история есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ»⁴. При таком подходе методология исторического построения и синтеза фактически выводилась за пределы теоретической регламентации и оставалась сферой индивидуального творчества исследователя. Однако для методологических штудий Ключевского решение именно этих задач было основным.

Таким образом, разногласия между учеными, не касались методики исследования, более того и в своем «Курсе русской истории», как показал А.Н. Цамутали, «Платонов в своих общих построениях шел по пути намеченному Ключевским», хотя и по-новому осветил целый ряд вопросов⁵. Да и сам Платонов в своей автобиографии 1928 г. вспоминал, что после окончания университета в середине 1880-х гг. «в понимании смысла и содержания русского исторического процесса я испытывал на себе влияние лекций и монографий В.О. Ключевского»⁶. Однако, не случайно, что в некрологе,

¹ Там же. С.7.

² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. С. 40.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же.

⁵ Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии. С. 99–125.

⁶ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка. С. 262.

посвященном этому ученому, Платонов подчеркнул, что значение Ключевского совсем не в «совершенстве его схемы», а в «таланте исследователя», «красоте его художественного творчества»¹, более того, уже в 1918 г. он поддержал А.Е. Преснякова, предложившего пересмотр «схемы Ключевского» в духе «школы Платонова» (школы «восстановления прав источника и факта»)². Можно предположить, что Платонову были чужды вопросы, не связанные с практикой исследования, в области же практики он был, прежде всего, историком «одной темы» (история «Смуты»)³, проблема же «схемы» русской истории была для ученого второстепенной. По существу с Ключевским у него не было предмета для спора — настолько на разных «полюсах» исторической науки они находились.

В то же время профессиональные и житейские отношения у историков были довольно ровными. Платонов был знаком с Ключевским с конца 1880-х гг., со времени защиты своей магистерской диссертации «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник»⁴, заслужившей положительный отзыв Ключевского⁵. Этот отзыв, кстати, обеспечил присуждение Платонову Уваровской премии 1890 г.⁶ Как показал В.А. Колобков¹ «камнем

¹ См.: *Платонов С.Ф.* В.О. Ключевский (1839–1911). Некролог // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1911. Новая серия. Ч.XXXVI. Ноябрь. С. 30–36.

² См.: *Платонов С.Ф.* [Рец.: соч. А.Е. Преснякова *Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст.* Пг., 1918] // *Международная политика и мировое хозяйство.* Кн. 8. 1918. С. 99–100.

³ См.: *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф. Платонов. С. 56–101, 256–257.

⁴ *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888.

⁵ *Ключевский В.О.* Отзыв об исследовании С.Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» // Отчет о 31 присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1890. С. 55–66. Ср.: *Колобков В.А.* С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский... С. 141.

⁶ См.: Отчет о 31 присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1890.

преткновения» в их отношениях мог стать эпизод, связанный с защитой диссертации учеником Ключевского П.Н. Милюковым под названием «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого»² в начале 1890-х гг., вызвавшей недовольство и противодействие учителя (Ключевский добился того, чтоб П.Н. Милюкову не присудили за труд докторской степени³). Дело в том, что Платонов способствовал публикации глав диссертации П.Н. Милюкова по мере их подготовки в Журнале министерства народного просвещения (ЖМНП), членом редколлегии которого он являлся⁴. В мае 1891 г. в ответ на письмо П.Н. Милюкова, в котором последний недвусмысленно писал о гонениях на него, организованных Ключевским, Платонов замечал, что сведения П.Н. Милюкова «чрезвычайно удивили его»: «...Удивили тем, что совпали с темными слухами, циркулирующими здесь о В.О. Здесь смотрят на него, как на человека, с которым случилось что-то неладное и странное. Я не давал этим слухам до сих пор никакой цены, теперь же — удивляюсь»⁵.

Осложнения отношений Ключевского с П.Н. Милюковым лишили Платонова возможности, как он вначале планировал, воспользоваться помощью П.Н. Милюкова для сближения с Ключевским⁶. Однако, как отметил А.Н. Цамутали, в начале 1890-х гг. «личное знакомство С.Ф. Платонова с

¹ Колбков В.А. С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский... С. 141–143.

² Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892.

³ Вандакловская М.Г. Павел Николаевич Милюков (1859–1943) // Портреты историков. Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 165–166; Макушин А.В. Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни. Рязань, 2001. С. 67–75.

⁴ См.: Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия в связи с реформой Петра Великого // ЖМНП. 1891. № 1. С. 1–47, № 3. С. 30–146, № 8. С. 289–393, № 10. С. 408–482; 1892. № 1. С. 65–124; № 2. С. 261–347.

⁵ Цит по: Макушин А.В. Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков... С. 51.

⁶ Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и петербургские историки... С. 284.

В.О. Ключевским постепенно налаживается»¹. «Удивление» поведением Ключевского не помешало Платонову вскоре в письме Ключевскому, проявить, по определению М.А. Айвазяна, «изыщную законченность стиля», в частности, поместив в нем пассаж следующего содержания: «пытаюсь...выразить чувство глубочайшего уважения моего к Вам, воспитанное на изучении Ваших монографий и лекций по предмету, которому я и сам посвящаю свои слабые силы». «Знакомство с Вашими трудами, – продолжал Платонов, – и Ваши беседы – составляют одно из лучших приобретений моего ума, за которое ни могу не благодарить Вас хотя бы письмом»². Цели «изыщное письмо» достигло – между Ключевским и Платоновым завязалась переписка³. В то же время, однако, Платонов в узком кругу вновь возмущался поведением Ключевского на защите диссертации П.Н. Милокова в мае 1892 г.⁴ Н.Н. Платонова (жена историка) уделила даже несколько страниц своего дневника описанию этого «возмущения». «Самый диспут Милокова, – писала Н.Н. Платонова, – произвел на С.Ф. тяжелое впечатление. Сам диссертант держался прекрасно, и публика во время диспута отнеслась к нему с большой симпатией. Но оппоненты Ключевский и Якушкин... не удовлетворили С.Ф.: второй был слаб, а первый бесконечно равнодушен, холоден к диспутанту, как будто это не ученик его, а человек для него совершенно посторонний... С.Ф. говорит, что трудно передать его впечатления словами, но ему было бесконечно жаль Милокова и его жену, которая присутствовала на диспуте и по словам С.Ф. очевид-

¹ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. С. 79.

² С.Ф. Платонов – В.О. Ключевскому, 23 декабря 1891 г. // *Айвазян М.А.* Малоизвестное письмо С.Ф. Платонова В.О. Ключевскому... С. 7.

³ См.: *Калобков В.А.* С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский. С. 140–148.

⁴ *Платонова Н.Н.* Дневник. 3 июня 1892 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 585. Д. 5691. Л. 127. Ср.: *Макушин А.В. Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милоков... С. 71.

но страдала»¹. Как пишет Н.Н. Платонова, диспут П.Н. Милюкова заставил ее мужа отказаться от идеи защищать докторскую диссертацию в Москве². После диспута П.Н. Милюкова Платонов все же отправился на прием к Ключевскому и, как записала Н.Н. Платонова в своем дневнике, «прием был очень любезный, но все-таки С.Ф. говорит, что больше не пойдет к нему. Ключевский, по впечатлениям С.Ф.-ча держался так, как будто С.Ф. полицейский агент от которого все нужно скрыть, но и все узнать»³. Тем не менее, на деле «ухаживать» за Ключевским Платонов не прекратил. Так, он явился автором письма от имени «Кружка русских историков» Ключевскому, посвященного тридцатилетию его педагогической деятельности. В частности, лидер кружка «русских историков» сравнивал свой кружок с «одной из бесчисленных струек потока, которым освежающая сень многоветвистой ивы помогла сохранить от иссушающего зноя житейской пошлости и разочарований драгоценные капли душевной бодрости и веры в свой народ», под «многоветвистой ивой» Платонов подразумевал юбиляра⁴. Ключевский, естественно, отвечал Платонову с всевозможной любезностью⁵. Отношения историков (при сохранении определенной дистанции соответствующей разнице в возрасте) постепенно стали довольно теплыми. Ключевский однажды даже писал Платонову: «Первая квартира, в которую бы я постучал по приезде в Петербург, была бы Ваша»⁶. Неудивительно, что П.Н. Милюков впоследствии сетовал на карьеризм и «осторожность» Платонова⁷ и называл его «столичной штучкой»¹.

¹ Платонова Н.Н. Дневник. 20 мая 1892 г. // ОР РНБ. Ф.585. Д. 5691. Л. 118 об. – 119.

² Там же. Л. 119–119 об.

³ Там же. Л. 121 об. – 122.

⁴ С.Ф. Платонов – В.О. Ключевскому. Черновик письма. [1901 г.] // Колобков В.А. С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский... С. 147.

⁵ В.О. Ключевский – С.Ф. Платонову. 5 января 1902 г. // Колобков В.А. С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский... С. 145–146.

⁶ В.О. Ключевский – С.Ф. Платонову, 7 декабря 1902 г. // Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 196.

⁷ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 162.

Хорошие отношения с Ключевским немало способствовали установлению тесных, приятельских отношений Платонова с московскими историками его поколения². Не случайно, что в советское время именно Платонову удалось фактически стать во главе «старой школы» русской исторической науки, объединив вокруг себя и соперничавшие ранее петербургские кружки и учеников Ключевского (в их числе М.К. Любавского, М.М. Богословского, А.И. Яковлева, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушина и других)³. В то же время, как показывает анализ дневника Н.Н. Платоновой, определенная психологическая дистанция между «главой петербургской исторической школы» и «москвичами» оставалась на протяжении тридцати лет неизменной⁴.

Если Платонов возглавил «эмпирическое направление» в петербургской школе, то А.С. Лаппо-Данилевский был лидером «теоретического направления»⁵. С начала 1890-х гг. его отношения с Платоновым носят отчужденный, почти враждебный характер⁶. Иной, нежели у Платонова, характер носили и отношения Лаппо-Данилевского с Ключевским.

Для сравнения теоретических воззрений двух историков небезынтересно сопоставить две работы (два курса лекций): «Методологию русской истории» Ключевского⁷ и «Методоло-

¹ См.: Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург–Москва». С. 533–534.

² Там же. С. 536.

³ См.: Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. С. 260–261; Смирнова Т.Г. С.Ф. Платонов и гуманитарные учреждения Петрограда-Ленинграда в 1920-е гг. // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 203–212.

⁴ Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы. СПб., 2006. С. 275–280.

⁵ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 295–297.

⁶ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 1999. Вып. I. С. 128–165.

⁷ Ключевский В.О. Методология русской истории. 1884–85 ак. год // Ключевский В.О. Собр. соч. в 9 тт. М., 1989. Т. VI. С. 5–93.

гию истории» Лаппо-Данилевского¹. Неизвестно, читали ли их авторы работы друг друга (первоначально методологические курсы обоих историков были изданы литографическим способом, и лишь за год до смерти Ключевского первая часть труда Лаппо-Данилевского появилась в печати). Во всяком случае, Лаппо-Данилевский ссылается для характеристики теоретических взглядов Ключевского только на введение в его «Курс русской истории»².

Методологическая система Ключевского была ориентирована прежде всего на решения задачи синтеза русской истории, выявления законов ее развития, определения ее общей схемы. В основе взгляда Ключевского на методологию был исследовательский прагматизм, но он не ограничивался (как у Платонова) решением задачи восстановления факта, а шел дальше – к решению проблемы синтеза «местной истории» в рамках позитивистской модели теории истории. Историческая методология понималась как совокупность приемов изучения, которые разнообразны в зависимости от поставленных задач, а задачи определяются предметом изучения. Предмет же исторической науки, согласно Ключевскому, – «происхо-

¹ Лаппо-Данилевский А.С.: 1) Методология истории. СПб., 1910. Ч. 1; 2) Методология истории. СПб., 1913. Выпуск II; 3) Методология истории // ЖМНП. 1917. Ч. LXXII. Ноябрь-Декабрь; 4) Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания // Известия Российской академии наук (далее – ИАН). 1918. VI серия. Т. XII. № 5; 5) Методология истории. Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // ИАН. 1919. VI серия. Т. XII. № 6, 7, 9, 11, 13; 6) Методология истории. Пг., 1923. Вып. 1; 7) Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908–1909 академическом году. Литография Богданова. [СПб., 1909].

² См.: Ключевский В.О. Лекция I // Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 книгах. М., 1993. Кн. 1. С. 3–18.

ждение, развитие и свойства людских союзов»¹. «Объективный метод» исторического изучения поэтому заключается, по определению ученого, в том, чтобы все исторические явления представить как часть этого движения. По мысли лидера «московской школы» изучение исторических явлений должно строиться «сверху вниз», т. е. от верховной власти к низшим слоям населения. Ключевский утверждал, что такой порядок изучения дает возможность сводить явления того или другого разряда (т. е. явления политические, юридические и экономические) «в особую обобщающую формулу», а из отдельных формул можно вывести «общую схему нашей истории». В курсе русской истории этот метод изучения Ключевский называл «социологическим» и прямо связывал с общей задачей выведения законов функционирования общества². Примечательно, что и задачи исторической критики Ключевский полностью подчинял «объективному методу», считая критику источников (о методике которой речь шла выше) лишь пер-

¹ Ключевский В.О. Методология русской истории. С. 9. Ср.: Малинов А.В. Философия и методология истории в России. СПб., 2015. С. 117–119.

² Об историко-социологическом подходе В.О. Ключевского (помимо статей С.Н. Погодина, В.В. Козловского и Р.Г. Браславского в настоящем сборнике) см., напр.: Шпаковский В.В. Социологические взгляды В.О. Ключевского (1841–1911) // Вестник ТГУ. 1999. Вып. 1. С. 29–32; Погодин С.Н. Социологический метод В.О.Ключевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1 (25). С. 40–49; Мазалова В.Ю. Вклад В.О. Ключевского в разработку исторической социологии. Автореф. ...дисс. канд. соц. наук. Саратов, 2005; Тимофеев П.Т. Историко-социологические взгляды В.О. Ключевского на общество и власть // Социология власти. 2007. № 5. С. 14–26; Попов А.С. Истоки исторической социологии В. О. Ключевского // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 58–61; Моцелков Е.Н. Политика, государство, власть в концепции русской истории В.О. Ключевского // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 382–395; Васильев Ю.А. Теория и методы в русской исторической школе. М., 2012. С. 112–219; Малинов А.В. Русская философия: исследования, история, историография. СПб., 2013. С. 114–119.

вой ступенью исторической критики, верхняя ступень, которой (так называемая высшая историческая критика) как раз и связана с выявлением исторической закономерности явлений¹.

Методологическая система Лаппо-Данилевского явилась своеобразным обобщением исследовательского опыта петербургской школы и была связана с решением задач источниковедения и исторического построения, задачи синтеза ушли на второй план. Примечательно, что К.Н. Бестужев-Рюмин возлагал надежду на разработку теоретических основ исторической науки на представителя следующего поколения школы – Лаппо-Данилевского².

Ведущий принцип исторического исследования, предлагаемый Лаппо-Данилевским, – идиографический, понимаемый им как восхождение от единичного к общему. Эту иерархию исследовательских процедур Лаппо-Данилевский относил как к теории истории («общая методология истории»), так и к методам исторического изучения («специальная методология истории»).

Согласно Лаппо-Данилевскому, «под историческим фактом в наиболее характерном, специфическом его смысле, следует преимущественно разуметь воздействие сознания данной индивидуальности на среду, в особенности на общественную среду», при этом данное воздействие выступает как индивидуальное. С этих позиций строилась и выдвигаемая Лаппо-Данилевским последующая группировка исторических фактов, в том числе «состояния культуры», «исторических рядов», «систематического» и «эволюционного» целого, и, наконец, «историческое целое». В результате мировая история виделась Лаппо-Данилевскому как «великая индивидуальность человечества». В системе Лаппо-Данилевского основой

¹ Там же. С.88. Ср.: *Киреева Р.А.* Послесловие // Ключевский В.О. Собр. соч. в 9 тт. М., 1989. Т. VI. Специальные исторические работы. С. 436–481; *Теория и методология истории: учебник и практикум для академического бакалавриата.* М., 2016. С. 174.

² А.С. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской, май 1893 г. // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее – СПФ АРАН). Ф. 113. Оп. 3. Д. 10. Л. 23 об.

исторического построения являются причинно-следственные элементы факта: комбинируя элементы и группируя исторические факты, историк осуществляет историческое построение. В ходе исторической группировки историк распределяет факты по качественным признакам в исторические ряды. Тот или иной исторический ряд определяет расположение фактов в систематическом целом (расположение в пространстве) или эволюционном целом (расположение во времени). Их наложение друг на друга создает картину исторического целого, искомой части мирового целого (мирового космоса, бытия – в понимании Лаппо-Данилевского). Для понимания значения факта в историческом целом Лаппо-Данилевский соотносил их с абсолютными ценностями (этического характера) и таким образом, рассматривал мировую историю как реализацию собственных этических идеалов. В то же время, предлагая методологический инструментарий для практики исторического исследования, ученый освобождался от своих философских догматических взглядов. Для изучения «относительного целого» (т. е. предмета конкретного исследования) Лаппо-Данилевский вводил принцип отнесения фактов к относительной ценности, господствующей в сознании людей и, следовательно, определяющей ход истории в ту или иную эпоху (общепринятой или обоснованной). Этот методологический принцип универсален: элементы фактов рассматриваются с точки зрения их функционального значения и в зависимости от цели исследования. В результате группировки элементов возникает относительное целое, центральный исторический ряд фактов которого определяется по той или иной относительной ценности.

Система источниковедения Лаппо-Данилевского целиком была основана на теоретических посылах, данных в его общей методологии. Понятие источника следовало из двойного понимания природы источника как факта и показания о факте и основывалось на определении исторического факта «как воздействия сознания данной индивидуальности на среду». Факты, обладавшие свойствами «исторической ценности» и «действенности», Лаппо-Данилевский называл фактами с историческим значением. Соответственно исторический ис-

точник – «есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением». От этого определения строилась система классификации исторических источников и методов их изучения, которые включали в себя интерпретацию (установление объективного психического значения источника) и критику (установления научно-исторической ценности источника). Последняя заключала в себе критику источника как факта и показаний о факте. Получаемые в ходе источниковедческого анализа результаты позволяли определить позицию как источника, так и восстанавливаемого с его помощью факта в системе исторического (относительного) целого, руководствуясь изложенными выше принципами группировки исторических фактов¹.

Научно-теоретическим взглядам А.С. Лаппо-Данилевского в области методологии истории, методики и техники исторического исследования было присуще единство. Элементы неокантианской философии в теории истории А.С. Лаппо-Данилевского имеют вспомогательное и чисто методологическое значение в конструируемой им системе исторического знания². Поэтому и критику его методологии истории за «догматизм» и «неокантианский идеализм» следует объяснить как отрицанием необходимости теоретического подхода к историческому знанию со стороны представителей эмпирического направления петербургской школы, так и чу-

¹ *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. С. 114–130. Ср.: *Малинов А.В.*: 1) А.С. Лаппо-Данилевский // Вече. Альманах русской философии и культуры. 1999. Вып. 12. С. 114–135, 2) Философия истории в России. СПб., 2001. С. 161–170, 3) А.С. Лаппо-Данилевский // Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003). СПб., 2003. С. 140–189; *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 170–227; *Транш Н.А.* Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: Опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону, 2006. С. 78–111; *Дорошенко Н.М.* Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского в системе российской философии истории // Клио. 2013. № 12 (84). С. 13–16.

² Ср.: *Малинов А.В.* Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского в контексте развития русской философии истории // Малинов А.В. Историко-философские этюды. СПб., 2007. С. 317–327.

ждым ему подходом к теории истории сначала представителей московской школы, а затем историков-марксистов¹.

Таким образом, сравнивая теоретические позиции Ключевского и Лаппо-Данилевского, можно заключить, что в их основе были противоположные подходы к историческому познанию: в терминологии того времени их можно охарактеризовать как «генерализирующий» (у Ключевского) и «индивидуализирующий» (у Лаппо-Данилевского). Можно предположить, что в основе методологических систем двух ученых лежали разные исследовательские традиции московской и петербургской исторической школ.

В своем «Курсе русской истории» (читавшемся им в 1890-е гг. в Историко-филологическом институте) Лаппо-Данилевский ограничивается лишь кратким изложением «теории колонизации» Ключевского, воздерживаясь о того, чтобы давать ей оценку². Правда, в последнем издании лекций Лаппо-Данилевского (1897) после изложения «схемы» Ключевского появляется примечательный критический пассаж: «...в этой схеме как видно, В.О. Ключевский опускает духовные факторы нашего развития, а отсюда и взаимодействие между различными основными проявлениями древнерусской жизни, и ее эволюция в целом недостаточно выяснены; позднейшие периоды нашей истории к тому же обрисованы слишком слабо: намечены, быть может, лишь некоторые из ее особенностей, а не ее основания»³. В читаемом Лаппо-Данилевским в то же время курсе историографии, Ключев-

¹ *Ростовцев Е.А.* А. С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. СПб., 2000. Вып. II. С. 203.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* 1) Лекции по русской истории, читанные студентам первого курса Императорского Историко-филологического института в 1890/91. СПб., [1891]. Литогр. С. 142–143; 2) Лекции по русской истории, читанные студентам первого курса Императорского Историко-филологического института в 1892/93. СПб., [1892]. Литогр. С. 158–159.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Лекции по русской истории, читанные в Санкт-Петербургском Университете в 1896-7 учебном году. СПб., [1897]. Литогр. С. 107.

ский, наряду с С.М. Соловьевым, характеризуется как «представитель последнего – современного нам – направления», которое «рассматривает русскую народность как организм, развивающийся путем перерождения частных норм в общие (государственные)»¹.

У Лаппо-Данилевского есть и несколько специальных очерков, посвященных Ключевскому. Первый из них относится к 1900 г. Это «Записка об ученых трудах профессора Императорского Московского университета В.О. Ключевского», составленная Лаппо-Данилевским² от имени ряда академиков и явившаяся формальной рекомендацией для избрания Ключевского в состав Академии наук. В «Записке...» деятельность Ключевского рассматривается, прежде всего, как ученика С.М. Соловьева и сторонника «органической теории». Интересно, что среди достоинств кандидата Лаппо-Данилевский выделял, однако, иные стороны профессиональной деятельности и научного метода Ключевского, – те, которые были близки ему самому. Так, особое внимание Лаппо-Данилевский уделил работе Ключевского над древнерусскими житиями («Древнерусские жития святых как исторический источник»³). По словам Лаппо-Данилевского, Ключевский «обратился к изучению житий не столько как источника, сколько как явления» и «мастерски пользовался обломками старины для воспроизведения целого». Примечательно,

¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Лекции по русской историографии, читанные студентам Императорского Историко-филологического института в 1891–92 акад. году. СПб., [1892].

² *Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского Московского университета В.О. Ключевского. III Приложение к протоколу заседания ИФО 26 апреля 1900 г. // Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. СПб., 1900. Эта «Записка...» не включалась в списки трудов А.С. Лаппо-Данилевского, но о принадлежности ее Лаппо-Данилевскому свидетельствует пометка, сделанная его рукой, на оттиске «Записки...», хранящемся в фонде Лаппо-Данилевского: «Составлен мною А.-С. Л.-Д.» (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 399. Л. 1).

³*Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

что как отметил Лаппо-Данилевский, самого Ключевского как раз это исследование и не удовлетворило, поскольку не дало ожидаемого материала для разработки теории «колонизации». Импонировали Лаппо-Данилевскому и иные специально-исторические изыскания кандидата, которые, конечно, для самого Ключевского носили периферийный характер, например, выяснение вопроса о «ценности рубля». Лаппо-Данилевский подчеркнул ценность работ ученого, посвященных истории XVII–XVIII вв., где, по его словам, Ключевский обратился к анализу западных влияний на русскую культуру, к исследованию религиозных представлений людей Московской Руси и выявил «значение идеи возникшей у некоторых из русских людей того времени под влиянием падения Константинополя», рассмотрел вопрос о роли церкви в обществе. Лаппо-Данилевский как бы подчеркивал своим изложением, что исследование сознания народа и «истории идей» оказалось более продуктивным в научной деятельности Ключевского, нежели социально-экономическая проблематика и тема «колонизации»¹.

После смерти Ключевского Лаппо-Данилевский принял участие в ряде мероприятий, посвященных памяти покойного ученого. Так, в 1911 г. Лаппо-Данилевский выступил с речами, посвященными Ключевскому на заседаниях секции русской истории Исторического общества при Петербургском университете² и XV Археологического съезда. В последнем выступлении Лаппо-Данилевский особо остановился на роли Ключевского как «главы московской исторической школы», к которой он отнес П.Н. Милюкова, А.А. Кизиветера, В.Н. Сто-

¹ *Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского Московского университета В.О. Ключевского.

² Протоколы секции русской истории от 5 октября 1911 г. по 10 декабря 1914 г. 45 заседание. Протокол от 5 октября 1911 г. // Историческое обозрение. СПб., 1915. Т. XX. С. 127. Ср.: Протокол 45 заседания секции русской истории Исторического общества при Петербургском университете. 5 октября 1911 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – СПб ИИ РАН). Ф. 193. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.

рожева, Я.Л. Барскова, М.М. Богословского, Н.А. Рожкова и М.Н. Покровского, и, что примечательно, подчеркнул влияние Ключевского на труды своих петербургских коллег — М.А. Дьяконова и С.Ф. Платонова¹. Лаппо-Данилевский также явился автором двух публикаций, посвященных памяти В.О. Ключевского. Статья «Памяти Ключевского» опубликована два раза: сначала в журнале «Вестник Европы»² (затем в сборнике «Памяти В.О. Ключевского» под названием «Исторические взгляды В.О. Ключевского»³); другая публикация — некролог, читанный в Общем собрании Академии и помещенный в ее «Известиях» (ИАН) (1911)⁴. А.Н. Цамутали первый в литературе обратил внимание на критическое отношение Лаппо-Данилевского к теоретическим взглядам Ключевского, которое скрывалась за внешне почтительным тоном, соответствующим жанру статьи «Исторические взгляды...»⁵. Действительно, Лаппо-Данилевский, анализируя систему взглядов Ключевского, подчеркивал, «социологичность» его точки зрения на историю, зависимость его схемы от взглядов С.М. Соловьева. Примечательно, что Лаппо-Данилевский явно критически относился как раз к тому, чем по его словам, Ключевский «пополнил схему, принятую Соловьевым», а именно положением о доминирующей роли социальных и экономических факторов в истории. Одновременно Лаппо-Данилевский, правда, обратил внимание и на то, что было позитивного в творчестве Ключевского с точки зрения его собственной системы. Ключевский не отрицал значение «духовных факторов», роли тех идей в истории, которые имеют «общеизвестное» или историческое значение. Особо им-

¹ См.: СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 244. Л. 3.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* Памяти Ключевского // Вестник Европы. 1911. Август. С. 337–353.

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Исторические взгляды В.О. Ключевского // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 100–116.

⁴ *Лаппо-Данилевский А.С.* В.О. Ключевский. Некролог // ИАН. 1911. № 13. С. 921–924.

⁵ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. С. 146–150.

понирова́л Ла́ппо-Дани́левскому́ сам принцип целостного синтетического взгляда на историю, сочетание разработки теории и конкретно-исторических исследований. Ла́ппо-Дани́левский отмечал как достоинство схемы Ключевского (в сравнении с С.М. Соловьевым), что он стремится показать «индивидуальный» характер русской истории, т. е. в решении этой задачи становится на близкую Ла́ппо-Дани́левскому «индивидуализирующую» точку зрения¹. В некрологе, помещенном в ИАН, Ла́ппо-Дани́левский подчеркивает достоинства конкретно-исторических работ Ключевского. В частности, он отмечает, что последний хотел «понять наше прошлое с собственно исторической точки зрения, в значительной степени соподчиняя ей ту социологическую схему, с которой он приступил к своим исследованиям»². Высоко ценил Ла́ппо-Дани́левский и «редкий дар слова», присущий покойному ученому, его способность к художественному воскрешению истории³.

Таким образом, хотя Ла́ппо-Дани́левскому были близки вопросы теории истории, и он готов был принять те конкретно-исторические выводы Ключевского, которые подчиняли общую «социологическую схему», но теоретические принципы, лежащие в основе методологии научной работы Ключевского, являлись для его петербургского коллеги совершенно чуждыми.

Различное видение задач исторической науки, по-видимому, вело к тому, что «точек соприкосновения» (или «столкновения») научных интересов Ключевского и Ла́ппо-Дани́левского тоже было немного. Познакомились ученые, по-видимому, в начале 1890-х гг. и, по всей вероятности, их отношения всегда носили только официальный характер. В ходе конфликта вокруг диссертации П.Н. Милюкова, Ла́ппо-Дани́левский недвусмысленно занял сторону последнего, и

¹ *Ла́ппо-Дани́левский А.С.* Исторические взгляды В.О. Ключевского. С. 115.

² *Ла́ппо-Дани́левский А.С.* В.О. Ключевский. Некролог. С. 923.

³ Там же.

наряду с Платоновым оказал содействие в напечатании в Петербурге «Государственного хозяйства России...»¹.

Общие научные интересы и задачи Лаппо-Данилевского и Ключевского были, прежде всего, связаны с совместной деятельностью историков в Академии наук. Несомненно, однако, что их отношения носили уважительный, но более отчужденный характер, чем у Ключевского с Платоновым. Возможно, это связано с началом сотрудничества в составе Историко-филологического отделения Академии наук (ИФО) Лаппо-Данилевского и Ключевского. В Академию наук историки были избраны почти одновременно. Лаппо-Данилевский в 1899 г. был избран адъюнктом, Ключевский – в конце 1900 г. ординарным академиком ИФО вне штата (а в 1908 г. еще и почетным академиком разряда изящной словесности Академии Наук).

Существуют разные точки зрения, относительно того, почему Ключевский не был избран в штат Академии сразу после того, как освободилась в 1899 г. вакансия после кончины А.А. Куника. Р.А. Киреева, например, считает, что дело заключалось в том, что Ключевский не хотел переезжать из Москвы². Эта точка зрения вызывает некоторые сомнения. В «Материалах к биографии Васильевского» И.М. Гревс пишет по этому поводу, что выбирать иногородних В.С. Иконникова и В.О. Ключевского «было неудобно, так как им могла быть предложена лишь ординатура, а тут освободилось только место адъюнкта» и описывает усилия В.Г. Васильевского по избранию именно Лаппо-Данилевского³. Сам Лаппо-Данилевский в письме к М.А. Дьяконову разъясняет ситуацию следующим образом: «Вы пишете об Иконникове и Ключевском... выяснилось, что в уставе есть параграф, в силу которого можно быть избранным лишь в адъюнкты, из которых

¹ Макушин А.В. *Трибунский П.А.* Павел Николаевич Миллюков: труды и дни. С. 61.

² Киреева Р.А. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский // *Историки России. XVIII – начало XX века.* М., 1996. С. 434.

³ Гревс И.М. Материалы у биографии Васильевского // СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 256–257.

заслуживающие сего переизбираются в э. и о. академики»¹. В упомянутой выше «Записке...», составленной Лаппо-Данилевским для рекомендации Ключевского в Академию, указывается, что предложение Ключевского в «иногородние ординарные академики» (т. е. за штатом), связано с «отсутствием второй ординатуры по истории»². Оценивая эти пояснения, следует иметь в виду, что внутри Академии «штатные» члены обладали равными правами, а продвижение из адъюнктов в академики являлось чисто технической процедурой, занимающий 2–3 года, так, Лаппо-Данилевский стал «экстраординарным академиком» уже в 1902 г., примечательно, что и с освобождением «штатной ординатуры» в ИФО в 1904 г. после смерти Н.Ф. Дубровина, она не была предложена Ключевскому, – «штатным ординарным» академиком стал Лаппо-Данилевский. По-видимому, петербургские академики (старшее поколение «школь»), а затем и Лаппо-Данилевский) изначально не склонны были всерьез рассматривать возможность избрания В.О. Ключевского в штат «своего» ученого учреждения. Н.Н. Платонова спустя много лет вспоминала, что К.Н. Бестужев-Рюмин, В.Р. Розен и В.Г. Васильевский, желая «оживить работу» Академии в конце 1890-х гг. специально задались целью провести для этого в ее состав «молодых ученых» и остановились на Лаппо-Данилевском и С.Ф. Ольденбурге³. С другой стороны, при отсутствии вакансии в состав Академии и можно только было избрать «вне штата», т. е. «с оставлением в прежней должности», что и было в 1900 г. сделано в виде «утешительного приза» в отношении Ключевского и Ф.И. Успенского⁴, который тоже претен-

¹ А.С. Лаппо-Данилевский – М.А. Дьяконову. 16 мая 1899 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 112. Л. 102 об.

² *Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С.* Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского Московского университета В.О. Ключевского.

³ *Платонова Н.Н.* Дневник. 10 февраля 1919 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5698. Л. 88 об.

⁴ Всеподданнейшие доклады по МНП. Докл. 439, 440 // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 744. Оп. 1. Д. 172. Л. 75–76 об. Об отношении современников к

довал первоначально на место А.А. Куника¹. Можно предположить, что эта история с избранием в академики наряду с научно-теоретическими разногласиями предопределила отчасти и характер сотрудничества ученых в составе Академии.

Единственным опытом этого сотрудничества стала попытка Лаппо-Данилевского привлечь Ключевского к своему основному проекту в Академии – изданию грамот Коллегии экономии. Однако Ключевский предложил печатать акты не по уездам (в отличие от Лаппо-Данилевского), а в общем хронологическом порядке²: «...Расположение актов Коллегии экономии в архиве юстиции по уездам было вызвано, можно думать, – писал Ключевский Лаппо-Данилевскому, – специальн[ыми] практическими нуждами учреждения... В целях общего научного изучения представляется наиболее пригодным издание всех актов коллегии, древнейших и позднейших в хронологическом порядке без дальнейшего их подразделения». Одновременно Ключевский предлагал составить к изданию географический указатель с распределением актов по уездам³. Для Лаппо-Данилевского этот прагматический подход, конечно, приемлем не был, – с позиций его методологии, грамоты следовало расположить в «систематическом целом», т. е. печатать их по уездам в хронологической последовательности⁴. После этого эпизода Ключевский фактически отстранился от деятельности Отделения. Так, в 1906 г. он от-

такому выбору Академии, свидетельствует, в частности то обстоятельство, что министр народного просвещения Н.П. Боголепов, получив от имени конференции Академии представление об избрании Ключевского, подчеркнул в документе слова «был избран вне штата» и «с оставлением в занимаемых им должностях» и сделал на полях пометку карандашом: «Согласен ли проф. Ключевский ??» (См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 122. Д. 1611. Л. 330–330 об.).

¹ Гревс П.М. Материалы у биографии Васильевского // СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22.

² См.: Котанев А.И. Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка // ВИД. Л., 1978. Вып. IX. С. 86.

³ В.О. Ключевский – в Академию наук. [1900-1901 гг.]. Черновик письма // Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 192.

⁴ См.: Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

казался от поручения Комиссии Академии по присуждению премий гр. Уварова от рецензирования сочинения М.С. Грушевского «Очерк истории украинского народа»¹. Сам по себе формальный отказ от выполнения поручения Академии под предлогом занятости другими делами (в университете)² со стороны ее действительного члена – случай беспрецедентный. Следует иметь в виду, что комиссиями по присуждению премий гр. Уварова по сочинениям по русской истории фактически руководил Лаппо-Данилевский³ (кстати, симпатизировавший М.С. Грушевскому). По-видимому, Ключевский не хотел играть «вторую скрипку» в ИФО, следуя политике Лаппо-Данилевского, что и недвусмысленно давал понять. Тем не менее, вряд ли обоснованно говорить о каком-то формальном «разрыве» в отношениях Ключевского и Лаппо-Данилевского. Например, Лаппо-Данилевский обращался к Ключевскому с просьбами о поддержке своих учеников в Москве⁴. Несмотря на свое фактическое неучастие в делах Отделения, Ключевский также пытался помочь Лаппо-Данилевскому в переговорах с директором Московского архива министерства юстиции Д.Я. Самоквасовым по поводу запланированного Академией издания «Материалов по истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду», хранившихся в этом архиве. Редактором издания являлся ученик Ключевского В.Н. Сторожев. У него также как и у Лаппо-Данилевского (курировавшего издание от Академии) сложились конфликтные отношения с Д.Я. Самоквасовым, который был известен своим нетерпимым отношением к любым публикациям своего Архива, осуществлявшихся помимо него

¹ В.О. Ключевский – Комиссии по присуждению премий гр. Уварова при Императорской Академии наук // Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 205.

² См. там же.

³ См.: *Ростовцев Е.А.* Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук. С. 218–224.

⁴ *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 318.

самого¹. В.Н. Сторожеву директором был даже запрещен вход в Архив. Ключевский пытался по просьбе Лаппо-Данилевского смягчить позицию Д.Я. Самоквасова, но последний заявил ему, что «этого запрета», наложенного на В.Н. Сторожева «за какой-то поступок с архивными документами» «не может отменить ни он, директор, ни сам министр юстиции», о чем Ключевский с долей иронии и сообщил Лаппо-Данилевскому². В то же время Ключевский добился от Д.Я. Самоквасова обещания предоставить «все удобства» для другого лица помимо В.Н. Сторожева, который будет готовить это издание для Академии. По всей вероятности, ни Лаппо-Данилевского, ни Историко-филологическое отделение такой компромисс не устроил и работа над изданием «Материалов...» была продолжена В.Н. Сторожевым только после смерти Д.Я. Самоквасова в 1911 г., что привело к 12-летнему перерыву между их первым и вторым выпусками³. Судя по этому эпизоду, отношения между учеными при всей их отдаленности друг от друга оставались корректными и даже учтивыми. Последний раз Лаппо-Данилевский и Ключевский, по-видимому, встречаются в 1909 г. в Москве – в дневнике Ключевского сохранилась запись⁴ о разговоре по теме, в изучении которой их научные интересы смыкались – истории сословий⁵.

Пожалуй, больше других представителей петербургской школы, внимание творчеству Ключевского уделял А.Е. Пресняков. Теоретические взгляды Преснякова так никогда и не были им сформулированы в сколько-нибудь законченном виде. Его отношение к теории истории и разработке истори-

¹ См.: *Шохин А.И.* Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999. С. 200, 320–321 и др.

² В.О. Ключевский – А.С. Лаппо-Данилевскому. 28 мая 1906 г. // СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 189. Л. 1.

³ См.: Материалы истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду. СПб., 1906. Вып. 1.; Пг., 1918. Вып. 2.

⁴ См. *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. С. 533.

⁵ Ср. *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. С. 146.

ческих «схем» всегда носило двойственный характер. С начала 1890-х гг. Пресняков колебался между прагматическим (или эмпирическим) подходом Платонова к задачам исторической науки и теоретическим подходом Лаппо-Данилевского. Первый тип отношения к науке казался ему ограниченным¹, а второй – догматичным². С первых шагов на профессиональном поприще для Преснякова было характерно глубоко критическое отношение к современному ему состоянию науки, в частности, по отношению к так называемой «юридической школе». В своем дневнике (июль 1890 г.) он дает ей такую характеристику: «Юридическая школа русской историографии – одно из течений западничества и источник ее философский... Изучение [этой школой русской истории], очевидно исходило постоянно из предвзятой мысли. И это почти сознательно: в истории непременно искали “начало”»³. Неудивительно, что уже на студенческой скамье Пресняков проявлял интерес к проблемам «методологии истории»⁴. В это время (1892–1894 гг.) он даже рассматривал возможность написания магистерской диссертации, посвященной историке Беляеву, и аргументировал возможность такого выбора тем, что «...это прекрасная задача для начала научных занятий. Ведь это работа по теории науки, по исторической методологии. По-моему, это даже как раз то, что на очереди стоит, то, что нам нужно»⁵. Другое дело, что для Преснякова казался непрочным сам фундамент современной ему исторической науки. В одном из писем к матери в феврале 1893 г Пресняков замечает: «...по правде сказать, если заниматься историей, как наукой, то надо еще понять, что это за птица, а не только

¹ А.Е. Пресняков – матери, 11 октября 1899 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 4. Л. 68–71 об.

² *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 62.

³ Пресняков А.Е. Дневник. 29 июля 1890 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 36. Л. 245–246.

⁴ См.: А.Е. Пресняков – матери. 15 декабря 1892 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1 Л. 158 об.

⁵ См.: А.Е. Пресняков – матери. 24 января 1893 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1 Л. 189.

теории такой науки нет, но нет – смешно сказать, а, ей-Богу, нет! – даже определения ее. И такие странные из этого смешения понятий выходят. Разобраться в этом необходимо, если относиться к делу серьезно; а добиться чего-нибудь в теории исторической науки – почти невозможно¹. Через несколько месяцев в одном из писем находим следующие, почти «отчаянные» соображения: «Если у меня дело не налаживается, то это ...по причинам чисто научным. Наша наука – вовсе не наука и я мучаюсь над попытками выделить из ее задач то, что хоть сколько-ниб[удь] научно. То, что пишут по исторической методологии – довольно жидко. Эти пункты меня заняли настолько, что я согласился, ...что я лучше чувствовал бы себя в математике»². И в то же время молодой историк, по его словам, «не мог оторваться от разных логик, теорий познания, методологий»³, тем более, что к этим занятиям его побуждал, также как и Лаппо-Данилевского, К.Н. Бестужев-Рюмин⁴, а затем и сам Лаппо-Данилевский⁵. Однако, в отличие от Лаппо-Данилевского, который сформулировал законченную систему методологии истории, Пресняков подобной попытки так и не предпринял. Тем не менее, ряд статей (прежде всего, рецензий), написанных им в 1890–1810 г. затрагивают вопросы теории и методологии истории⁶. По справедливому наблюдению С.В. Чиркова, к середине 1900-х гг., «А.Е. Пресняков пришел к разделению теоретических установок историка-исследователя и историка-мыслителя, служащему логическим обоснованием намечав-

¹ См.: А.Е. Пресняков – матери. 28 февраля 1893 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1 Л. 223.

² См.: А.Е. Пресняков – матери. 31 октября 1893 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1. Л. 309 об.

³ См.: А.Е. Пресняков – матери. 8 ноября 1893 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1. Л. 314.

⁴ См.: А.Е. Пресняков – матери. 10 ноября 1893 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1. Л. 317.

⁵ См.: А.Е. Пресняков – матери. 10 октября 1894 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 61.

⁶ См.: *Чирков С.В.* Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков // *Историки России. XVIII – начало XX века.* М., 1996. С. 558–562.

шегося у него уже ранее разрыву между требованием единой теории познания, которую он... ищет в риккертганской теории ценности, и исследовательской практикой, которая остается в основном на прежних рельсах “второго” позитивизма¹. Такой подход к задачам исторического исследования позволил Преснякову в 1904 г. в статье посвященной С.М. Соловьеву, выступить с критикой его «теории родового быта» за преобладание в ней «чисто дедуктивных приемов»². Впоследствии, в 1910–1920-е гг. теоретические взгляды ученого эволюционируют в направлении исторического материализма, но исследовательская практика, связанная со стремлением получить наиболее «объективное знание», основанное на последовательном применении индуктивного и дедуктивного методов научной работы останется неизменной. Эти общетеоретические воззрения Преснякова в значительной степени предопределили и его отношение к Ключевскому.

Первая рецензия на труд Ключевского, принадлежащая Преснякову, относится к 1908 г. и посвящена она очередному изданию «Краткого пособия по русской истории»³. Рецензия эта носит более публицистический, нежели научный характер и помещена историком в либеральной газете «Слово», постоянным автором которой он являлся. «Краткое пособие...» Ключевского Пресняков рассматривает как книгу, объясняющую не только прошлое, но и настоящее России, призванную помочь «современнику», которому «трудно разобраться в калейдоскопе, окружавших его сложной сетью событий», «людям растерянным, не знающим, что и думать». «Спокойная, твердая рука историка, – пишет Пресняков, – чертит схему нашего завтрашнего развития, доводя изложения до сегодняшнего дня». Особенный интерес для рецензента вызывает развитие Ключевским своей либеральной схемы русской истории на ее последних этапах – в XIX – начале XX в. Пре-

¹ Там же. С.560.

² Пресняков А.Е. Сергей Михайлович Соловьев // Вестник и библиотека самообразования. 1904. № 21. Стб. 1515–1520. Ср.: Чирков С.В. Проникновенный источниковед. С. 560.

³ Пр.[есняков] А.Е. [Рец.:] Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. Издание шестое // Слово. 1908. 15/28. № 384.

сняков солидаризируется с утверждением Ключевского о том, что социальные потрясения последних лет вызваны «историей социальных отношений» последних царствований: «вырождением помещичьего хозяйства» после реформ Александра II «или в хозяйство агрария, эксплуатирующее нуждою гонимые рабочие руки, или в хозяйство арендное, эксплуатирующее острую нужду крестьян в земле», а также «обострением бесправного положения крестьян реформами Александра III» и «вырождением нашей сословности». Рецензент вполне разделяет «вывод исторической мудрости В.О. Ключевского» о том, что закономерный путь русской истории ведет к уравниванию сословий и «усвоению правительством культурных начал конституционной монархии». Третья же Дума, где искусственно «обеспечено большинство представителям поместного землевладения и крупной буржуазии» представляется Преснякову вслед за автором «Краткого пособия...» «лишь временным уклонением от закономерного течения русской истории»¹. Политический подтекст этого отклика на пособие Ключевского очевиден, однако при всем своем публицистическом характере рецензия Преснякова сама по себе указывает на то немаловажное обстоятельство, которое объединяло двух историков: принадлежность к кругу, так называемой либеральной историографии, приверженность ее историографическим установкам, в частности, в построении схемы русской истории.

Однако, примерно в тоже время, когда «схема» Ключевского использовалась Пресняковым для пропаганды своих оппозиционных политических взглядов, он заканчивал свою магистерскую диссертацию «Княжое право в древней Руси»², полемический пафос которой вновь был направлен против «схем» «корифея» государственной школы и учителя Ключевского С.М. Соловьева. В диссертации Пресняков стремится избежать «социологического догматизма», уйти оттого, чтобы «найти одно основное начало – родовое, общинное или иное» и из «него объяснить все существенные особенно-

¹ Там же.

² *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. СПб., 1909.

сти древнерусского быта»¹. Не случайно, что позднее Пресняков многократно будет развивать тезис о Ключевском как о последователе «схемы С.М. Соловьева». Примечательно, что методика критики этой «схемы», основывающаяся на новом прочтении исторических источников, сразу же получает полную поддержку Платонова². В курсе лекций по русской истории, который Пресняков читал в Петербургском университете в 1909–1916 гг. (опубликован в 1938 г.), в целом сохраняется «почтительное» отношение к Ключевскому, однако ряд положений его «схемы» уже решительно пересматривается, появляются и замечания принципиального характера. Так, характеризуя курс лекций Ключевского по русской истории, Пресняков замечает, что в нем «вообще много литературности» и «схема» Ключевского носит скорее «логический», нежели «исторический» характер³.

Пресняков был одним из организаторов так и несостоявшегося публичного заседания Общего собрания Исторического общества при Петербургском университете, посвященного памяти Ключевского. Причины его срыва Пресняков излагает в письме к А.А. Шахматову, у которого просит содействия: «У меня на душе одно недоумение – вероятно, безнадежное, – которое решаюсь повергнуть на усмотрение Ваше. Умер Ключевский. Наше историческое общество предложило устроить заседание – публично – в его память, с речами Милюкова, Дьяконова, Шепкиной. Но – произошел у Общества конфликт с полицией по вопросу о том, отменяют ли правила 4 марта о публичных собраниях соответствующие §§ устава общества и заседание пришлось отложить впредь до выяснения сего вопроса. Вероятно, что оно и вовсе не состо-

¹ Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. С. V–VIII, 1–3. Ср.: Чирков С.В. Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков. С. 561.

² [Платонов С.Ф.] Отзыв о магистерской диссертации А.Е. Преснякова «Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий». СПб., 1909 // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 93. Л. 1об.

³ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. Киевская Русь. С. 64.

ится. Вот и думается – отчего бы Академии не устроить, м. б., совместно с Университетом такого заседания, с речами – ее члена-корреспондента С.Ф. Платонова, Дьяконова, Лаппо-Данилевского? Право, не хорошо оставлять эту память без поминаю¹. Однако это заседание не состоялось, хотя отдельные мероприятия, посвященные Ключевскому, прошли как в Академии, так и в университете. В качестве одной из возможных причин следует назвать антагонистические отношения Платонова, заведовавшего кафедрой русской истории, с академиком Лаппо-Данилевским.

После смерти Ключевского Пресняков многократно обращался к анализу его творческого наследия. Наиболее важной в этом отношении явилась знаменитая речь Преснякова при защите докторской диссертации «Образование великорусского государства» (1918)². По существу, в этом выступлении Пресняков распространил претензии, уже ранее предъявляемые им С.М. Соловьеву и на Ключевского. По его словам «Соловьевская схема распадается в переработке Ключевского. Распадается, но не исчезает. Засыпает обломками пути изучения и построения, не дает полной свободы в чтении текстов, изучении источников, подборе данных, построений фактов из указаний первоисточников. Ключевский оперирует в значительной мере над Соловьевским наследием, которое стоит между ним и непосредственным свободным восприятием материала первоисточников. Реалист-художник в своем восприятии прошлого, В.О. Ключевский в своих обобщениях и построениях связан традиционными приемами идеологической схематизирующей историографии»³. Именно тогда подход московской школы, школы С.М. Соловьева–В.О. Ключе-

¹ А.Е. Пресняков – А.А. Шахматову. 16 декабря 1911 г. // СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 123. Л. 38.

² См.: *Пресняков А.Е.*: 1) *Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст.* Пг., 1918; 2) *Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства».* Пг., 1920.

³ *Пресняков А.Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства» // ЛЗАК за 1919 г. Пг., 1920. С. 6.

чевского, А.Е. Пресняков противопоставляет «петроградской исторической школе» (С.Ф. Платонова), основанной на «восстановлении прав источника и факта». При этом Пресняков не отрицает необходимости построения «исторических схем», – «Это тоже схема, – пишет А. Е. Пресняков о своей концепции, – но в ней вижу законное преобладание роли материала...»¹ При оценке речи Преснякова следует, конечно, учитывать и то обстоятельство, что Платонов и его ученик С.В. Рождественский были официальными оппонентами Преснякова, а положение Преснякова в корпорации Платонова из-за его «заигрывания» с советской властью не было устойчиво², поэтому и упоминание «школы С.Ф. Платонова» диссертантом выглядело естественно. Однако, столь откровенное ее противопоставление «московской школе» с ее схемами долгое время господствующими в науке, выглядело вызывающе. Показательно, что даже С.В. Рождественский, оппонировавший А.Е. Преснякову не решился в этом вопросе пойти против «мейнстрима» в науке и поддержать коллегу по цеху учеников С.Ф. Платонова³.

Подчеркнем, что речь не идет о «конъюнктуре» со стороны Преснякова, а скорее о некоей «субъективной обусловленности» его высказываний, выразившейся в том, когда это суждение прозвучало, и в форме, в какой оно было высказано. Однако, несомненно, что неприятие традиций юридической школы у Преснякова зрело давно, и попытка построить иную «схему» русской истории, методологически связанную с петербургскими источниковедческими традициями, явилась закономерным завершением его многолетних научных изысканий. Как и следовало ожидать, Платонов публикует блестящий отзыв о работе Преснякова. Подчеркивая достоинство методологии рецензируемой работы (цель которой «восста-

¹ Там же.

² *Свердлов М.Б.* А.Е. Пресняков (1870–1929). Жизнь и творчество // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. М., 1993. С. 538–540, 552–554.

³ *Рождественский С.В.* Рец. на: Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Пг.1918. // РИЖ. 1922. Кн. 5. С. 279–290. Ср.: *Брачев В.С.* Русский историк А.Е. Пресняков. СПб., 2002. С. 43.

новить права источника и факта»), Платонов отмечает, что работа «ставит автора в один ряд виднейших исследователей русского средневековья»¹, ведь «трудом А. Е. Преснякова начат новый период в ученом развитии взятой им темы – начальной истории Московского государства и совершилась своего рода эмансипация от “схем” более полувека господствующих в нашей историографии»².

В 1920 г. Пресняков развил мысли, высказанные в речи на защите диссертации, в другом выступлении – на публичном заседании Союза архивных деятелей, посвященном С.М. Соловьеву³. По его словам, Ключевский продолжал «держаться» за схему С.М. Соловьева, но в его изложении она «потеряла свою стройную законченность»⁴. Свою критическую позицию Пресняков высказал и в лекциях по русской историографии, которые в 1921 г. читал в Археологическом институте⁵. Пресняков вновь замечал о Ключевском, что «его теория развития русского общества в сущности опирается на Соловьева, и дополнена она теориями, которые были взяты из современной ему публицистики». Среди идейных вдохновителей исторической мысли Ключевского Пресняков указывает на П.А. Лаврова, Б.Н. Чичерина и А.П. Щапова⁶.

В 1922 г. в печати появляется наиболее обширный очерк Преснякова, посвященный Ключевскому – «В.О. Ключевский (1911–1921)»⁷, в котором автор не только еще раз обозначил свое отношение к наследию историка, но и попытался одним из первых проанализировать «ценную литературу» о Ключев-

¹ Платонов С.Ф. [Рец.: соч. А. Е. Преснякова *Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст.* Пг., 1918]. С. 99.

² Там же. С. 100.

³ Пресняков А.Е. С.М. Соловьев и его влияние на развитие русской историографии // *Вопросы историографии истории СССР. Труды ЛОИИ АН.* Вып. 5. С. 75–86.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Пресняков А.Е. *Русская историография. Конспекты лекций.* 1922 // *Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 193. Оп. 1. Д. 125.

⁶ Там же. Л. 21 об.

⁷ Пресняков А.Е. В.О. Ключевский (1911–1921) // *Русский исторический журнал.* 1922. № 8. С. 203–224.

ском¹. В этом очерке Пресняков попытался найти аргументы в пользу своих историографических представлений о Ключевском в наблюдениях и отзывах о его творчестве, появившихся в русской литературе за десять лет, прошедших с момента кончины историка. Отталкиваясь от замечания М.М. Богословского по поводу Ключевского о том, что «отвлеченная работа мысли была ему чужда» и что «он обладал слишком сильным воображением, он был слишком художником для абстракции»², Пресняков пытается реконструировать ход научного творчества историка. С точки зрения Преснякова, «соловьевскую схему» Ключевский принял из прагматических и педагогических соображений³. С точки зрения историографа, большое значение и для самого Ключевского, и для науки имеет не его «схема», а специально-исторические работы. Пресняков замечает, что Ключевский сам вел борьбу с «веригами схематизации» С.М. Соловьева, и, что «сильный протест» против нее «сказывается в самой утрировке Соловьевских формул»⁴. В результате в трудах Ключевского была «исчерпана Соловьевская традиция, а тем самым освобождена русская историческая мысль для более свободной и широкой работы вне связанности ее преданием, которое стало шаблоном»⁵. Касааясь метода научной работы Ключевского, Пресняков отмечал: «...на широком и сложном основании постоянного изучения и собирания данных строились его выводы и

¹ Впрочем, уже в 1912 г. вышел очерк, подписанный неким «А.П.»: *А.П. Василий Осипович Ключевский. Очерк характеристики личности и мировоззрения почившего историка*. М., 1912. Очерк также как и опубликованная через десять лет статья А.Е. Преснякова содержит обзор посмертных публикаций об ученом. Изложение «А.П.», правда, носило скорее описательный, нежели аналитический характер, однако сходство в выборе некоторых сюжетов и цитировании литературы позволяют предположить, в качестве одной из версий, авторство А.Е. Преснякова.

² См.: *Богословский М.М.* В.О. Ключевский как ученый // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 35; *Пресняков А.Е.* В.О. Ключевский (1911–1921). С. 204.

³ *Пресняков А.Е.* В.О. Ключевский (1911–1921). С. 204, 210.

⁴ Там же. С. 205–209.

⁵ Там же. С. 205.

заключения; но, по-видимому, глубокие и характерные особенности его синтетического дарования делали для него ненужным и даже тягостным расчленение этих оснований на ряд аналитических моментов; анализ тонкий и точный, служил первоначальным подходом к изучению поставленного вопроса, но не должен был связывать в дальнейшем изложении обобщающих выводов¹. С этим автор очерка связывал и закрытость «лаборатории научной работы» Ключевского, критического аппарата его трудов, неясность его источников. Вообще, по словам Преснякова, Ключевский относился к источнику как к «преграде, стоящей между историком и историческим фактом» и, используя, отбрасывал его как «отработанный материал»². Пресняков считал, что отношение Ключевского к предмету изучения было «слишком интимным, чтобы назвать его сухим словом “объективно-научное”»³. Пресняков отмечал, что Ключевский считал, что «бытие определяется сознанием», однако занимался преимущественно «рядом следствий», т. е. явлениями политическими и социально-экономическими, поскольку полагал, что еще не настало время для изучения «ряда причин», т. е. «нашей умственной истории»⁴. Выступая в общем курсе русской истории как историк-социолог, Ключевский в значительной степени преодолел формализм историко-юридической школы, но, что «характерно и несколько загадочно» эти выводы «не легли в основу его теоретических и методологических воззрений»⁵. Комментируя критику П.Н. Милюкова в адрес Ключевского за то, что у последнего отсутствовал «коренной нерв ученой работы, который дается цельным философским или общественным мировоззрением», Пресняков отмечал, что в действительности «коренной нерв» был, но заключался он в «гениальной интуиции», а не в теоретических суждениях и «схеме русской истории», где Ключевский, который был «слишком

¹ Там же. С. 213.

² Там же. С. 211–214.

³ Там же. С. 214.

⁴ Там же. С. 215–216.

⁵ Там же. С. 218–219.

художником для абстракций», оставался зависим от историографической традиции¹.

Интересно, что, рецензируя в 1923 г. «Вестник социалистической академии»², Пресняков особо подчеркивал близость своей характеристики творчества Ключевского к оценке, данной последнему М.Н. Покровским, который «отрицал какую-либо оригинальность за общей концепцией русской истории у В.О. Ключевского, который дал лишь литературную переработку (и, добавлю, – замечает Пресняков, – яркую конкретизацию в деталях) соловьевско-чичеринских схем»³. Таким образом, Пресняков вновь использовал тему «критической оценки В.О. Ключевского», на сей раз уже «заигрывая» с М.Н. Покровским и его школой.

Вероятно, знакомство Ключевского и Преснякова было самым поверхностным. Возможно, здесь сыграло роль (кроме разницы в положении и возрасте) и то представление, которое сложилось о Ключевском у Преснякова в 1890-е гг., когда последний был еще начинающим ученым. В первый раз Пресняков увидел Ключевского в мае 1892 г. Свои впечатления об этой встрече молодой историк изложил в нескольких письмах к матери, написанных в это время. 12 мая он написал о своем первом представлении об ученом: «В университете я видел здешних знаменитых людей: Ключевского – сухую, крепкую фигуру, с козлиной бородкой – хотя в разговоре он, кажется, мягче, чем на первый взгляд. Любопытно, что он, как оказывается, считается революционером. Фед[ор] Фед[орович] рассказывал, что во время какого-то дела о прокламациях жандармы все требовали обыска у Ключевского, да Манасейн сказал, что это им жирно будет»⁴. В письме от 16 мая находим следующую запись: «Приехал сюда Платонов – ради Милюковского диспута, который будет завтра и обещает быть очень горячим, п[отому] что Ключевский в общем против

¹ Там же. С. 219.

² *Пресняков А.Е.* [Рец.] Вестник социалистической академии. 1922. № 1–3. // *Анналы.* 1923. С. 279–281.

³ Там же. С. 281.

⁴ А.Е. Пресняков – матери. 12 мая 1892 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1. Л. 49.

диссертации Милюкова, о котором – по слухам – даже говорить избегает. Во всяком случае, хотя жаль, если есть тут личности, но схватка таких ученых сил не может не быть в высшей степени интересной»¹. Однако, эта «схватка», состоявшаяся на следующий день, разочаровала Преснякова: «В воскресенье был я на диспуте Милюкова – и остался недоволен, п[отому] что от него требовали того, чего он и не думал давать, упрекали, что он не ответил на вопросы, которые он не ставил в своей работе. Объясняю я это тем, что в точке зрения Милюкова столько нового, что со старых точек зрения его и оценивать нельзя. Да и слишком строго к нему отнеслись; факультетский отчет о его книге звучал каким-то укором, по-моему, несправедливо»². Возможно на суждения Преснякова повлияла и критическая позиция его научного руководителя – Платонова. Впрочем, и у самого Преснякова с этого времени складываются с П.Н. Милюковым добрые отношения, а продолжающиеся «преследования» последнего Ключевским все более его раздражают. «Нехороши дела с Милюковым, – сообщает Пресняков в письме к матери в январе 1895 г., – Ключевский его поедом ест, ручаясь, что не даст ему оклада и не допустит до профессорства в Москве. Теперь Милюков живет 11 уроками и литературной работой»³. В марте того же года после высылки П.Н. Милюкова из Москвы Пресняков вновь возлагает ответственность на Ключевского: «Из Москвы все грустные вести. Толпа студентов со слезами проводила Милюкова. Он и сам плакал, а жену его внесли в вагон без чувств. Милюков остаток движения, созданного Ключевским и Виноградовым, а эти генералы посторонились довольно откровенно, когда положение обострилось, и тем усилили удар, павший на тех, кто шел за ними, и

¹ А.Е. Пресняков – матери. 16 мая 1892 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1. Л. 54.

² А.Е. Пресняков – матери. 19 мая 1892 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 1. Л. 57.

³ А.Е. Пресняков – матери. 25 января 1895 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 140. Ср.: *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милюков. С. 57.

от кого они отказались»¹. В 1898 г. по поводу гонений на П.Н. Милюкова Пресняков высказывается уже более резко: «Министерство народного просвещения даже не знало толком, чем провинился его доцент (П.Н. Милюков – *Е. Р.*), и выдало его с головой с обычной при Деянове жалкой покорностью всякому соседнему ведомству. А защитники Милюкова наткнулись на то, что за бюрократией стоит против Милюкова — Боголепов, друг Ключевского, которому даровитый и самостоятельный ученый давно стал поперек горла. Это гнусное дело останется навеки в общественном формуляре нового министра»². Здесь следует оговориться, что гонения на П.Н. Милюкова в действительности, по-видимому, никак не были связаны с позицией Ключевского.

По-видимому, Пресняков так и не смог преодолеть некий психологический барьер и не стремился в дальнейшем «установить знакомство» с Ключевским, как это делали многие «молодые историки» рубежа веков. Следует учитывать и то обстоятельство, что Пресняков с начала 1900-х гг. все более отходил в своем понимании хода русской истории от «схемы С.М. Соловьева – В.О. Ключевского».

Таким образом, следует отметить, что и Платонов, и Лаппо-Данилевский, и Пресняков признавали за Ключевским исключительную роль в отечественной исторической науке. Это признание, безусловно, свидетельствовало о сближении позиций двух исторических школ в конце XIX – начале XX в. В то же время никто из ведущих представителей петербургской школы теоретических воззрений Ключевского не разделял, а его «схему» русской истории все они рассматривали как «вторичную» и не составлявшую особой ценности для науки. Основные заслуги Ключевского виделись им в его конкретно-исторических и источниковедческих исследованиях и педагогической работе, всеобщее восхищение вызывало и художественное мастерство историка. В этой связи представляется необходимым частично пересмотреть устоявшуюся в исто-

¹ А.Е. Пресняков – матери. 10 марта 1895 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 2. Л. 165.

² А.Е. Пресняков – матери. 1 февраля 1898 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 3. Л. 184.

риографии точку зрения о чуть ли не «тотальном» влиянии концепции Ключевского на развитие так называемой «государственной» школы¹, к которой традиционно относят и Платонова, и Лаппо-Данилевского, и Преснякова, и других петербургских историков.

Однако характер теоретических разногласий с Ключевским у каждого из ведущих петербургских историков естественно определялся не только следованием методологическим традициям своей научной школы, но и его собственными теоретическими воззрениями. В этой связи затруднительно определить, кто же из перечисленных историков был Ключевскому «ближе», уместнее сказать, что Ключевский был по-разному «далек» от каждого из своих петербургских коллег. Можно предположить, что, чем больше было «точек соприкосновения», чем шире было поле совместных интересов с Ключевским, тем острее и критичнее была реакция петербургских ученых на его творчество, тем сложнее обстояло дело с личными взаимоотношениями историков. Действительно, лучше всего, отношение к Ключевскому было у Платонова, не занимавшегося теоретическими и методологическими вопросами, бывшего «историком одной темь» и не конструировавшего своих «исторических схем». Более критичным было отношение к Ключевскому Лаппо-Данилевского, конструировавшего свою теорию истории и на ее основе строгую систему исторической науки, восходящую к традициям петербургской школы, и, как следствие, предложившим свою интерпретацию схемы русской истории, выработанной «государственной школой». Наиболее критическую реакцию на наследие Ключевского мы встречаем у Преснякова, который также как Ключевский прагматически подходил к вопросам методологии истории и не отрицал необходимости «строительства схем», однако упорно позиционировал себя противником самой идеи подчинить историческое построение априорным концепциям или «законам» исторического

¹ См., напр., учебники по историографии: Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1971. *Шатило А.А.* Историография с древнейших времен до 1917. М., 1993 и др.

развития, выработанным философской и социологической мыслью.

Разумеется, тема «В.О. Ключевский и петербургская школа» требует дальнейших исследований в контексте взаимоотношений ученого с иными видными представителями петербургской школы рубежа XIX–XX вв. в среде историков России – Е.Ф. Шмурло, Н.Д. Чечулина, С.М. Середониним, С.В. Рождественского, Н.П. Павлова-Сильванского, Н.П. Лихачева, М.А. Дьяконова и многих других¹.

Литература

А.Е. Пресняков – А.А. Шахматову. 16 декабря 1911 г. // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 134. Оп. 3. Д. 123. Л. 38.

А.Е. Пресняков – матери, 1892–1898 // Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПб ИИ РАН). Ф. 193. Оп. 2. Д. 1–4.

А.С. Лаппо-Данилевский – М.А. Дьяконову. 16 мая 1899 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф.297. Оп. 1. Д. 112. Л. 102 об.

А.С. Лаппо-Данилевский – Е. Д. Лаппо-Данилевской, май 1893 г. // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф.113. Оп. 3. Д. 10. Л. 23 об.

Айвазян М.А. Малоизвестное письмо С.Ф. Платонова В.О. Ключевскому // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. № 1.

Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. Т. I. Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / Сост. В.Г. Бухерт при участии А.В. Мельникова.

Алеврас Н.Н. В.О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная историография») // Вестник ЧелГУ. История. 2005. № 2. С. 102–112. 2007. № 11. С. 132–146; № 18. С. 161–171.

Алеврас Н.Н. Петербургская школа историков. К.Н. Бестужев-Рюмин (из лекционного опыта) // Проблемы отечественной исто-

¹ См. Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX вв.): информационный ресурс. СПб., 2016. Ред. коллегия: Т.Н. Жуковская, А.Ю. Дворниченко (рук. проекта, отв. ред.), Е.А. Ростовцев (отв. ред.), И.Л. Тихонов. Авторский коллектив: Д.А. Баринов, А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, И.П. Потехина, Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук, Д.А. Сосницкий, И.Л. Тихонов и др. Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/hs.html> (дата обращения 1.12.2016).

рии: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей / Отв. ред. М.В. Друзин. СПб., 2008. С. 171–178.

Алексеев А.П. Санкт-Петербургская и московская школы в исторической науке о русском средневековье // Региональные школы русской историографии [сборник докладов международной конференции, организованной Центром русистики Будапештского государственного университета им. Лоранда Этвеша, 29–30 мая 2006 г.] / Свак Дюла. Budapest: Russica Pannonicana, 2007. С. 33–44.

Ананьич Б.В., Паняк В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113.

Бестужев-Рюмин К.Н. Лекции по русской истории. Литография. СПб., 1884.

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1.

Богословский М.М. В.О. Ключевский как ученый // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912.

Бон Т. Русская историческая наука. 1880–1905 г. // Павел Николаевич Миллюков и Московская школа. СПб., 2005.

Брачев В.С. Русский историк С.Ф. Платонов. Ученый. Педагог. Человек. СПб., 1997.

Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001.

Брачев В.С. Русский историк А.Е. Пресняков. СПб., 2002.

Брачев В.С. Служители исторической науки. Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов. СПб., 2010.

Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов и «кружок русских историков» // Археографический ежегодник за 1999 г. М., 2000. С. 126–143.

В.О. Ключевский – А.С. Лаппо-Данилевскому. 28 мая 1906 г. // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 113. Оп. 3. Д. 189. Л. 1.

Валк С.Н. Историческая наука в Санкт-Петербургском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии АГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 3–79.

Вандакловская М.Г. Павел Николаевич Миллюков (1859–1943) // Портреты историков. Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. Отечественная история / Отв. ред. Г.А. Севостьянов и Т.А. Мильская. С. 165–166.

Васильев Ю.А. Теория и методы в русской исторической школе: Теория исторического знания, теория исторического процесса, психологическое направление. М., 2012.

Веселовский К.С., Радлов В.В., Залеман К.Г., Дубровин Н.Ф., Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского Московского университета В.О. Ключевского.

III Приложение к протоколу заседания ИФО 26 апреля 1900 г. // Протоколы заседаний ИФО за 1900 г. СПб., 1900.

Всеподданнейшие доклады по МНП. Докл. 439, 440 // Российский государственный исторический архив. Ф. 744. Оп. 1. Д. 172. Л. 75–76 об.

Гревс П.М. Материалы у биографии Васильевского // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22.

Гришина Н.В. Школа В.О. Ключевского в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.

Гришина Н.В. Школа В.О. Ключевского в историографии: научный дискурс и историографическая судьба // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 131–137.

Дорошенко Н.М. Методология истории АС. Лаппо-Данилевского в системе российской философии истории // Кlio. 2013. № 12 (84). С. 13–16.

Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.И. Илларицкого и И.А. Кудрявцева 2-е издание. М., 1971.

Киреева Р.А. Послесловие // Ключевский В.О. Собрание сочинений в 9 тт. М., 1989. Т. VI. Специальные исторические работы. С. 436–481.

Киреева Р.А. За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996.

Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. М., 1882.

Ключевский В.О. Источники русской истории // Ключевский В.О. Собрание соч. в 9 тт. М., 1989. Т. VII. С. 5–83.

Ключевский В.О. Методология русской истории. 1884–85 ак.[академический] год // Ключевский В.О. Собрание сочинений в 9 тт. М., 1989. Т. VI. С. 5–93.

Ключевский В.О. Отзыв об исследовании С.Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник» // Отчет о 31 присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1890. С. 55–66.

Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М., 1968.

Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 книгах. М., 1993. Кн. 1.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Колобков В.А. С.Ф. Платонов и В.О. Ключевский (За строкой некролога. По материалам архива С.Ф. Платонова) // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. № 1.

Копанев А.П. Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Вайса // ВИД. Л., 1978. Вып. IX.

Корзун В.П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милокова С. Ф. Платонову // Отечественная история. 1999. №2. С. 171–182.

Лаппо-Данилевский А.С. Лекции по русской истории, читанные в Санкт-Петербургском Университете в 1896–7 учебном году. СПб., [1897]. Литография.

Лаппо-Данилевский А.С. Лекции по русской истории, читанные студентам первого курса Императорского Историко-филологического института в 1890/91. СПб., [1891]. Литография.

Лаппо-Данилевский А.С. Лекции по русской истории, читанные студентам первого курса Императорского Историко-филологического института в 1892/93. СПб., [1892]. Литография.

Лаппо-Данилевский А.С. Лекции по русской историографии, читанные студентам Императорского Историко-филологического института в 1891–92 акад. году. СПб., [1892].

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1917. Ч. LXXII. Ноябрь-Декабрь.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания // Известия Российской академии наук. 1918. VI серия. Т. XII. № 5.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и историографическом // Известия Российской академии наук. 1919. VI серия. Т. XII. № 6, 7, 9, 11, 13.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. Вып. 1.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. II.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч. 1.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отд. II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908–1909 академическом году. Литог. Богданова. [СПб., 1909].

Лаппо-Данилевский А.С. В.О. Ключевский. Некролог // ИАН. 1911. № 13. С. 921–924.

Лапшo-Данилевский А.С. Исторические взгляды В.О. Ключевского // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 100–116.

Лапшo-Данилевский А.С. Памяти Ключевского // Вестник Европы. 1911. Август. С. 337–353.

Мазалова В.Ю. Вклад В.О. Ключевского в разработку исторической социологии. Автореф. ... дисс. канд. соц. наук. Саратов, 2005.

Макушин А.В. Трибунский П.А. Павел Николаевич Милоков: труды и дни. Рязань, 2001.

Малинов А.В. А.С. Лапшo-Данилевский // Вече. Альманах русской философии и культуры. 1999. Вып. 12. С. 114–135.

Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лапшo-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.

Малинов А.В. Философия истории в России. СПб., 2001.

Малинов А.В. А.С. Лапшo-Данилевский // Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003). Справочно-энциклопедическое издание. СПб., 2003. С. 140–189.

Малинов А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб., 2005.

Малинов А.В. Методология истории А.С. Лапшo-Данилевского в контексте развития русской философии истории // Малинов А.В. Историко-философские этюды. СПб., 2007.

Малинов А.В. Русская философия: исследования, история, историография. СПб., 2013.

Малинов А.В. Философия и методология истории в России. СПб., 2015.

Материалы по истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду. СПб., 1906. Вып. 1. Пг., 1918. Вып. 2.

Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. I.

Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892.

Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия в связи с реформой Петра Великого // ЖМНП. 1891. №1. С.1–47, № 3. С. 30–146, № 8. С. 289–393, № 10. С. 408–482; 1892. № 1. С. 65–124; № 2. С. 261–347.

Мохначева М.П. Межвузовские научные связи российских историков во второй половине XIX в. в контексте истории научно-педагогической школы В.О. Ключевского // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2005. Кн. 1. С. 282–297.

Моцелков Е.Н. Политика, государство, власть в концепции русской истории В.О. Ключевского // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 382–395.

Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974.

Отчет о 31 присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1890.

Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX вв.): информационный ресурс. СПб., 2016. Ред. коллегия: Т.Н. Жуковская, А.Ю. Дворниченко (рук. проекта, отв. ред.), Е.А. Ростовцев (отв. ред.), И.Л. Тихонов. Авторский коллектив: Д.А. Баринев, А.Ю. Дворниченко, Т.Н. Жуковская, И.П. Потехина, Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук, Д.А. Сосницкий, И.Л. Тихонов и др. Режим доступа: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/hs.html> (дата обращения 1.12.2016).

Панеях В.М. Историкографические этюды. СПб., 2005.

Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело. 1929–1931. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 256–288.

Платонов С.Ф. В.О. Ключевский (1839–1911). Некролог // ЖМНП. 1911. Новая серия. Ч. XXXVI. Ноябрь. С. 30–36.

Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории // Платонов С.Ф. Сочинения в 2-х томах. СПб., 1993. Т. I. С. 35–720.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Издание 10-е. Пг., 1917.

Платонов С.Ф. Обзор источников летописного типа. Литография. СПб., 1905.

[*Платонов С.Ф.*] Отзыв о магистерской диссертации А.Е. Преснякова «Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий». СПб., 1909 // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 93.

Платонов С.Ф. [Рец.: соч. А. Е. Преснякова Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918] // Международная политика и мировое хозяйство. Кн. 8. 1918. С. 99–100.

Платонова Н.Н. Дневник. 10 февраля 1919 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 5698.

Платонова Н.Н. Дневник. 20 мая 1892 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Д. 5691.

Платонова Н.Н. Дневник. 3 июня 1892 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691.

Попов А.С. А. С. Ключевский и его «школа»: Синтез истории и социологии. М., 2001.

Попов А.С. Истоки исторической социологии В.О. Ключевского // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 58–61.

Погодин С.Н. Социологический метод В.О. Ключевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1 (25). С. 40–49.

Пр.[есляков] А.Е. [Рец.:] Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. Издание шестое // Слово. 1908. 15/28. № 384.

Правила издания грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

Пресняков А.Е. [Рец.:] Вестник социалистической академии. 1922. № 1–3. // Анналы. 1923. С. 279–281.

Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

Пресняков А.Е. В.О. Ключевский (1911–1921) // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 203–224.

Пресняков А.Е. Дневник. 29 июля 1890 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 36. Л. 245–246.

Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909.

Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. Киевская Русь.

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918.

Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920 (Летопись занятий Археологической комиссии за 1919 г. Пг., 1920).

Пресняков А.Е. Русская историография. Конспекты лекций. 1922 // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 125.

Пресняков А.Е. С.М. Соловьев и его влияние на развитие русской историографии // Вопросы историографии истории СССР. Труды АОИИ АН. Вып. 5. С. 75–86.

Пресняков А.Е. Сергей Михайлович Соловьев // Вестник и библиотека самообразования. 1904. № 21. Стб. 1515–1520.

Протокол 45 заседания секции русской истории Исторического общества при Петербургском университете. 5 октября 1911 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 193. Оп. 3. Д. 1.

Протоколы секции русской истории от 5 октября 1911 г. по 10 декабря 1914 г. 45 заседание. Протокол от 5 октября 1911 г. // Историческое обозрение. СПб., 1915. Т. XX.

Рождественский С.В. Рец. на: Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Пг.1918. // РИЖ. 1922. Кн. 5. С. 279–290.

Ростовцев Е.А. А. С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. научных работ. СПб., 2000. Вып. II. С. 171–248.

Ростовцев Е.А. А. С. Лаппо-Данилевский и С. Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. науч. раб. СПб., 1999. Вып. I. С. 128–165.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.

Ростовцев Е.А. Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История. СПб., 2001. Вып. 1. С. 135–256.

Ростовцев Е.А. Дискурс «петербургской исторической школы» в научной литературе // Фигуры истории или общие места историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2005. С. 303–341.

Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы. Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха / Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2006. С. 270–318.

Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017.

Свердлов М. Б. А.Е. Пресняков (1870–1929). Жизнь и творчество // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.

Свердлов М.Б. О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа, и рецензии В.С. Брачева. СПб., 1995.

Смирнова Т.Г. С.Ф. Платонов и гуманитарные учреждения Петербурга-Ленинграда в 1920-е гг. // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 203–212.

Теория и методология истории: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. А.И. Филошкина. М., 2016.

Тимофеев П.Т. Историко-социологические взгляды В.О. Ключевского на общество и власть // Социология власти. 2007. № 5. С. 14–26.

Транш Н.А. Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: Опыт эволюционной реконструкции. Ростов-на-Дону, 2006.

Трибунский П.А. П.Н. Милюков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: мысль, события, лю-

ди: Сб. науч. тр. кафедры Древней и средневековой истории Отечества. Рязань, 2001. Вып. 1. С. 5–12.

Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.

Цамутали А.Н. В.О. Ключевский и петербургские историки // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. № 1. С. 282–289.

Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 19–27.

Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX – начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии / Отв. ред. С.О.Шмидт. М., 2005. Кн.1. С. 100–136.

Чирков С.В. Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 558–562.

Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский – источниковед. М., 1970.

Папиро А.А. Историография с древнейших времен до 1917. М., 1993.

Шмидт С.О. Жизнь и творчество историка С.Ф. Платонова в контексте проблемы «Петербург–Москва» // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 533–537.

Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог (К 150-летию со дня рождения). М., 2010.

Шохин А.И. Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999.

Шпаковский В.В. Социологические взгляды В.О. Ключевского (1841–1911) // Вестник ТГУ. 1999. Вып. 1. С. 29–32.

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ СОЦИОЛОГ И ТЕОРЕТИК ЦИВИЛИЗАЦИИ*

В статье раскрывается исследовательская программа исторической социологии В.О. Ключевского. Предложенный и реализованный им проект «исторической социологии» знаменовал собой не только реконфигурацию прежних форм исторического изучения (событийная историография, история учреждений, история народности, история цивилизации), но и трансформацию исследовательской программы социологии. Его концепция исторической социологии рассматривается в контексте возникновения и эволюции исследовательских программ истории цивилизации и социологии в течение второй половины XVIII – начала XX вв. Историческая социология В.О. Ключевского встроена в целостную концепцию исторического процесса и дополняется разработкой концептуальных оснований плюралистической версии цивилизационного анализа.

Ключевые слова: историческая социология, история цивилизации, исторический процесс, общество, культура, личность, сравнительный метод, В.О. Ключевский, Э. Дюркгейм.

В конце XIX в. социология начала проникать в университеты. Поначалу этот процесс происходил на индивидуальном уровне: слово «социология» стало звучать с кафедр в курсах лекций и появляться в научных трудах отдельных представителей научных дисциплин – историков, правоведов, политэкономов. В университетском кругу российских историков Василий Осипович Ключевский (1841–1911) был той фигурой, с которой «началась социологическая школа в русской историографии»¹. Сам Ключевский сферу своих научных интересов и методологический стиль работы характеризовал

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Исследовательский проект № 15-03-00805а).

¹ Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995. С. 116–117.

термином «историческая социология», отличая ее от «истории культуры, или цивилизации».

Сосредоточив свои усилия на разработке исторической социологии, историк не только провел размежевание двух областей исторической науки, но и указал пути их неизбежного сближения при изучении проблем каждой из них. «Культуру» и «общество» Ключевский рассматривал не как два самостоятельно существующих объекта, а как две лишь аналитически различимые стороны «человеческого общежития», или «исторического процесса». Аналитический характер проводимых Ключевским различений вынуждал его выходить за обозначенные им самим предметно-тематические рамки при концептуальном рассмотрении или эмпирическом исследовании исторической реальности.

Ключевский подчеркивал *методологический* характер своего выбора исторической социологии в качестве приоритетной области исследования, не рассматривая ее ни как единственную, ни как самодостаточную, ни как доминирующую форму научного изучения исторической реальности. Предложенный и реализованный Ключевским проект «исторической социологии» знаменовал собой не только реконфигурацию сложившихся к тому времени форм исторического изучения (например, событийная историография, история учреждений, история народности, история цивилизации), но также и трансформацию исследовательской программы социологии.

Он разрабатывал историческую социологию как часть целостного понимания исторического процесса. Ключевский был «не только крупнейший историк, но и оригинальный теоретик истории»¹. Изначальная интегративная установка Ключевского в отношении изучения исторического процесса объясняет то большое место, которое занимает в его теоретических рассуждениях проблема культуры. Разрабатывая концепцию исторического процесса с «социологической точки зрения», Ключевский вышел на проблематику истории цивилизации/культуры и внес недооцененный до сих пор вклад в

¹ *Погодин С.Н.* Социологический метод В.О. Ключевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1. С. 41.

формулирование концептуальных оснований плюралистической версии цивилизационного анализа.

Реконструируем основные линии возникновения и реконфигурации исследовательских программ истории цивилизации и социологии в течение второй половины XVIII–начала XX вв.

Сценография исторической социологии В.О. Ключевского

Хронологически первой программой цивилизационных исследований стала *всеобщая* история цивилизации, которая оформилась и получила развитие во второй половине XVIII в. в работах французских и шотландских просветителей, таких как А.Р. Тюрго, Ж.А. Кондорсе, А. Фергюсон, Дж. Миллар. Всеобщая история цивилизации сменила доминировавший в первой половине XVIII в. тип сравнительной истории народов и империй, наиболее выдающимися примерами которого служат произведения Ш.Л. Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734) и «О духе законов» (1748).

Главная концептуальная новация поздних просветителей, связанная с формированием понятия «цивилизация», состояла в открытии *культурно-исторического* измерения в человеческом способе существования, определяемом через понятие *разума*. В дискурсе позднего Просвещения слово «цивилизация» (фр. *civilisation*; англ. *civilization*) стало использоваться для обозначения нового понятия, которое подразумевало «торжество и расцвет разума не только в сфере законности, политики и управления, но и в области моральной, религиозной и интеллектуальной»¹.

Слово «цивилизация» оказывается неотделимо от понятия «прогресс». Идея прогресса-цивилизации была связана с признанием наук, искусств, а также экономики ведущими сферами человеческой деятельности, и с открытием нового и вместе с тем подлинно реального субъекта мировой истории – *человеческого рода*. В основе единства человеческого рода

¹ Февр А. Цивилизация: эволюция слова и группы идей (1930) // Февр А. Бои за историю. М., 1991. С. 253.

лежало представление о гомогенности человеческой природы и человеческом индивиде как познающем и действующем субъекте и творце культуры. Согласно основоположнику теории прогресса А. Тюрго, культурный прогресс является «продуктом объединенных усилий гениальных людей различных стран»¹.

Человеческий род как совокупность взаимодействующих индивидов стал считаться фундаментальным и первичным уровнем реальности по отношению к уровню социальных и политических единств (народов, обществ, государств), на котором изменения носят флуктуационный и циклический характер: смена форм правления, подъем и падение империй. Распад отдельных государств и растворение народов не ведет к исчезновению человеческого рода. По словам А. Тюрго, «человеческий род оставался всегда неизменным в своих потрясениях»². Именно человеческий род, а не отдельные общества, является носителем цивилизации, ее достижений.

В трудах просветителей второй половины XVIII в. унитарная теория культурного и экономического прогресса человеческого рода инкорпорировала в качестве подчиненного момента циклическую теорию политического развития человеческих обществ (подъема и упадка империй). Просветители полагали прогресс цивилизации эндогенным процессом, обладающим внутренним, независимым источником саморазвития, заключенным в разумной человеческой природе. Как писал А. Тюрго, «плодоносные зародыши наук находятся всюду, где появляются люди»³.

Просветительский проект всеобщей истории цивилизации был воспринят и получил продолжение в «ранней» (додисциплинарной) социологии. Ранняя социология переняла от просветителей второй половины XVIII в. идею прогресса, которая в дискурсе эпохи Просвещения была неразрывно связана с понятием цивилизации. В работах родоначальников

¹ Тюрго А. Последовательные успехи человеческого разума [1751] // Тюрго А. Избранные философские произведения. М., 2010. С. 85.

² Там же. С. 78.

³ Тюрго А. Рассуждение о всеобщей истории // Тюрго А. Избранные философские произведения. М., 2010. С. 52.

социологии А. Сен-Симона, О. Конта, Г. Спенсера присущее просветительскому понятию цивилизации напряжение между культурой и экономикой, с одной стороны, и религией и политикой, – с другой¹, вылилось в противопоставление двух типов общества, один из которых описывался как «военный и теологический», а другой – как «индустриальный и научный». «Цивилизация» в контексте такого противопоставления понималась как «комплекс», состоящий из трех сфер человеческой деятельности: «науки, искусства и промышленности». Это понимание цивилизации устойчиво воспроизводилось во французской социалистически-социологической традиции на протяжении всего XIX в. – от А. Сен-Симона, Ш. Фурье, О. Конта до Э. Дюркгейма.

¹ Понятие цивилизации формировалось как понятие синтетическое (Февр А. Цивилизация: эволюция слова и группы идей. С. 261; Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры. В 2-х т. М., 2002. Т. 1. С. 113), но его семантическое поле было весьма отчетливо структурировано, имело свои центр и периферию. Главным доменом цивилизации выступали «науки и искусства» как непосредственные сферы реализации человеческого разума. Самым тесным образом к ней примыкала сфера экономики – «торговли и промышленности». Начиная с текстов В. Мирабо, «цивилизация» и «богатство» образуют устойчивое конъюнктивное сочетание в дискурсе эпохи Просвещения. Основная разграничительная линия внутри синтетического понятия цивилизации проходила между культурой и экономикой, с одной стороны, и религией и политикой – с другой. Для просветителей всерьез принимавших религию (В. Мирабо, А. Тюрго, А. Фергюсон) она была откровением божественного разума; те же, кто отвергал ее, видели в ней не более чем подлежащие искоренению предрассудки и заблуждения человеческого разума. Политика изначально отчуждалась от разумной человеческой природы: она воспринималась как сфера проявления человеческих страстей, лишь со временем, по мере прогресса цивилизации, подпадающей под контроль разума. Эти семантические разделительные линии имели весьма четко выраженный социальный, сословно-классовый смысл: науки и искусства, торговля и промышленность – это все были сферы деятельности буржуазии, тогда как религия и политика воспринимались как традиционные домены духовенства и аристократии.

Однако в позитивистской социологии заметна как преемственность, так и разрыв с просветительской всеобщей историей цивилизации. Теория прогресса цивилизации была переведена в теорию социальной эволюции, и постепенно ссылки понятие «цивилизация» стали маргинальными в главной линии социологической аргументации. При общей приверженности линейной схеме истории, понятия прогресса и эволюции имели существенные различия между собой. Переход от «прогресса» к «эволюции» означал переключение с уровня индивидов, или человеческого рода, на уровень обществ. Прогресс трактовался как раскрытие, совершенствование и реализация творческих способностей человека, ведущие к его освобождению и господству в мире. Гениальный индивид рассматривался как движущая сила прогресса: «великий человек открывает новые пути человеческому разуму»¹. Эволюция же – это, прежде всего, объективный в своей основе процесс направленных структурных изменений. Г. Спенсер определял эволюцию как процесс перехода от состояния «бессвязной однородности» к состоянию «связной разнородности», т. е. как процесс структурной и функциональной дифференциации и интеграции.

Просветители противопоставляли прогресс в человеческой истории циклическим изменениям в природе. Если понятие прогресса относилось исключительно к культурной деятельности человека, то понятие эволюции охватывало также сферы живой и неживой природы. Индивиды стали восприниматься, прежде всего, не как представители человеческого рода, а как члены социальных коллективов и культурных сообществ; и человечество – как состоящее не из массы индивидов, а из совокупности сосуществующих, взаимодействующих и сменяющих друг друга обществ. В центр внимания ставятся характеристики социальных структур, а не свойства человеческой природы, хотя у «ранних» социологов этот план присутствует, и связан он с идеей всеобщего прогресса и универсальной человеческой природы. Так, Г. Спенсер под «прогрессом» и «цивилизацией» понимал «все

¹ *Турго А.* Последовательные успехи человеческого разума. С. 53.

большее и большее приспособление человеческой природы к условиям общественной жизни, которое... закончится полным приспособлением»¹.

Постепенно в социологии понятие «цивилизация» было вытеснено понятием «общество», которое задавало иную интерпретативную рамку понимания человеческой агентности. Каждое из этих двух понятий стремилось быть всеобъемлющим и охватывало собою все сферы человеческой деятельности. При этом каждое из них ограничивало сферу «политического», подчиняя ее неполитическим факторам. Однако между ними было и принципиальное различие. Если термин «цивилизация» акцентировал внимание на культуре, продуктах человеческой деятельности, то термин «общество» – на социальной структуре и социальных формах человеческого взаимодействия. В первом случае, человек наделялся качествами творца культуры и субъекта истории; во втором – выступал как носитель или даже продукт общественных отношений, объект детерминирующего воздействия социальной структуры. В социологии предпосылка «автономии социальной структуры» (А. Гоулднер) сменила лежавший в основании просветительской всеобщей истории цивилизации индивидуалистический принцип «автономии человеческого разума». Структурно-институциональный способ анализа стал определяющим в социологии.

В то же время социальные науки сохранили унаследованное от эпохи Просвещения представление о социальной и культурной креативности человеческого действия. Однако это видение человеческой свободы и креативности, в противоположность подчеркиванию детерминирующего потенциала социальной структуры, имело устойчивую тенденцию к тому, чтобы оставаться на периферии внимания социологии. По словам А. Гоулднера, «это целостное понятие о человеке – основной господствующий взгляд на него как на управляемый продукт общества и культуры в сочетании с дополняющим его понятием о человеке как творце общества и культуры – образует уникальное противоречие, отличающее

¹ *Спенсер Г.* Синтетическая философия. К., 1997. С. 422.

социологию»¹. Но, в действительности, это противоречие характерно не только для социологии, но и для социальных и гуманитарных наук в целом. Оно пронизывает все современное социогуманитарное знание и закреплено институционально в разделении наук на социальные и гуманитарные дисциплины. Социологию отличает скорее не само это противоречие как таковое, а определенные способы его интерпретации, конституирующие социологию в качестве самостоятельной научной дисциплины. Сами социология и цивилизационный анализ как относительно самостоятельные исследовательские программы оформились в пространстве этого концептуального противоречия.

Социология не смогла полностью освободиться от понятия цивилизации, она инкорпорировала в свои концептуальные структуры многие его значения, даже отказавшись от использования самого этого термина. Примером может служить фундаментальное в теории К. Маркса понятие способа производства как единства производительных сил и производственных отношений, в котором «производительные силы» представляет собой редуцированный и смещенный вариант воспринятого от просветителей унитарного понятия цивилизации. Не имевшая окончательного решения дискуссия о характере экономического детерминизма Маркса – «технологическом» или «социальном» – демонстрирует, что критика социологами тех или иных версий цивилизационного подхода обращена не только против «внешних» оппонентов, а носит во многом характер, или, по крайней мере, является продолжением, внутреннего спора, укорененного в самой когнитивной структуре (проблематике) социологии. Концептуальная оппозиция «цивилизация (культура) – общество» имела ключевое значение и для формирования программы исторической социологии Ключевского.

Социология возникает в 1830-е гг. как проект «всеобъемлющей» или «универсальной» социальной науки, по отношению к которой другие социальные науки рассматриваются как частные дисциплины, имеющие дело с отдельными сфе-

¹ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 81.

рами общественной жизни или классами социальных явлений, но не с обществом как целым. Универсальный характер социологии истолковывался в субстанциональном смысле. Специфика социологии виделась в изучении эмерджентных характеристик взаимодействия между разными сферами общественной жизни, отношений между отдельными классами социальных явлений. Наряду с субстанциональным универсализмом в самообоснование социологии входило также представление о ее теоретико-методологической исключительности, согласно которому социология является единственной «теоретической» наукой: только социология устанавливает законы социальных явлений, тогда как другие социальные науки лишь описывают факты.

Практически одновременно с проектом всеобъемлющей социальной науки в XIX в. оформляется проект синтетической исторической науки, фигурировавшей под именем «история цивилизации», или «история культуры». Как и в случае социологии, подъем всеобъемлющей истории цивилизации сопровождался постепенным переносом фокуса исследования на уровень социоисторических конфигураций, располагающихся между уровнями индивидов и человечества, т. е. на отдельные народы, общества, культуры. Подобный сдвиг вел к иному способу концептуализации мировой истории, заставляя уделять более пристальное внимание историческому разнообразию культур и обществ и открывал путь сравнительным исследованиям, даже при сохранении унитарно-прогрессивистской концепции цивилизации и приверженности идее человеческого рода. Но и в этом случае историков все больше начинает интересовать не история цивилизации человеческого рода вообще, а история цивилизации (пока все еще в единственном числе) в конкретных национальных и региональных контекстах (как это хорошо заметно по названиям трудов Ф. Гизо, Г.Т. Бокля). Разные общества, находящиеся в разных условиях развития, сравниваются и оцениваются по тому, насколько полно в каждом из них реализуется, говоря словами Ф. Гизо, «всеобщий факт» цивилизации. Выбор того или иного общества в качестве объекта изучения истории цивилизации обосновывается тем, что данное обще-

ство в наибольшей степени продвинулось в развитии цивилизации в целом или каких-то отдельных ее сторон, или тем, что условия развития данного общества предоставляют возможность проследить «естественный» ход развития цивилизации в наиболее чистом виде (Г. Бокль).

Появляются работы, которые содержат попытки дать целостное и систематическое представление о составных частях и структуре цивилизации. Особо заметным здесь оказался вклад французского историка эпохи Реставрации Франсуа Гизо, который выделил в цивилизации два элемента: некоторый уровень *социального* развития и некоторый уровень *интеллектуального* развития. При этом Гизо подчеркивал единство и взаимодействие этих двух рядов явлений в развитии цивилизации. Однако, сформулировав «синтетическое», по выражению Л. Февра, определение цивилизации, Гизо сразу же намечает и два возможных направления в исторических исследованиях «факта» цивилизации: один связан с изучением *духовной*, а другой – *общественной* жизни человека. И хотя, отмечает Гизо, «эти два отдела, эти две истории цивилизации тесно связаны между собою», тем не менее, «они могут и даже должны быть разделены, по крайней мере, сначала, для того, чтобы каждый из них мог быть подвергнут подробной разработке»¹. Сам Гизо следовал такому разделению в своих двух знаменитых курсах об истории цивилизации во Франции и в Европе, один из которых был посвящен в основном социальной истории, борьбе классов, а другой – культурной истории, духовной жизни. Тем самым Гизо отодвинул на неопределенное будущее осуществление, намеченного им было, проекта всеобъемлющей истории цивилизации. Данное разделение сохраняло свое фундаментальное значение и для Ключевского.

В трудах в большей степени теоретически ориентированных историков, в особенности испытывавших на себе влияние позитивизма, например, таких как Г.Т. Бокль, предпринимаются попытки выявления общих законов развития цивилизации. Тем самым нормативное понятие *прогресса цивилиза-*

¹ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007. С. 34.

ции все более трансформируется в теоретическое понятие *процесса цивилизации*. Бокль изначально собирался писать «всеобщую историю цивилизации», или «историю цивилизации человечества», но был вынужден, по собственному признанию, «с крайней неохотой» ограничиться историей цивилизации только одного народа – историей цивилизации в Англии. Для Бокля выбор этого объекта исследования был обусловлен тем, что на примере Англии, по его мнению, можно лучше всего изучить «естественный ход цивилизации», открыть законы развития цивилизации вообще. В Англии естественный ход развития цивилизации менее всего был подвержен искажающим внешним влияниям, к числу которых Бокль относил не только различного рода иностранные воздействия, но и вмешательство правительства собственной страны в экономическую и духовную жизнь общества¹. В этих двух отношениях Англия для Бокля обладала несомненным преимуществом перед тремя другими «передовыми нациями мира»: Францией, Германией и Соединенными Штатами Америки, в каждой из которых имелись заметные отклонения от естественного хода развития цивилизации, причем каждая из этих стран являла собой в каком-либо отношении типический случай отклонения от идеальной модели. Таким образом, для Бокля Англия выступала идеальной моделью всего человечества. При этом следует отметить, что в отличие от оказавшего на него своей позитивистской доктриной влияние О. Конта, Бокль придерживался не структурно-холистической, а агрегатно-статистической модели общества.

Как и просветители, Бокль полагал, что «двойное движение, нравственное и умственное, составляет само существо идеи цивилизации и включает в себе всю теорию духовного прогресса»². Но при этом он делал акцент не столько на взаимопроникновении, сколько на дифференциации когнитивного и морального аспектов цивилизации и детерминирующем влиянии первого на второй.

¹ Бокль Г.Т. История цивилизаций. История цивилизации в Англии. М., 2000. Т. 1. С. 130.

² Там же. С. 97.

Консолидация национальных политий в Европе сопровождалась «национализацией» дискурса социально-исторических наук, что вело к вытеснению всеобщей истории на периферию исследовательского интереса. «В то время как просвещение с его космополитическими тенденциями особенно любило универсально-исторические схемы, новая эпоха на первый план выдвигает начало национальности...», писал В.М. Хвостов, характеризуя развитие исторической науки в XIX в.¹ В то же время установки «методологического национализма» не препятствовали и даже способствовали подъему проектов всеобъемлющей социальной или исторической науки, поскольку национальные государства, эмпирические референты абстрактного понятия «общество», воспринимались как вполне когерентные и самодостаточные соционисторические конфигурации, которые могли изучаться монографически или в сравнительной перспективе. Таким образом, основная тенденция в развитии исследовательской программы истории цивилизации на протяжении XIX в. состояла в переходе от *всеобщей* истории к истории *всеобъемлющей и сравнительной*.

В течение XIX в. постепенно выработывалась *плюралистическая* концепция цивилизации. Слово «цивилизации» во множественном числе встречается уже в текстах В. Мирабо, но до середины XIX в. его использование не несло концептуальной противоположности унитарной концепции цивилизации. Понятие цивилизации на протяжении XIX в. постепенно *плюрализируется* и *субстанциализируется*, т. е. начинает обозначать не столько всеобщий процесс исторического развития, сколько локальные соционисторические конфигурации. Мировая история представляется уже не как всеобщая история человеческого рода, а как совокупность множественных историй отдельных самодостаточных исторических целостностей – обществ, культур, цивилизаций. К концу XIX в. оформляются антиэволюционистские теории, в которых человечество оказывается непреодолимо разделенным по религиозно-конфессиональному, культурно-лингвистическому,

¹ Хвостов В.М. Теория исторического процесса. М., 2009. С. 170.

этнопсихологическому или расово-антропологическому основанию. Мировая история осмысливается в рамках концепции культурно-исторических типов и циклов. Выразителями подобных представлений были в Германии – Генрих Рюккерт, во Франции – Жозеф Артюр де Гобино и Густав Лебон, в России – Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский¹.

В плюралистической, в отличие от унитарной, концепции цивилизации, на первый план вышли феномены религии и политики, рассматриваемые в тесной связи друг с другом. В дальнейшем религиозно-политическая взаимосвязь вообще становится преимущественной темой цивилизационного анализа². Таким образом, внутренне напряжение, изначально заключавшееся в просветительском синтетическом понятии цивилизации, привело к образованию двух оппозиционных по отношению друг к другу концепций цивилизации – унитарной и плюральной. При этом в центре каждой из них находилось понятие так или иначе трактуемой *культуры*, сводимой то к науке, то к религии, то к эмпирическому знанию, то к космологическим воззрениям. И проблемный узел, как просветительской унитарной концепции цивилизации, так и более поздней плюралистической концепции, составляли отношения между культурой и властью. Другой узел цивилизационной проблематики, формулируемый в терминах соотношения культуры и социальной структуры, кристаллизовался в контексте подъема понятия «общество» и конституирования социологии в качестве самостоятельной и универсальной социальной науки.

На протяжении XIX в. во взаимоотношениях социологии и истории цивилизации не было ни полного слияния, ни абсолютного противопоставления, но была сложная изме-

¹ Об «академическом славянофильстве» В.И. Ламанского см.: Малинов А.В. Академическое славянофильство В.И. Ламанского // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. Вып. 12. 2012. С. 56–65.

² Арнасон И. Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 6. С. 21.

няющаяся комбинация сходств и различий, конвергентных и дивергентных тенденций, конкурентных и симбиотических отношений между ними, что весьма хорошо видно и на примере творчества Ключевского. Притом что четких дисциплинарных границ между социологией и историей цивилизации/культуры в XIX в. не было, некоторые разделительные линии между ними могут быть проведены: по предмету и по методу изучения. Основанием для разделения служило проведенное баденскими неокантианцами (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) противопоставление индивидуализирующего и генерализирующего, или идиографического и номотетического, соответственно, методов исследования. Задачи и результаты индивидуализирующего исторического синтеза считались принципиально отличными от задач и результатов генерализирующего социального анализа. В одном случае, это было постижение индивидуальности того или иного исторического феномена, в другом – установление универсальных законов изучаемых явлений. Попыткой нахождения компромисса или синтеза между этими двумя исследовательскими стратегиями стало возникновение на рубеже XIX–XX вв. типизирующей сравнительно-исторической социологии.

В «классической» социологии был завершен концептуальный переворот, который привел к разрыву с линейным эволюционизмом ранней социологии и заложенной просветителями всеобщей историей цивилизации. Одним из наиболее важных моментов в этом разрыве были атрофия социального эволюционизма и замещение «исторического метода» «сравнительными» исследованиями в произведениях Э. Дюркгейма и М. Вебера¹. В отличие от О. Конта и Г. Спенсера, как Дюркгейм, так и Вебер стремились уже не к установлению универсальных законов, а к постижению коллективных индивидуальностей. Понятие типа является ключевым для обоих классиков. Дюркгейм линейно-эволюционистским схемам противопоставил концепцию социальных типов. Вебер сравнительный метод использовал для выявления и объяснения своеобразия западного культурного

¹ Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. С. 150.

развития¹. Оба классика внесли решающий вклад в переформулирование и реализацию исследовательских программ как социологии, так и цивилизационного анализа. В академической социологии «классического» периода в трудах Дюркгейма и Вебера был не только совершен разрыв с линейно-эволюционистской концепцией цивилизации и просветительским проектом всеобщей истории цивилизации, но также осуществлен поворот к сравнительным исследованиям цивилизаций и заложены концептуальные основания плюралистической традиции цивилизационного анализа в социологии².

Дюркгейм вводит понятие *социального типа*, или *социального вида*, «занимающего промежуточное положение между понятиями *genus homo* и *отдельного общества*»³. Для него человеческий род не существует как реальное единое целое: «существуют же и даны наблюдению лишь отдельные общества, которые рождаются, развиваются и умирают независимо одно от другого»⁴. В противовес линейному эволюционизму родоначальников социологии Дюркгейм подчеркивал, что «человечество одновременно пошло различными путями», и отвергал возможность выработки лишь одного типа социальной организации, пригодного для всего человечества. В основу классификации обществ по социальным типам Дюркгейм закладывал «морфологические признаки», характеристики социальной структуры того или иного общества, т. е. тот «способ, которым составлено это общество и которым его составляющие части соединяются между собой»⁵. Он называл *социальной морфологией* ту часть социологии, в задачу которой входит построение социальных типов.

Понятие социальных типов Дюркгейм противопоставил понятию *форм цивилизации*, на основании которых выделяются

¹ Вебер М. Предварительные замечания // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 15.

² Arnason J.P. *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden and Boston: Brill, 2003.

³ Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 530.

⁴ Там же. С. 425–426.

⁵ Там же. С. 475.

исторические фазы в развитии обществ. Если Конт видел в социологии «науку о цивилизации», то Дюркгейм в произведениях 1890-х гг. целенаправленно вывел понятие цивилизации на периферию социологического анализа. Теории социальной динамики О. Конта и Г. Спенсера были подвергнуты им критике за то, что те были по своему содержанию, прежде всего, теориями развития цивилизации, а не общества. «Коллективная индивидуальность» того или иного общества определяется его социальным типом, который характеризуется «более постоянными признаками». В то время как с понятием формы цивилизации соотносятся явления «слишком неустойчивые и сложные», которые могут встречаться в обществах, принадлежащих разным социальным типам, и относительно легко заимствоваться ими. В силу этой своей мобильности и динамичности формы цивилизации не могут, считал Дюркгейм, служить характеристикой коллективной индивидуальности того или иного общества. Так, например, Франция на протяжении своего исторического развития прошла через различные формы цивилизации: вначале она была сельскохозяйственной страной, затем перешла к ремесленной промышленности и мелкой торговле, далее – к мануфактуре и, наконец, к крупной промышленности. «Но невозможно при этом допустить, чтобы одна и та же коллективная индивидуальность могла сменить вид три-четыре раза. Вид должен определяться более постоянными признаками». «Япония сможет заимствовать наши искусство, промышленность, даже нашу политическую организацию; тем не менее, она не перестанет принадлежать к иному социальному виду, нежели Франция и Германия»¹. Результаты предпринятых видными социологами попыток классифицировать общества по состоянию их цивилизации Дюркгейм находил «расплывчатыми, спорными и малополезными»².

Если в Германии возникла традиция противопоставлять «культуру» (Kultur) «цивилизации» (Zivilisation), то во Франции решающее значение приобрела концептуальная дихотомия «цивилизация» и «общество». В отличие от просветите-

¹ Там же. С. 481, 482.

² Там же. С. 482.

лей, Дюркгейм считал, что цивилизация (наука, искусство, промышленность) не несет в себе самой или в человеческой природе как таковой источники собственного развития. Цивилизация – это зависимая переменная, «необходимое следствие изменений, происходящих в объеме и плотности обществ»¹. Причина развития цивилизации заключается в изменяющихся структурных условиях человеческого взаимодействия, в действии «закона социальной гравитации»: «приращении социальной массы и плотности». Следствием такого подхода стало то, что цивилизация перестала быть непосредственным и главным предметом социологического изучения. Однако наряду с вытеснением понятия цивилизации произошло и его расщепление (по сравнению с изначальной просветительской его трактовкой): оно лишилось своего морального содержания. Прежде чем понятие «цивилизация» было выведено на периферию социологического анализа, оно было лишено своего «морального» компонента – ключевого в просветительском понимании цивилизации. Мораль была помещена в концептуальную рамку «общество». Дюркгейм считал цивилизацию «морально индифферентной», но именно моральные основания обществ, выражаемые в понятии социальной солидарности, интересовали его в первую очередь. Общество для французского социолога продолжало оставаться, прежде всего, «моральной общностью». Таким образом, в дихотомии понятий «общество» и «цивилизация» имплицитно присутствует концептуальная оппозиция «культура - цивилизация» – столь характерная для немецкого контекста. Однако в немецкой, возводимой к И. Канту, традиции носителем составлявших ядро понятия «культура» моральных принципов, ценностей, норм считалась скорее самостоятельная личность, в то время как факты, имевшие отношение к институционализированным формам совместной жизни людей и соотносимые с понятием «общество» в узком смысле, включались в понятие «цивилизация». В социологии же подчеркивалась социальная природа морали, именно общество считалось носителем морали.

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 314.

Однако уже в самом начале XX в. Дюркгейм кардинально пересмотрел свое отношение к понятию цивилизации. В 1902 г. в созданном им четырьмя годами ранее журнале «Анналы социологии» появляется раздел «Цивилизация как таковая и типы цивилизации». Статьи нового раздела Дюркгейм предварил короткой поясняющей заметкой, в которой понятие цивилизации им реабилитируется в качестве одной из центральных категорий *общей* социологии¹. Тогда как каждая специальная социологическая наука имеет дело с определенными видами социальных феноменов, роль общей социологии состоит в том, чтобы реконструировать единство всего того, что разъединяется в ходе анализа. Общая социология, по словам Дюркгейма, задается вопросом о том, «как общество, которое хотя и состоит из относительно независимых и дифференцированных частей, может, тем не менее, образовывать индивидуальность, наделенную единством аналогичным единству конкретных личностей»². Если раньше Дюркгейм единство и индивидуальность общества связывал исключительно с социальной структурой (морфологией) общества, социальным типом, то теперь он цивилизацию называет одним из факторов, который вносит, возможно, наибольший вклад в формирование единства и индивидуальности общества. Дюркгейм определяет цивилизацию как определенный «комплекс» социальных феноменов, соответствующий каждому социальному типу и каждому обществу. Существуют разные «типы цивилизации». Каждой цивилизации свойственна особая «тональность», т. е. некоторые стилевые особенности, обнаруживаемые во всех деталях коллективной жизни. Дюркгейм говорит также о тесной связи, существующей между типом цивилизации и *характером народа* (типом коллективного характера). Как и цивилизационный комплекс национальный характер является фактором единства общества, постоянным ядром, которое соединяет вместе разнообразные моменты коллективного существования и придает общественной жизни последовательность и непрерывность.

¹ Durkheim E. Civilisation in General and Types of Civilisation [1902] // Durkheim E. The Rules of Sociological Method. New York, 1982.

² Ibid. P. 243.

В своей ставшей последней книге «Элементарные формы религиозной жизни» (1912) Дюркгейм отметил, что каждая цивилизация имеет свою собственную характерную для нее упорядоченную систему понятий¹. Таким образом, французский социолог к макросоциальному измерению, которое подчеркивалось им в более ранних работах 1890-х гг., добавляет макрокультурное измерение. Дюркгейм последовательно подчеркивает отличие понятий (концептов) от чувственных представлений, продолжая свойственную ему линию противопоставления друг другу индивидуальных и социальных фактов, индивидуального сознания и коллективного сознания, индивидуальных представлений и коллективных представлений. Концепты – статичны, универсальны, безличны, они являются продуктами социальной группы. Тем самым Дюркгейм в самой конституции человеческого разума утверждает автономию социальной реальности, подрывая «гносеологические» основания унитарной концепции цивилизации.

Более подробно концептуальные основания плюралистической версии цивилизационного анализа в социологии Э. Дюркгейм изложил в написанной им совместно с М. Моссом небольшой статье «Заметка о понятии цивилизации» (1913)². Под цивилизациями понимаются «семьи обществ», т. е. широкомасштабные и долговременные формации, которые могут охватывать некоторое множество обществ, как существующих в одно время друг с другом, так и последовательно сменяющих друг друга (в последнем случае можно говорить о «поколениях обществ»). Цивилизации состоят из разнообразных социальных феноменов, которые не прикреплены строго к определенной социетальной единице, а распространяются на области, выходящие за территориальные и временные рамки отдельных обществ. Различные социальные феномены имеют «неодинаковый коэффициент распространения и интернационализации». Цивилизации образуют «моральное милье, охватывающее некоторое число

¹ *Durkheim E.* The Elementary Forms of Religious Life. New York, 1995. P. 437.

² *Durkheim E., Mauss M.* Note on the Notion of Civilization [1913] // *Social Research*, 1971, vol. 38, N 4.

наций» или «множество взаимосвязанных политических тел, оказывающих воздействие друг на друга»¹. Внутри цивилизаций общества могут организовываться более или менее автономным образом, разрабатывая свои вариации на общие темы.

Это понимание «цивилизаций» у Дюркгейма могло сложиться под влиянием идей немецкого психолога Вильгельма Вундта (1832–1920), создателя «исторической психологии народов», работы которого он изучал в молодости во время своего обучения в Германии. В. Вундт проводил различие между понятиями «национальность», «цивилизация» и «человечество». Если «культура» имеет тенденцию дифференцироваться и обособляться по национальным линиям, то «цивилизация» распространяет свое содержание на другие нации. При этом национальные культуры, которые возникли и развились из цивилизаций, остаются зависимыми от других культур, принадлежащих данной цивилизации. Вундт полагал, например, что польская культура, произошедшая в основном от Европейской цивилизации, является в силу этого также производной и зависимой от французской, итальянской и немецкой культур².

И. Арнасон отмечает двойственность толкования цивилизации у Дюркгейма и Мосса³. С одной стороны, цивилизации предстают, прежде всего, как пространственно-временные рамки интенсивного взаимодействия обществ и обоюдных заимствований между ними. С другой стороны, каждая отдельная цивилизация является «видом морального мильё», разделяемого некоторым множеством обществ, каждое из которых разрабатывает собственную национальную культуру⁴. В первом случае цивилизация предстает как *результат* меж- и транссоциетальных взаимодействий и заимствований, во втором – как *предпосылка* таких процессов. В первом случае акцент делается на процессах *унификации*, формирования обще-

¹ Ibid. P. 810–813.

² Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge, Massachusetts, USA, 1952. P. 14.

³ Arnason J.P. Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilization // Social Imaginaries, 2015, vol. 1, N 2, p. 154–155.

⁴ Durkheim E., Mauss M. Note on the Notion of Civilization.

го, разделяемого совместно некоторым числом обществ цивилизационного паттерна; во втором – на процессах *сингуляризации*, обособления, индивидуализации обществ, принадлежащих к одному цивилизационному ареалу и разделяющих общие цивилизационные основания. Особенность социологического подхода Э. Дюркгейма и М. Мосса заключается в акценте на внутрицивилизационных взаимодействиях, а не межцивилизационных отношениях.

Концепция социального типа Э. Дюркгейма и последующая, разрабатывавшаяся им совместно с М. Моссом, плюралистическая концепция цивилизации могут послужить параллелью для лучшего понимания места исторической социологии Ключевского в изменяющейся конфигурации социально-исторического научного знания на рубеже XIX–XX вв.

Новаторские идеи В. О. Ключевского в исторической социологии и истории цивилизации

Вхождение социологии в круг академических (университетских) научных дисциплин сопровождалось пересмотром ее исследовательской программы. Прежде всего, произошел отказ от характерного для ее додисциплинарной фазы «энциклопедического» самообраза. Тем не менее, социология сохранила представление о себе самой как об общей социальной науке, но ее универсальный характер стал трактоваться и обосновываться иначе: не в субстанциальном, а в аналитическом смысле. С аналитической точки зрения социология так же притязала на охват всего мира, образуемого взаимодействием людей, но брала его в определенном разрезе, акцентируя свое внимание на «аналитически» различных собственно «социальных», «формальных», «структурно-институциональных» сторонах человеческого общежития. Классическим примером здесь может служить подход Г. Зиммеля, который представлял социологию как «социальную геометрию», абстрагирующую «социальные формы» в качестве подлежащей социологическому изучению стороны конкретных социальных взаимодействий, обладающих также определенным культурно-психологическим содержанием.

Одним из следствий переопределения предмета социологии стало то, что к концу XIX в. она перестала восприниматься как «наука о цивилизации»: категории «общество» и «цивилизация», или «культура», все более расходились друг с другом. Так, Ключевский в структуре исторической науки выделяет два отдела, различающиеся своими предметами, задачами и методами: «историческую социологию» и «историю культуры, или цивилизации». (Гермины «культура» и «цивилизация» Ключевский использовал как взаимозаменяемые.)

Наиболее информативными источниками для оценки намеченного Ключевским различия и соотношения исторической социологии и цивилизационного анализа в его творческом наследии являются специальный курс «Методология русской истории» (прочитанный в 1884–1885 учебном году и литографированный сразу после его окончания) и первые две лекции «Курса русской истории» (1904). Сравнение этих двух работ, завершенных с разницей в двадцать лет, показывает, что терминологически и концептуально разделение между исторической социологией и историей цивилизации в творчестве Ключевского оформилось не сразу. В специальном курсе «Методологии русской истории» термин «история цивилизации/культуры» для обозначения отдела исторической науки не используется, но термин «историческая социология» там встречается. Он был сконструирован Ключевским по образцу «исторической географии», и приводится им в ряду других вспомогательных исторических наук, таких как «историческая физиология» и «историческая логика и психология»¹. Самому Ключевскому эти термины все еще кажутся «странными» и «необычными».

Предмет исторической науки

Предмет исторической науки Ключевский последовательно раскрывает в трех основных понятиях: «человеческое общежитие», «людские союзы» и «исторический процесс». Наиболее общим определением предмета исторического

¹ Ключевский В.О. [Методология русской истории] // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. С. 25.

изучения является *человеческое общежитие*, представляющее собой, по словам Ключевского, «такой же факт мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы»¹. Конкретными предметами исторической науки являются *людские союзы*, или человеческие общества, составляющие формы человеческого общежития. Происхождение, развитие, взаимодействие и смену людских союзов со всеми условиями и последствиями их жизни Ключевский называет *историческим процессом*².

История цивилизации – «выработка человека и человеческого общежития»

Со всей определенностью различие между исторической социологией и историей цивилизации/культуры Ключевский формулирует в «Курсе русской истории». Содержание истории цивилизации составляют *результаты* исторического процесса, или *успехи* человеческого общежития: «накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, а с другой – устанавливающих и совершенствующих отношения между людьми, - словом, выработка человека и человеческого общежития»³. Используемые в определении предмета истории цивилизации слова «накопление», «улучшение», «совершенствование», «степень выработки» отсылают к унитарной концепции цивилизации. Предметом исторической социологии являются *ход и условия* исторического процесса; свойства и действие *исторических сил*, «созидающих и направляющих людское общежитие»; состав, организация, функционирование и развитие человеческих обществ⁴. Ключевский использует органицистскую метафору исторического процесса, называя людские союзы «историче-

¹ Ключевский В.О. Соч. в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. Часть I. М., 1987. С. 34.

² Ключевский В.О. [Методология русской истории]. С. 9, 34; Ключевский В.О. Соч. в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. С. 34.

³ Ключевский В.О. Соч. в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. С. 34.

⁴ Там же. С. 35.

скими телами», которые рождаются, живут, размножаются и, наконец, умирают подобно «органическим телам природы»¹.

Ключевский подчеркивает взаимосвязь социологической и культурно-исторической точек зрения на исторический процесс; они не исключают, а дополняют друг друга: «по самым успехам общежития изучают природу и действие строящих его сил, и, наоборот, данным строем общества измеряют успехи общежития»².

Исторический процесс как взаимодействие исторических сил

Разрабатывая концепцию исторического процесса, Ключевский вводит механицистскую метафору взаимодействия сил. Он выделяет *исторические силы* – «самые основные общие факты, без которых невозможно общежитие и которые производят самые связи, соединяющие людей в союзы»³. Основными первичными силами, создающими и движущими человеческое общежитие, являются две: *природа* и *дух человеческий*. В человеческом общежитии эти общие силы действуют в своих конкретных проявлениях, которые Ключевский называет историческими формами. Конкретные формы, какие принимает человеческий дух в совместной жизни людей: это индивидуальная человеческая *личность* и человеческое *общество*⁴. Под термином «общество» в данном случае понимается «потребность общения между людьми как простой и неизбежный факт» (а не общество как «социальный организм») ⁵. Внешняя, или физическая, природа наблюдается в исторической жизни как *природа страны*, под влиянием которой в людской массе, населяющей данную местность, вырабатываются особый быт и духовный склад, называемые *народным темпераментом*⁶.

¹ Там же. С. 34.

² Там же. С. 35.

³ Ключевский В.О. [Методология русской истории]. С. 21.

⁴ Ключевский В.О. [Методология русской истории]. С. 21; Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. С. 39.

⁵ Ключевский В.О. [Методология русской истории]. С. 23.

⁶ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. С. 40.

В «Курсе русской истории» Ключевский называет три основные исторические силы, которые строят людское общежитие: *личность, общество и природа страны*¹. В «Методологии русской истории» к трем перечисленным добавляется четвертая: *физическая природа человека*². Однако и этот перечень исторических сил не является окончательным. С некоторой долей сомнения Ключевский считает возможным прибавить к названным четырем силам третью форму, в которой проявляется историческая деятельность духа человеческого. Эту историческую силу он обозначает термином «историческое преемство», самый факт которого проявляется «в обычае, в предании; точнее говоря, обычай и предание суть синонимические выражения исторического преемства»³. То, что Ключевский называет историческим преемством, соответствует термину «культурная традиция». Таким образом, Ключевский близко подошел к тому, чтобы концептуализировать культуру, правда, взятую лишь в одном из ее модусов, в качестве самостоятельного аналитического измерения человеческого общежития, наряду с личностью и обществом, как позже это сделал, например, П.А. Сорокин.

Однако в «Курсе русской истории» мысль Ключевского пошла по другому пути. Не став определять историческое преемство в качестве одной из исторических сил, он концептуализировал его как частный случай *общения*, или *взаимодействия людей*. По сути, термин «общение» был обозначением человеческого общежития как процесса социального взаимодействия. Для Ключевского историческое преемство стало означать, прежде всего, не культуру, а сам процесс межпоколенного общения, передачи материального и духовного достояния от одного поколения к другому через механизмы *наследования и воспитания*.

Другая – творческая сторона культуры в классификации исторических сил Ключевского оказалась соотнесенной с «личностью». С понятием о личности как одной из исторических сил оказывается связано представление о культуре как

¹ Там же.

² Ключевский В.О. [Методология русской истории]. С. 23.

³ Там же. С. 23–24, 26.

сфере общественной жизни, включающей литературу, науку, философию, искусство. Ключевский соотносит с каждой исторической силой определенную сферу общежития и набор *общественных элементов*, или связей, которыми держатся людские союзы. Так, «*природа страны направляет хозяйственную жизнь; физическая природа человека завязывает и направляет жизнь частную, домашнюю; личность есть сила творческая в умственной и нравственной жизни, а обществом создается жизнь политическая и социальная*»¹. Но при этом он подчеркивает, что действие каждой силы в указанных сферах носит не исключительный, а только преобладающий характер. Господствующим фактом человеческого общежития является *взаимодействие* сил: «из этих взаимодействий и слагается то, что мы называем *историческим процессом*»². Из понимания исторического процесса как взаимодействия исторических сил вытекает и представление о специфике исторического изучения. Каждая из выделенных исторических сил составляет предмет изучения специальной науки: природа страны – географии, физическая природа человека – физиологии, личность – логики и психологии, общество – социологии. Историческая же наука изучает явления человеческого общежития как результат совместного действия разных сил.

Роль культуры в историческом процессе

В «Курсе русской истории» Ключевский хотя и положил понятие культуры/цивилизации в основание выделения отдела исторической науки – «истории культуры/цивилизации», но на уровне фундаментальных категорий человеческого общежития культура, взятая в различных своих модусах, оказалась растворена между полюсами «общество» и «личность». Обстоятельно рассматривая во второй лекции «Курса» вопрос о роли «идей» в историческом процессе, Ключевский стремился, прежде всего, обосновать исключение духовной культуры из сферы непосредственного изучения исторической социологии, однако он сделал это таким образом, который позволил В.М. Хвостову определить сущность его мировоз-

¹ Там же. С. 28.

² Там же. С. 28–29.

зрения в словах: «Идеи имеют первостепенное значение в историческом процессе»¹. Если теоретические рассуждения Ключевского могут вполне дать основания для такой точки зрения, то его конкретно-исторические исследования ее, скорее, не подтверждают.

В целом решение этого вопроса не лишено амбивалентности. С одной стороны, как утверждает Ключевский, «само общество – это уже идея, потому что общество начинает существовать с той минуты, как люди, его составляющие, начинают сознавать, что они – общество»². «Без общих понятий и целей, без разделяемых всеми или большинством чувств, интересов и стремлений люди не могут составить прочного общества»³. Ключевский выделяет два типа людских союзов: первичные, или *естественные*, и производные, или *искусственные*. Эти два типа социальных общностей различаются между собой характером связей, которыми они держатся. Естественные, или кровнородственные, союзы строятся на бессознательных побуждениях, *инстинктах*; искусственные – на сознательных стремлениях, *целях*⁴. Для искусственных союзов, главными из которых являются государство и церковь, «идеологический» в широком смысле слова фактор является конституирующим. Для государства – это представление об общем благе, в какой бы форме оно ни выражалось, «хотя бы в сознании одного лица, правящего обществом». «По устройству своему естественный союз может быть, и часто бывает, совершенно похожим на государство, но становится им, когда основанием союза служит не естественный признак, а цель поддержания общего блага. Поэтому, если ряд людских союзов имеет общий язык, общие верования, нравы и другие естественные признаки общения, но не чувствует себя связанным для достижения общего блага, он не составляет государства, хотя составляет общество, так как есть общие интересы.

¹ Голосенко П.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. С. 121.

² Ключевский В.О. Соч. в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. С. 53.

³ Там же. С. 41.

⁴ Ключевский В.О. [Методология русской истории]. С. 14.

Когда встречаем ряд союзов, в которых нет естественных признаков, но которые чувствуют себя соединенными для цели общего блага то это – государство»¹.

С другой стороны, Ключевский в идеях видел, прежде всего, «плоды личного творчества, произведения одиночной деятельности индивидуальных умов и совестей»². Поэтому вопрос о культурных основаниях человеческого общежития, по сути, совпадал с вопросом о роли личности в истории. «Идеи» противопоставляются им «фактам», «общественным отношениям», или «нормам». Идеи как таковые, в своем первоначальном, чистом виде в силу своего происхождения не являются исторической силой. Идея становится «историческим фактором», когда она выходит из пределов индивидуального сознания и делается общим и обязательным, т. е. общепризнанным, правилом или убеждением; когда она овладевает какой-либо практической силой – властью, народной массой или капиталом, – воплощающей ее в закон, учреждение, промышленное предприятие, обычай, массовое увлечение или широко известное художественное произведение³. Именно «воплощение, т. е. практическая обработка идеи, и вводит ее фактором в исторический процесс». Но, как отмечал Ключевский, не всякая идея попадает в исторический процесс, а попадая, не всегда сохраняет свой первоначальный вид. Ключевский различал «запас личной мысли и чувства» и «культурно-исторический запас», который является достоянием общества⁴. Подобно Э. Дюркгейму, Ключевский проводил различие между «индивидуальным умом и коллективным сознанием», образующими явления разных порядков, но в вопросе их соотношения акцент делал не на детерминации одного другим, а на «постоянном обмене услуг и влияний» между ними⁵.

¹ Там же. С. 13–14.

² *Ключевский В.О.* Соч. в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. С. 53.

³ Там же. С. 54–55.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 54.

Положение о культурных основаниях социального порядка Ключевским используется не для того, чтобы подчеркнуть необходимость включения культурного контекста в предметное поле исторической социологии, а для того, чтобы обосновать продуктивность исследования экономических и политических фактов для изучения явлений культурной жизни. В основе каждого политического или экономического факта лежит какая-либо идея. «Подступая в изучении к известному обществу с политической и хозяйственной стороны его жизни, мы входим в круг тех умственных и нравственных понятий и интересов, которые уже перестали быть делом отдельных умов, личных сознаний, и стали достоянием всего общества, факторами общежития. Следовательно, политический и экономический порядок известного времени можно признать показателем его умственной и нравственной жизни»¹. В такой интерпретации историческая социология не отгораживалась от культурной истории, а задавала ей отправную точку и критерий отбора объектов для своего изучения. «Таким образом сама жизнь помогает историческому изучению: она производит практическую разборку идей, отделяя деловые или счастливые от досужих или неудачных»². Именно такие господствующие, институционализованные идеи должны быть главными объектами изучения истории культуры/цивилизации.

Местная история и общая история

Наряду с выделением исторической социологии и истории цивилизации/культуры Ключевский вводит в историческое изучение еще одно важное аналитическое измерение, проводя различие между *всеобщей историей*, т. е. историей человечества, и *местной историей*, т. е. историей какого-либо отдельного народа. Каждая из этих двух историй может рассматриваться как с историко-социологической, так и с культурно-исторической точки зрения. Однако существующая взаимосвязь между масштабом и предметом исторического исследования обуславливает преобладание в изучении мест-

¹ Там же. С. 56.

² Там же. С. 55.

ной истории социологической, а в изучении общей истории – культурно-исторической точки зрения.

***Историческая социология:
наука об общих законах строения человеческих
обществ, или почему историк при изучении местной
истории по преимуществу социолог***

Достижения цивилизации «созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов, и ход их накопления не может быть изображен в тесных рамках какой-либо местной истории»¹. В то же время «целый ряд соображений побуждает историка при изучении местной истории быть по преимуществу социологом»². В местной истории изучению не подлежит «ни взаимодействие народов, ни их сравнительное культурное значение, ни их историческое преемство»³. При изучении местной истории народы рассматриваются не как последовательные моменты цивилизации, не как фазы человеческого развития, а как «отдельные этнографические особи, в которых, повторяясь, видоизменялись известные процессы общежития, те или другие сочетания условий человеческой жизни». Предметом изучения становится самое строение человеческого общества, свойства и действие исторических сил, созидающих и направляющих человеческое общежитие. «Изучение местной истории дает готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии»⁴.

Господствующее значение в социологическом изучении местной истории, т. е. истории отдельных обществ, Ключевский отводил *сравнению*⁵. Он выступал против использования термина «сравнительный метод», считая сравнение лишь одним из «приемов», наряду с наблюдением и обобщением, *объективного метода* исторической социологии (в отличие от *субъективного метода* истории культуры). Он подвергал критике ошибочное применение сравнительного приема, полагая его

¹ Там же. С. 35–36.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Ключевский В.О. [Методология русской истории]. С. 93.

целью «изучение не сходства, а различия однородных явлений»¹. В этой исследовательской установке на обнаружение своеобразного, а не универсального в сравнительном изучении явлений заключается близость программы исторической социологии Ключевского сравнительной социологии М. Вебера и Э. Дюркгейма.

Основным предметом исторической социологии, по Ключевскому, являются «различные местные сочетания разных условий развития исторически слагавшихся обществ», или «сложных исторических типов»². Чем больше будет изучено разнообразных социальных сочетаний (конфигураций), тем полнее будут познаны свойства и действие исторических сил, строящих человеческое общежитие. Со временем, полагал Ключевский, из исторической социологии может выработаться «общая социологическая часть ее – наука об *общих* законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от переходящих местных условий»³.

В «Курсе русской истории» Ключевский различению местной и общей истории придает методологическое значение выбора исследователем способа рассмотрения исторического процесса. В «Методологии русской истории» он ставит проблему в онтологической плоскости, используя термины «местная история» и «общая история» для обозначения, прежде всего, различающихся условий развития человеческих обществ. В историческом процессе наблюдается либо изолированное развитие одного и того же союза, либо развитие нескольких союзов, находящихся во взаимодействии друг с другом. Соответственно исторический процесс делится на «местный» и «общий». Ключевский определяет местный исторический процесс как «хронологическое изменение известных географических сочетаний общественных элементов», а общий исторический процесс – как «географическое изменение хронологических сочетаний общественных элементов»⁴.

¹ Там же. С. 78.

² Ключевский В.О. Соч. в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. С. 38.

³ Там же. С. 39.

⁴ Ключевский В.О. [Методология русской истории]. С. 32.

Допуская существование местного процесса в отношении развития естественных, кровнородственных, союзов, Ключевский исключал его в отношении развития искусственных союзов, т. е. государственных обществ: «*местного процесса искусственных союзов не было*»¹. Местный процесс развития естественных союзов сам собою переходил в общий процесс развития союзов искусственных.

Ключевский разработал концептуальные аналитические схемы местного и общего исторических процессов. Схема местного исторического процесса включает ряд последовательно сменяющих друг друга форм естественных союзов: 1) орда, или первобытное бессемейное общество; 2) материнский род; 3) патриархальный род; 4) семья. Ключевский весьма подробно рассматривает основания каждой формы естественного союза и причины их смены. Результатом развития естественных союзов является племя, представляющее собой переходное состояние между естественным и искусственным союзом².

Общий исторический процесс

Понятие общего исторического процесса означает «процесс изменения общезития, завязавшегося на известном месте, под влиянием союзов, сложившихся на другом месте под другими условиями, следовательно, на других началах»³. Ключевский использует такие выражения, как «круг взаимосвязанных союзов» и «струи исторического процесса», которые могут служить аналогами терминов «семьи обществ» и «поколения обществ», используемых Э. Дюркгеймом и М. Моссом для обозначения синхронных или диахронных группирований обществ, составляющих одну цивилизацию. Круг союзов составляют «несколько союзов, связанных общей жизнью, взаимными отношениями, столкновениями, интересами, мыслями, понятиями»⁴.

¹ Там же. С. 52.

² Там же. С. 35–51.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 60.

Ключевский выделяет в общем историческом процессе два порядка явлений, которые могут быть обозначены как «синхронный» и «диахронный», и три «момента», или частных процесса, из которых слагается общий процесс. «Явления, составляющие общий исторический процесс, – двух порядков: один ряд явлений касается того, как изменяются сочетания элементов общежития, подвергаясь действию сторонних сочетаний (первый момент) или вбирая в себя элементы разрушающихся сочетаний (второй момент); другой ряд явлений обнаруживается в преемственной смене различных общественных формаций (третий момент)»¹. Рассмотрим каждый из трех моментов общего исторического процесса подробнее.

Первый момент – *общение* или *столкновение* союзов. Под «общением» понимается мирное соприкосновение встретившихся союзов, под «столкновением» – соприкосновение враждебное. Как при мирном, так и при враждебном соприкосновении происходит одинаковый процесс во встретившихся союзах, который состоит в том, что *изменяется взаимодействие элементов общежития в каждом союзе, но не изменяется состав общежития*, т. е. наличное количество этих элементов. Это изменение взаимного отношения наличных элементов происходит вследствие того, что столкновение с другим союзом сообщает усиленное развитие одним элементам за счет других².

Так, союз, подвергшийся внешней опасности при встрече с другим, более сильным союзом, развивает в своей среде элементы необходимые для внешней обороны. Столкновение усиливает в нем власть, поднимает наверх индивидов наиболее способных к борьбе и образует из них особый класс, ускоряя сословное деление общества и увеличивая юридическое неравенство. Временные или местные условия сообщают неодинаковую скорость и неодинаковые формы этому усиленному развитию власти. Например, если внешняя опасность неодинаково чувствуется всеми частями союза более слабого или подвергнувшегося нападению, то власть, усиливаясь,

¹ Там же. С. 62.

² Там же. С. 62–63.

локализуется; если все части союза одинаково чувствуют внешнюю опасность, то власть, усиливаясь, централизуется¹.

Обе эти тенденции – локализации и централизации власти в условиях внешней опасности – ярко обнаруживаются в русской истории. На протяжении X–XII вв. внешняя опасность, особенно сильно почувствованная южными областями, повела к политическому областному дроблению земли под руководством местных князей и главных областных городов. Позже, когда опасность, шедшая с юго-востока (из степей) и с северо-запада (со стороны Швеции, Ливонии, Литвы), стала одинаково чувствоваться всеми частями тогдашней Русской земли, власть централизовалась в Москве².

Второй момент – *слияние*, или *поглощение*. Вследствие дальнейшего развития мирных или враждебных отношений союзы часто сливаются. Слияние обычно происходит в форме поглощения одного союза другим, более сильным. При поглощении *сочетание элементов общежития в поглощаемом союзе разрушается, но самые эти элементы входят в состав поглощающего союза*. Таким образом, изменяется самый состав общежития, становясь сложнее: являются два языка, два права, два порядка обычаев, нравов и понятий и т. д. Поглощение может происходить путем простого территориального *присоединения* одного союза к другому или посредством *вторжения* более сильного союза в среду более слабого. История Древнего Рима являет примеры обоих вариантов процесса слияния: «ход изменения римского общества под влиянием его завоеваний всего нагляднее представляет нам условия и результаты поглощения, совершающегося посредством территориального присоединения; ход разложения Римской империи, сопровождавшегося вторжением чуждых племен, варваров, в различные ее провинции, – лучший предмет для наблюдения хода условий и результатов поглощения, совершающегося посредством вторжения»³.

Третий момент – *историческая передача*. Этот процесс обнаруживается в *географическом перемещении* и *историческом движении*

¹ Там же. С. 62.

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 63–64.

нии. В результате описанных выше процессов общения и слияния происходит постепенное расширение круга союзов, находящихся в постоянных взаимных отношениях. По мере усиления взаимоотношений группа союзов начинает жить общей жизнью; происходит обобщение жизни в среде этих союзов; политические, общественные и другие формы и понятия одного союза все более сближаются с формами и понятиями другого. Для обозначения круга союзов, связанных общей жизнью, Ключевский использует термин «местная цивилизация».

С течением времени союзы, первоначально вошедшие в определенный круг, под действием разных обстоятельств выпадают из него, в то время как другие вступают в этот круг; отпавшие начинают жить изолированно или входят в новый круг союзов, который с первым не имеет общения или имеет общение очень слабое. Между тем оставшиеся в первом кругу союзы продолжают развивать элементы общежития, полученные ими от союзов, уже выпавших из данного круга. Формы общежития, сложившиеся в кругу союзов в результате заимствования от более ранних членов этого круга, на высшей ступени развития оказывают обратное влияние на общежитие членов более древних, но отставших в своем развитии. Это положение Ключевский иллюстрирует примером культуры эллинов, которая завязалась под влиянием культуры Востока, но потом на высшей ступени своего развития оказала могущественное обратное действие на свою родоначальницу. Таким образом, общий исторический процесс обнаруживается не только в расширении, но и в *географическом перемещении* центров цивилизации.

Сменяющие друг друга местные, или, если употребить более привычное ныне слово, локальные цивилизации представляют собой «не только местные формации общежития, но и последовательные ступени человеческого развития», как например, культура древнего Востока и античная цивилизация. Таким образом, наряду с географическим перемещением процесс исторической передачи обнаруживается в *историческом движении*. Процесс исторического движения не представляет собой исторического прогресса, последовательного

движения к лучшему общежитию. Термин «прогресс» не выражает действительного хода исторического развития, а схватывает только отдельные его моменты¹.

Этот свой тезис Ключевский раскрывает, указывая на то, что Дюркгейм и Мосс называли «неодинаковым коэффициентом распространения и интернационализации» различных социальных феноменов. Различные элементы и формы общежития обладают разной способностью к хронологическому и географическому перемещению от одного союза к другому. К исторической передаче особенно способны те элементы общежития, которые являются продуктами человеческой личности: житейские удобства, знания, чувства, религиозные верования и искусства. Наименее способными к передаче являются продукты другой исторической силы, выделяемой Ключевским, – общества: политические формы, право, обычаи, предания. «Общество, можно сказать, не играя терминами, есть сила, наименее способная к общению; это объясняется большою сложностью процесса, которым развиваются и усваиваются право, обычаи, предания; вот почему они и усваиваются труднее². Под чуждыми влияниями политические и юридические формы и отношения изменяются, но не переносятся.

Итак, разработав схему общего исторического процесса, Ключевский наметил в качестве ее составной части концепцию цивилизаций как социокультурных формаций, образуемых взаимодействием обществ. Таким образом, как и в случае с Э. Дюркгеймом, попытка Ключевского обосновать социологический подход в отличие от цивилизационного анализа привела не к разрыву, а к реконфигурации отношений между этими двумя областями социально-научного познания и наметила пути реинтеграции цивилизационной проблематики в исследовательскую программу социологии.

¹ Там же. С. 64–66.

² Там же. С. 68.

Литература

Арнасон П. Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 6. С. 18–29.

Бокль Г.Т. История цивилизаций. История цивилизации в Англии: т. 1. М.: Мысль, 2000.

Вебер М. Предварительные замечания // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006. С. 7–18.

Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007.

Головенко П.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995.

Гюлденер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990.

Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990.

Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. Часть I. М.: Мысль, 1987.

Ключевский В.О. [Методология русской истории] // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М.: Мысль, 1989.

Лапто-Данилевский А.С. Исторические взгляды В.О. Ключевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1. С. 50–62.

Малинов А.В. Академическое славянофильство В.И. Ламанского // Мысль: журнал Петербургского философского общества. Выпуск 12. 2012. С. 56–65.

Погодин С.Н. Социологический метод В.О. Ключевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1. С. 40–49.

Спенсер Г. Синтетическая философия. К.: Ника-Центр, 1997.

Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры / Пер. с франц. в 2-х т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1.

Тюрго А. Последовательные успехи человеческого разума [1751] // Тюрго А. Избранные философские произведения / Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Тюрго А. Рассуждение о всеобщей истории // Тюрго А. Избранные философские произведения / Пер. с фр. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Февр А. Цивилизация: эволюция слова и группы идей (1930) // Февр А. Бои за историю. М., 1991.

Хвостов В.М. Историческое мировоззрение В.О. Ключевского. М., 1910.

Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. Курс лекций. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

Arnason J.P. Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions. Leiden and Boston: Brill, 2003.

Arnason J.P. Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilisation // Social Imaginaries, 2015, vol. 1, N 2, pp. 146–176.

Durkheim E. Civilisation in General and Types of Civilisation [1902] // Durkheim E. The Rules of Sociological Method. New York: The Free Press, 1982.

Durkheim E., Mauss M. Note on the Notion of Civilization [1913] // Social Research, 1971, vol. 38, N 4, pp. 808–813.

Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. New York: Free Press, 1995.

Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge, Massachusetts, USA: Greenwood Press, 1952.

С. Н. Погодин
Санкт-Петербургский
Политехнический университет Петра Великого

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО¹

В статье рассмотрены вопросы исторической социологии в творчестве В.О.Ключевского. В его работах подчеркивается влияние природы на человека, на выработку его религиозных воззрений. Развитие общества по мнению историка зависит от многих факторов: географических, экономических, этнографических, политических, социальных.

Ключевые слова: В.О.Ключевский, социология, история, историческая социология, социологические методы исследования.

Научное наследие В.О. Ключевского (1841–1911) хорошо исследовано в отечественной исторической литературе. В последние годы российские ученые В.Ю. Мазалова², С.Н. Погодин³, А.С. Попов⁴ и многие другие обратились к теме социологии в творчестве Василия Осиповича. Данная статья продолжает эту тему и не претендует на полное ее завершение.

Будучи историком, Василий Осипович в определенной степени говорил о себе как об историке-социологе, такого же мнения придерживались и исследователи его творчества⁵. На его формирование большое влияние оказал Московский уни-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 15-03-00488).

² Мазалова В.Ю. Вклад В.О.Ключевского в разработку исторической социологии. Автореф. ...к.с.н. Саратов, 2005.

³ Погодин С.Н. Социологический метод В.О.Ключевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1 (25). С. 40–49.

⁴ Попов А.С. Истоки исторической социологии В.О. Ключевского // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 58–61.

⁵ Нечкина М.В. История изучения В.О. Ключевского // Исторические записки. М., 1969. Т. 84. С. 232, 234.

верситет. В студенческие годы он увлекался работами Ч. Дарвина, А. Гумбольдта и другими естествоиспытателями. На втором курсе он подготовил реферат «Сравнительный очерк народно-религиозных воззрений». В этой работе он подчеркивал влияние природы на человека, на выработку его религиозных воззрений. «Одной из характеристических черт человека в естественном состоянии, – писал Ключевский, – служит то, что он находится под постоянным, неотразимым и непосредственным влиянием природы, которая могущественно действует на всю его жизнь. Ее влияние дает те основы, на которых он строит весь круг своих религиозных представлений, все содержание религиозных верований»¹. Этот реферат наглядно показывает силу влияния природы на человека. В дальнейшем географический фактор станет у него важным компонентом в исследованиях.

Его дипломная работа «Сказания иностранцев о Московском государстве» показала, что автор очень хорошо пользуется социологическими методами отбора материала. Начинаящий исследователь, скрупулезно дифференцировал рассказы тридцати пяти иностранцев XV–XVI вв. о различных сторонах жизни России. Главное в его исследовании было показать их достоверность и придать рассказам иностранцев вид документа, на который можно сослаться, как на источник.

Начало преподавания Ключевского в 1879 г. в Московском университете связано с широко распространенным тогда модным течением позитивизм. Как философское течение он появился в тридцатых годах XIX в. По мнению Н.И. Кареева, философией позитивизма Василий Осипович заинтересовался в середине шестидесятых годов XIX в. Его друг А.А. Шахов, впоследствии приват-доцент Московского университета, был большим поклонником О. Конта и оказал на Ключевского известное «умственное влияние»².

Василий Осипович в своих первых работах показывал, что развитие общества зависит от многих факторов: геогра-

¹ Рукописный фонд Института Российской истории. Фонд В.О. Ключевского. Д. 26. Л. 3 об.

² Кареев Н.И. Основы русской социологии. ГФЛ. Ф. 119. Оп. 8. Ед. хр. 17. Л. 160.

фических, экономических, этнографических, политических, социальных. В таком методологическом подходе историк, бесспорно, испытал влияние позитивизма. Однако не следует преувеличивать степень влияния этого учения на исследователя. Он в позитивизме видел не теоретическое начало, а скорее рассматривал его как инструмент в своих научных исследованиях. Его не очень привлекали общетеоретические построения позитивизма, а большее внимание он обращал, скорее, на инструментальный характер, на возможность конкретного исследования для историка. Важно отметить, что он стремился к выявлению конкретного исторического факта, а не к глобальному построению исторических схем развития. Это положение также сближало его с позитивизмом.

Одной из важных проблем для Ключевского была взаимосвязь природы и общества. Она рассматривалась им как влияние географической среды на историю страны, сводилась к механической доктрине географизма и заполнялась элементами антропологии. Сближая исторические явления с физико-биологическими, ученый стремился определить предмет истории как «физиологию исторических сил», «кинетику» общественного развития¹. Интересно, что Василий Осипович пытался установить аналогию между методом анализа химических взаимодействий Д.И. Менделеева и изучением социальных отношений².

В 1880 г. Ключевский опубликовал фундаментальное исследование «Боярская дума древней Руси». С этой работы, можно считать, началась социологическая школа в русской историографии. П.С. Шкуринов очень точно определил методологические основы исторического знания Ключевского, указав направление идейной эволюции историка. «На смену историку-гегельянцу С.М. Соловьеву пришел его ученик В.О. Ключевский, который под воздействием новых условий вынужден

¹ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 15.

² Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 256.

был создавать эклетическую теорию множественности факторов, плюралистическую и во многом позитивистскую»¹.

«Курс древней русской истории» (1879–1880), разработанный для студентов Московского университета, во многом построен под влиянием классического позитивизма. «Я не ошибусь, – писал профессор, – что с самого начала по нашей истории проходит неизменно один факт: явления экономические предшествуют политическим и служат их источником... На Западе обыкновенно бывает наоборот. Сначала обозначалась сила политическая, которая захватывала в свои руки народное хозяйство, перестраивала его по своему. Мы уже привыкли для объяснения каждого политического явления прежде всего обращаться к экономическим условиям, его вызывавшим, зная общее правило, действующее в нашей истории, по которому экономические факты у нас всегда предшествовали политическим и их вызывали»².

В понимании Ключевского общество представлялось «таким же фактом мирового бытия, как и жизнь окружающей нас природы». Он проводил параллели между социальными и биологическими процессами, отмечая «аномалии», «физиологии», возраст «общественных тел» и т. п.³ Рассматривая статистику в исторической науке, историк различал «состав и строй» общества, определяя структуру общества с его особыми элементами и связями между ними. При характеристике динамики в истории, он показывал процессы возникновения, роста, прогресса, смены, упадка и гибели общества. Динамика, по его мнению, проявляется в не рациональном расчете, плане, мотиве и программе людей, а в «стихийной необходимости» действий человека.

В «Курсе русской истории» профессор, по его собственным словам, определял «социологические задачи» как подго-

¹ Шкурин П. С. Критика позитивизма В. И. Танеевым. М., 1965. С. 37.

² Ключевский В. О. Курс древней истории (1879–1880 уч. г.). М., 1880. С. 69, 178.

³ Ключевский В. О. Курс русской истории / [Соч.] Проф. В. Ключевского. Ч. 1–4. М., 1904–1910. Ч. 1. С. 2.

товительную ступень «научного здания социологии»¹. Главной социологической задачей он считал выяснение исторических сил, с помощью которых «случайные и разнохарактерные людские единицы с мимолетным существованием складываются в стройные и плотные общества, живущие целые века»². Такой социологический подход к истории определялся у Ключевского исследовательской задачей и предметом изучения. В таком понимании он трактовал себя как «историк-социолог».

При анализе русской истории Василий Осипович выдвигал на первое место социально-экономические отношения и материальную культуру. Опираясь на это методологическое значение, он разрабатывал новые темы и давал новую трактовку историческим вопросам, которые уже были освещены в литературе. Примером такого подхода может служить вопрос о ценности и хозяйственном значении денег. Историк дал подробный анализ отечественной денежной единицы – рубля, его колебания, рассмотрел его покупательную способность на протяжении большого исторического времени³.

Ключевский дал свое понимание проблемы происхождения крепостного права. Традиционная историография этого вопроса сводилась к действию правительственных указов. Историк же в крепостном праве увидел итог долгого эволюционного процесса отношений землевладельцев и землепользователей разных рангов. Особое внимание он обратил на практику арендных договоров и долговых обязательств. Правительство, по его мнению, было поставлено перед фактом, когда институт крепостного права сформировался и с ним уже нельзя было не считаться⁴.

Историческая социология получила в лице Ключевского уникального художника. А.Ф. Кони пронизательно отмечал,

¹ Там же. С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Ключевский В.О. Русский рубль XVI–XVIII веков в его отношении к нынешнему // Чтения в Московском обществе истории и древностей российских. М., 1884.

⁴ Ключевский В.О. Происхождение крепостного права // Русская мысль. 1885. Т. X. С. 19, 25.

что Василий Осипович «говорил на чудесном русском языке, тайной которого владел в совершенстве»¹. Он обладал великолепной устной и письменной речью, которые свидетельствовали о несомненном литературном таланте. Его перу принадлежат мастерски оформленные афоризмы. Вот примеры оценки роли «добрых людей»: «Было бы сердце – печали найдутся». Интересны его смысловые антитезы из «Курса русской истории»: «Государство пухло, а народ хирел», «в университете лекций не читали, но студентов секли», «личная свобода поддерживалась кнутом», «взяточничество при Петре достигло размеров небывалых прежде, разве только после», опричников он называл «штатные разбойники», «мундирные анархисты». Он часто прибегал к насмешке или сарказму.

Будучи демократом и эволюционистом, Ключевский верил, что Россия рано или поздно станет правовым государством. Он выступал против воинствующего национализма и антисемитизма, склоняясь к либеральной оппозиции самодержавию. Но на вопрос «Как скоро наступит желанное время?» он давал, по свидетельству С.И. Тхоржевского, пессимистический ответ².

Историко-социологическая схема Василия Осиповича имела как для сторонников, так и для критиков, но наследие историка есть замечательный памятник нашего национального самосознания.

Литература

- В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912.
Кареев Н.И. Основы русской социологии. ГФЛ. Ф. 119. Оп. 8. Ед. хр. 17.
Ключевский В.О. Курс древней истории (1879–1880 уч. г.). М., 1880.
Ключевский В.О. Русский рубль XVI–XVIII веков в его отношении к нынешнему // Чтения в Московском обществе истории и древностей российских. М., 1884.

¹ В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 27.

² *Тхоржевский С.И.* В. Ключевский как социолог и политический мыслитель // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 170.

Ключевский В.О. Происхождение крепостного права // Русская мысль. 1885. Т. X.

Ключевский В.О. Курс русской истории / [Соч.] Проф. В. Ключевского. Ч. 1–4. М., 1904–1910. Т. 4.

Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. 1.

Мазалова В.Ю. Вклад В.О.Ключевского в разработку исторической социологии. Автореф. ... к.с.н. Саратов, 2005.

Нечкина М.В. История изучения В.О. Ключевского // Исторические записки. М., 1969. Т. 84.

Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

Погодин С.Н. Социологический метод В.О.Ключевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1 (25). С. 40–49.

Попов А.С. Истоки исторической социологии В.О. Ключевского // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 58–61.

Рукописный фонд Института Российской истории. Фонд В.О. Ключевского. Д. 26.

Тхоржевский С.П. В. Ключевский как социолог и политический мыслитель // Дела и дни. 1921. Кн. 2.

Шкуринов П.С. Критика позитивизма В.И. Танеевым. М., 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.В. Малинов.</i> К юбилею В.О. Ключевского	3
--	---

ВОСПОМИНАНИЯ

<i>М.Н. Покровский.</i> Курс русской истории проф. В. Ключевского	13
<i>С.А. Котляревский.</i> Что дает «Боярская Дума» В.О. Ключевского для государствоведения	21
<i>А.А. Кизеветтер.</i> Памяти В.О. Ключевского	35
<i>М.М. Богословский.</i> В.О. Ключевский, как ученый	42
<i>Ю.В. Готье.</i> В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (Из личных воспоминаний)	65
<i>А.А. Кизеветтер.</i> [Воспоминания о В.О. Ключевском]	73
<i>А.П. Яковлев.</i> В.О. Ключевский (1841–1911)	84

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>О.В. Богомазова.</i> Между памятью и забвением: практики увековечивания В.О. Ключевского в культуре России XX – начала XXI века	131
<i>Д.А. Сосницкий.</i> Василий Ключевский и его научные связи (по рукописным материалам РНБ)	159
<i>Е.А. Ростовцев.</i> В.О.Ключевский и петербургская историческая школа на рубеже XIX–XX вв.	169
<i>В.В. Козловский, Р.Г. Браславский.</i> В.О. Ключевский как исторический социолог и теоретик цивилизации	219
<i>С.Н. Погодин.</i> Историческая социология В.О. Ключевского	257

• • •

• - • , • • •

005-93, . 2; 95 3004 –

	14.03.2017.	84 84/16.
• • • 16,5.	200 •	42.

195251, - , . 29.
∴ (812) 552-77-17; 550-40-14

